

18+

ОСКОЛКИ ЛЮДОВИКА

Карина
Степанюк

Карина Степанюк

Осколки Людовика

<https://litres.ru/74154607>

ISBN 9785007021265

Аннотация

Продолжение «Потерянной в лотосе» («Второго шанса») и третий том из серии о Рии Калькурти. Узнав однажды всё о мире и закрывшись от него, Рия сталкивается с чередой неприятностей. И она бы приняла их неминуемость, если бы близкие не страдали.

Замешаны ли старые враги или во всём виновата потусторонняя сущность, которая ночами пытается заключить душу в осколок зеркала? Это предстоит узнать, отыскав старинный артефакт — зеркало Людовика XIV.

Содержание

Пролог	6
Часть первая. Вытеснение	8
Глава первая. Змеиная свадьба	12
Глава вторая. Солнечные зайчики	25
Глава третья. Ловушка осколка	49
Глава четвёртая. Вернувшаяся тень	65
Глава пятая. Старые друзья на пути	84
Глава шестая. На стыке двух мнений	98
Глава седьмая. Курьер с букетом	119
Глава восьмая. Несколько судьбоносных встреч	136
Глава девятая. Осколок зеркала	151
Часть вторая. Адаптация	170
Глава первая. Осколки в захолустье	176
Конец ознакомительного фрагмента.	193

Осколки Людовика

Карина Степанюк

Дизайнер обложки Карина Степанюк

Редактор Карина Степанюк

© Карина Степанюк, 2026

© Карина Степанюк, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0070-2126-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Всё описанное в книге является вымыслом. В книге нет документальных материалов. Многие исторические и религиозные факты частично или полностью изменены с целью сделать сюжет динамичным и красочным. Существует риск появления некоторых научных или идеалистических неточностей, отражённых в тексте в качестве представлений о происходящем персонажей описанной истории.

Героиня допускает собственную неграмотность во многих вопросах. Использованные наименования марок и брендов принадлежат правообладателям марок и брендов, но также являются лишь совпадением, которое не более чем случайность. Употребление алкогольных напитков и курение вре-

дит здоровью. Автор не поощряет действия персонажей и против повторения их опыта.

Пролог

— Скажите ей, что она с нами, — доносился голос из другой комнаты.

— Она должна узнать, кто её настоящий союзник, ради кого она сражается! — настаивал другой.

В глубине коридора, прямо перед поворотом прочь, стояла та, кому был посвящён разговор. Никто не знал, что она подслушивает, а значит, услышать она могла гораздо больше, чем планировали обладатели доносившихся голосов.

— Она думает, что ради них всё делает, но это же наша свобода.

— Ей не следует знать так рано, — пресёк третий собеседник.

— Но чем раньше всё поймёт, тем лучше сможет искать свои истины нам на пользу! — ответил тот, кто больше всего настаивал на своём.

Комната погрузилась в молчание.

— Мы расскажем ей, когда она сама согласится следовать за нами, — тихим бормотанием, скрывая недовольство, высказался противник посвящения кого-то лишнего в их тайны.

— Тогда я заставлю её сделать это быстрее.

— Не думай, что так легко вступишь в её систему. Не забывай, что она с нами, но сама по себе, — повысил голос

прежде бубнивший.

— Нет, не сама по себе! На нашей стороне ядра планет, а она на их стороне! — не сдавался другой, который решил встать на сторону спорившего.

— Мы можем обратиться к ним, но ядра не имеют союзников, только исполнителей, среди которых в основном оборотные нам. Они всегда на шаг впереди.

— Оборотные едва не сломили нас, когда была война за Гистофис. Наш народ чуть не пал под их гнётом! — противостояли в один голос спокойному и уверенному оппоненту.

— Бессмысленная болтовня! — крикнул не выдержавший и разозлившийся некто и добавил низким и властным голосом: — Она уже дважды вышла победителем. Если это произойдёт и в третий раз, то наш обманутый мир...

— Тише! — цыкнул третий, который говорил меньше всех, изредка поддерживая торопившего события. — Она нас слышит.

Коридор погрузился в темноту, потому что дверь, которая немного отставала от косяка и позволяла через крохотную щель пробиваться тусклому свету от ламп, захлопнулась. Слушавшая и слышавшая не могла с того мгновения разобрать ни одного их слова, а вскоре позволила себе забыть произошедшее и выведенное.

Часть первая. Вытеснение

У неё козырь.

Кладу на сукно карту,

Увы, наугад.

То, что произошло со мной за последние три года, — это невероятное переживание нереальной действительности. Каждый вздох был спланирован теми самыми высшими силами, которые не пренебрегли возможностью исследовать собственный мир через крохотных людей с их малюсеньким потенциалом энергии. Она пульсирует в виде души, являясь ядром физического уплотнения — тела. Нечто устаревшее. И казалось бы, невозможно найти нового, но каждый день способен удивить. В нём можно отыскать для души и духа абсолютно новые переживания или, лучше сказать, проживания.

И пусть кем-то они усвоены, но не мной. И я впервые прохожу этот путь, зная, что, возможно, кем-то он уже пройден. Для меня начинается принципиально новое путешествие. И мне чужды надежды, что происходит всё так, как должно, что нет других вариантов. Я многократно убеждалась в отсутствии правды и истины. Они, так же как и ложь, утратили свой единственный смысл, обретя бесчисленное количество трактовок, объяснений, значений... Вариант всегда есть, и

другой, и третий. Они количеством достают до бесконечности и настолько же изменчивы, как и мнение, но не слово, данное со знанием дела и в нужный момент.

Мне бы пораскинуть мозгами, предотвратить череду неприятностей, сконцентрироваться только на хорошем и минимизировать вероятность возникновения бескрайнего максимума провалов и ошибок. Были времена, когда я совсем не задумывалась о долгосрочных последствиях. Затем меня научили предвидеть. А вскоре заставили уверовать, что не может быть иначе — только постоянные сигналы, провокации и итог, который я в состоянии узнать на начальном этапе, когда, казалось бы, предпосылок никаких и нет. Но так ли надёжны предвидения, построенные ни на чём?

Происходило многое за эти три года. Не так много, как за всю мою жизнь, однако намного больше, чем у среднестатистического человека или не совсем человека. Ведь я потомок великого аспиды, змия с двойника планеты Земля, Гистофиса. Это всё выглядело интересно, когда я росла. Странные существа с чешуёй и недобрым, но чарующим взглядом. Я среди них такая непохожая. Белой вороной, а не изгоем, меня считали, потому что мой отец был царём, я, соответственно, наследницей трона. А потом узнала правду... Я расходный энергетический материал. Наполовину человек, наполовину змий, но виновата ли я в этом? Может быть, всё же не от меня зависело, кого в качестве моей матери выбирает отец? Почему же мне пришлось платить за его ошибки? Да только

не было никаких ошибок. Просто интрижка, которая вылилась в очень выгодные обстоятельства для моего отца. Его звали Тарохо, а меня — Рия.

Потом я свергла отца, стала Мари Сангрэ. Спасла обе планеты, получив знания, открыла в себе способности, которые потеряла, после того как отказалась от знаний. Уехала далеко, оставив любые попытки вновь вступить в схватку с себе подобными последователями покойного отца. Теперь я Мария Комарова, трижды поменявшая жизнь и поверившая, что это был последний раз, ведь я уехала глубоко в Сибирь, куда привёл зов. Ограничила себя жизнью с незнакомым человеком, его шаманской деятельностью и охотой на браконьеров и прочих фанатиков разрушений и гибели.

Моим пристанищем стала именно Западная Сибирь, где течёт река Скорби, которая постоянно меняет название, стоит печали и разрухе прийти в один из уголков Земли. Тогда ядро, в котором заключён живой дух, зовущий себя Ниром и управляющий любой внутренней и внешней энергией планеты, даёт этой реке и подобным ей новое имя, доносимое до острого слуха интуитов через шёпот потоков, стремительно несущихся из неоткуда в некуда. Длительное время она шептала «Кова». Таким же названием обладает река, пролегающая в Восточной Сибири, где я и тот самый шаман часто появляемся, чтобы проверить ключевые места на вмешательства злоумышленников, стремящихся истощить энергию планеты, загрузить её темнотой и сделать свой сле-

дующий ход. Недавно река Скорби меняла название, на что следовало откликнуться незамедлительно. Пора бы снова наведаться к ней. Вдруг поток шепчет «Кова» более отчётливо, чем прежде.

И именно на её знаки должна я обращать внимание, ведь в них моё величие. И величие тех, кто способен пересказать историю самого Людовика XIV. Один из них говорит, что видел её своими глазами. Я бы хотела послушать...

Глава первая. Змеиная свадьба

Обычное утро, которое повторялось изо дня в день, но постоянно вносило неожиданности. Миша ушёл несколько недель назад к деревянной статуе Женщины, он делал это каждый квартал, чтобы сила её сердца не ослабла. Перед тем, как приехать в Западную Сибирь, в деревню, где жил одинокий шаман Михаил, я насытила вершину треугольника очищения, которой и являлась вырезанная фигура святой женщины. Шаманские практики, уместные для работы с важным энергетическим центром, помогали очищать обширный регион от тёмного и скверного влияния на людей и природу. Михаил справлялся со своими обязанностями хранителя отлично, а мне последнее время ничего не оставалось, только ждать его и выполнять различные домашние дела, которые, если честно, уже наскучили.

Однако, как я и сказала, скуку развеивали случайности, происходящие с местными жителями практически отрезанной от мира местности. Несколько дней назад сломался столб, к которому были прикреплены все провода электричества и интернета. Вчера поломку приехали чинить специалисты из города, но один из них заблудился в лесу, а второй, поскольку его товарищ где-то блуждал, принялся устанавливать столб, привлекая деревенских мужчин, но оступися и упал с высоты кузова машины, ломая ногу. Сегодня деревня

ждёт врача и участкового из соседнего села, которые будут заниматься травмированным и пропавшим.

Ни света, ни интернета нет, а у меня акции в портфеле, которые нужно продавать, иначе может случиться обвал из-за надвигающихся плохих новостей о провале тестирования нового препарата. Ладно, я смогу это пережить, но как быть с другой напастью нашего тихого, на первый взгляд, поселения — змеями? Гадюки с едва заметным витиеватым и даже узорным орнаментом на спине заполнили все тропы, хотя прежде в таких количествах их никогда не было, а я уже два года тут живу практически безвылазно.

— Мань! — крикнула тучная женщина, которую обтянул хлопковый сарафан в цветочек.

— А? — крикнула я ей, отрываясь от прополки грядки с помидорами.

— Гадюка в стойле, поди поймай, как ты можешь. Закусает коров, скотину жалко, — попросила она, суется и переминаясь с ноги на ногу.

Бросив тяпку и прихватив плотные перчатки для работы с колючими растениями, я зашла в сарай, где на сене лежала чёрно-белая и длинная змея, а привязанная корова нервно стучала копытами по вытоптанной земле. Гадюка напряжённо держала стойку для прыжка, была готова вот-вот броситься на испуганное животное, у которого от стресса, наверняка, скисло молоко в вымени.

Змея раскрыла рот, шипя и выставляя зубы, по которым

щедро стекал яд, и полетела на корову тугой чёрной пружиной. Я резко выставила руку перед собой, падая на живот в стремительном прыжке. Горло гадюки застряло в кулаке, а тяжёлый хвост заболтался, всё ещё оставаясь похожим на металлическую, запомнившую все изгибы, проволоку. Я достала из кармана колбочку, которую всегда носила на случай подобных встреч, и весь яд рептилии выщедила для местного лекаря. Он занимается изучением ядов, почему бы не помочь ему?!

— Какие же огромные и странные, — пробормотала я и вынесла из сарая вредителя.

Когда женщина увидела гада, то начала громко причитать, что она и в дом могла заползти, и в кровать.

— Будем шины на участках жечь. Верный способ отпугнуть их, — сказала я, избавляясь от пресмыкающегося.

— Да где ж мы столько колёс найдём. Даже если на каждого по одному, угорим от вони, да и все машины без шин оставим, — запротестовала та.

— Ваше дело, я завтра жечь буду, — сказала я и унесла мёртвую гадюку в свой сарай, где сняла с неё кожу и повесила сушиться рядом с почти высохшими.

Я не трогала тех змей, которые были за пределами нашей деревни, но стоило хоть одной переползти жилые границы, как их головы теряли связь с телом, как бы жестоко это не звучало. Ядовитые гады могли закусать всех нас, а страх жителей только сильнее разжигал в гадюках желание избавиться-

ся от шумных соседей. Они были быстрыми, но жирными, как взрослеющий детёныш анаконды. Их укусы вызывали намного больше последствий, чем яд обычных гадюк. А ещё они походили на стальные пружины и могли прыгать на высоту человеческого роста с земли, незаметно из-за ошеломительной скорости впиваясь в кожу длинными клыками. Это были не гадюки в естественном понимании вида, а настоящие монстры, которые нарушали спокойствие деревни уже длительное время. Ужасные создания, от которых, казалось, нет спасения, ведь в этом месяце их можно было встретить почти каждый день, что пугало ещё сильнее...

— Мань! — снова послышалось со стороны калитки.

Через забор заглядывал сосед, который принёс новости.

— Чего, дядь Сём? — зная из его мыслей ответ, подыграла я.

У местного пропойцы, который по иронии судьбы держал пчёл и гнал великолепную медовуху, вечно был бардак в голове. При мне до сих пор моя способность слышать мысли, однако не всегда получалось вычленить из бреда дяди Семёна адекватную информацию. Сейчас же всё было очевидно:

— Того электрика, который заблудился, нашли на охотничьей тропе, закусанным змеюками этими.

— Зачем он туда вообще пошёл? — всплеснула я руками и направилась к калитке, потому что следующее, что скажет сосед, — это просьба выдворить змей с его территории.

— Мань, три гадюки! Три гадины! — показал он стары-

ми кривыми пальцами количество, подчёркивая ужас ситуации. — Я мужиков попросил, они там сейчас мучаются, тазами прикрываются. Никто лучше тебя с этими тварями не управляется.

Я округлила глаза, когда увидела, что четыре мужчины ходят кругами вокруг огромных гадюк и в холостую бьют лопатами. Изворотливые змеи ускользали от рубящих ударов и пытались ответить, тут на помощь приходили железные корыта. Когда мужчины накрывали гадюк, тем самым поймав в ловушку, рептилии выпрыгивали в ещё незакрытые щели и кидались на ноги и руки ловцов. Каждая из змей будто знала наперёд, что они сделают, опережала их и старалась нанести ответный удар, укусив за неприкрытые места. Я сдвинула брови в гневе и схватила тяпку, которая валялась на недавно вспаханной грядке, где дядя Семён собирался посадить душистые цветочные кусты для своих пчёл.

— Машка, тащи сюда свою задницу! — крикнул один из мужчин, который знал, как легко я ловлю змей любой масти, а ещё был местным лекарем, для которого я гадючий яд и собирала. — Вон она!

Тяпка поднялась в воздух и резко опустилась по траектории в нескольких десятках сантиметров от тела змеи, но в последний момент она изогнулась и попала под удар. На меня прыгнула отскочившая от корыта вторая змея, которую я поймала, как ту из стойла с коровой.

— Поймал! — крикнул второй парень, который торговал

на местном рынке яйцами и куриными тушками.

Неделю назад я доставала гадюку из его курятника.

— Держи пока, сядь сверху, — попросила я его и сцедила яд в колбу.

— Ох, Машка, — сказал лекарь. — Что б делали-то без тебя?!

— Держи, — протянула я маленькую баночку ему и, освободившись, направилась к корыту, ставя на неё ногу. — Слезай и отходи подальше.

Тот слетел с корыта и испарился в считанные секунды. Все видели только мою спину, поэтому не заметили, как лицо возле глаз и носа покрывается чешуёй, а восприятие действительности становится другим. Всё верно, эти змеи стали активно сползаться в деревню из-за меня, и только я могла с ними эффективно бороться. Откинув корыто ногой и отпрыгнув назад, я махнула рукой и словила змею, как назойливую муху. Но ошиблась в месте захвата и получила царапину от её острых зубов. Быстро перехватив гадюку, я осмотрела порез — вокруг кожа задрожала, она отреагировала на укус.

— Машка! — подскочил лекарь и достал из кармана маленькую флажку со спиртом, после чего полил царапину. — Нормально, жить будешь, немного задело.

Не теряя времени светового дня, я собрала кожу, которую потом Миша, мой сосед по дому, использовал в своих целях, отдала весь собранный яд лекарю, который перевязал мне

руку и настойчиво пробормотал:

— Твоё появление в деревне стало фурором. Цивилизация пришла. Но потом сплошные неудачи. То кого-то чем-то прибиёт, то змеи эти. Машка, твоя чешуя приносит несчастья.

Мне ничего не оставалось, как вздохнуть и поблагодарить за помощь с царапиной, от которой ничего кроме раздражения и зуда в моём случае точно не могло развиваться. Лекарь знал о нашей с Мишей тайне, он был в неё посвящён, когда я при нём сильно оцарапала руку. Тогда на дядю Сёму ни с того ни с сего упала огромная деревяшка с крыши его вездеходного джипа. Сосед затеял стройку и заказал некоторое количество, но большие грузовики не смогут проехать к нам в деревню, поэтому он аккуратно завёз в несколько десятков рейсов к себе на участок всё сам. Тогда у лекаря возникло много вопросов, потому что он впервые увидел появившуюся змеиную чешую вокруг глубоких царапин. Я не могла контролировать обращение, оно всё чаще проявлялось, выдавая во мне дочь аспида. Да и кровь становилась гуще и тусклее, будто стремится к фиолетовому, чего быть не могло, ведь я отдала свои клыки дракону.

Я могла бы стать такой же могущественной, как тот дракон из Индонезии, но я предпочла все силы передать именно ему, становясь обычной представительницей своего рода, да и то всего лишь наполовину, поскольку моя мать землянка с обычной человеческой сутью. Как же я устала быть собой,

как же устала самой себе объяснять, кем являюсь... Увидев моё настроение, лекарь переключился на безобидную тему:

— Машунь, ещё пару змей соберёшь? Я уже столько противоядия от яда наделал, несколько овец, правда, уже потерял. Но лучше, чтобы было больше. Вчера соседку мою укусили, лечу теперь.

— Попадутся — соберу. Специально ничего делать не буду, — резко ответила я и покинула сарай со всякими травами и снадобьями.

Думал лекарь много, постоянно запинаясь и повторял одни и те же мысли заново, словно подбирая интонацию. Его внутренний диалог говорил мне о том, что ему нравится моё пребывание в деревне, но было намного спокойнее, когда меня всё же не было. Что ещё можно сказать по этому поводу? Ничего, поскольку я не хочу никуда уходить, но и моя жизнь здесь превратилась в постоянную ловлю змей и предотвращение людских трагедий. Я чёрным вихрем ворвалась в их мир и начала его разрушать. Хоть Миша и говорит, что паломничество одному ему совершать удобнее, в следующий раз попрошусь с ним — пусть деревенские отдохнут от моей тяжёлой энергии.

Когда я пришла домой и проверила заряжающийся от солнечной батареи телефон, то увидела несколько пропущенных от Миши. Он обычно звонит на смартфон один раз, а после набирает сообщение. Тут шаман использовал кнопочный и настойчиво пытался до меня достучаться. Стоило мне

услышать один гудок ответного вызова, как Миша поднял трубку.

— Алло, Рия! — обеспокоенно отозвался он. — После моего ухода с кладбища, где я совершал энергетические практики рядом со статуей Женщины, кто-то попытался её осквернить. Я услышал, как дрожит вершина твоего энергетического треугольника, вернулся и обнаружил практически разрушенную топором статую.

— У них получилось её разрубить? — ужаснулась я и села за стол, потому что дело было серьёзным заявлением о начале противостояния сторонников тёмного сопротивления, с которым я боролась два года назад.

Миша запыхался — шёл куда-то пешком, торопясь и, судя по мыканию, спотыкаясь.

— У них не получилось, сломалось два топора, но отметины остались. Я задержусь ещё на пару дней, чтобы проследить за ними...

— Нет, это может быть опасно! — вскочила я с места, понимая, что об его голову топор не сломается, он в ней застрянет.

— Но если разрушат вершину...

— Энергетический след реликвии будет существовать до тех пор, пока они его на тонком уровне не уничтожат. У нас есть преимущество, потому что они даже физическое воплощение разрубить не смогли. Возвращайся, а я подумаю, что с этим можно сделать.

Договорившись с Мишей, я достала из холодильника колбасу и хлеб, сделала чай и плотно поела. Зажевала накопившую тревогу за дорого мне человека и выдохнула, почувствовав облегчение и уверенность, что Миша поступит так, как я ему сказала, и не полезет в геройские разборки.

Ну и денёк выдался, устала за сегодня. Помимо ошеломительных новостей из паломничества я подсчитала количество пойманных змей. Впервые столько гадов пришлось ловить. Ещё эта царापина зудит и ноет, хотя год назад я хорошо перенесла укус гадюки, думала, что подобное больше не вызовет никакого дискомфорта. Тут по руке, которую я прикрывала ладонью, чтобы не чесать, а затем по стене проскочил солнечный зайчик.

Я повернула голову к окну — огород купался в лучах закатного солнца, тень от дома тянулась к его середине, отчего отблеск света, отражённого в зеркале, могли пустить, стоя на дороге или соседнем участке. Мыслей детей в радиусе двухсот метров слышно не было, как и мыслей других людей. Я подошла к открытому окну и под видом закрывания огляделась. Никого вокруг точно не было, ничья машина не гудела, велосипед не скрипел, а мысли не жужжали. Обычная случайность. Птица села на стекляшку и поигралась со светом.

Спокойствие нахлынуло на меня вместе с усталостью. По настояниям соседки, которая против вони от горящих шин, завтра привозят какие-то химикаты от вредоносных рептилий. Некоторые жители обработают ими земли и траву по

периметру участка. Деревья вдоль заборов уже пересадили и повырубали, осталось принять последние меры, о которых мы ведали. С этими мыслями я легла спать и совершенно не видела снов.

На следующий день в калитку стучался дядя Семён.

— Манька! — кричал он, тряся котомкой. — Я тебе медку принёс за вчерашний героизм. Вот занесло же к нам в деревню заклинательницу змей, да как вовремя-то.

— Иногда мне кажется, дядь Сём, что эти змеи за мной и приползли.

— А ты, Мань, этого лекаря не слушай, — протянул мне тот банку в котомке. — Он сам не поймёт, что говорит. Он недавно по пьяни мужикам про чешую твою рассказал. Говорит, что ты сама в змею обращаешься. Ну, конечно! Мы даже ему посоветовали завязывать с выпивкой, а то черти привидятся ещё по белой горячке. Мы хоть и диковатые, но не отсталые. Котелок варит — в такие страсти не верим.

Дядя Сёма залился смехом.

— В деревне не только это говорят, — расстроилась я ещё больше из-за болтливости языка лекаря.

— Ты про то, что ведьмой кличут? — сморщился дядя Семён, а потом выдохнул через сомкнутые губы, создавая эффект фыркания лошади. — Так у тебя брат, Мишка, шаманством промышляет. А ты, стало быть, шаманка тоже. Каждую луну вся деревня ваш бубен слышит. Они не со зла. Так, кости моют, как умеют. А за змей всё же огромная благодар-

ность!

Сосед развернулся и ушёл к себе на участок окуривать ульи и собирать мёд. Или что он обычно там делает. Я же вернулась в дом и поставила банку в шкаф. Непокойно на душе стало. Может быть, из-за накаляющейся обстановки в деревне. Вероятно, из-за случившегося с братом во время его паломничества.

Миша вернулся на следующий вечер, нам как раз восстановили электричество и интернет. Уставший шаман всё же попросил затопить баню, чтобы очиститься после дороги. Вернулся поздно, поэтому все разговоры решили отложить до утра. Он только спросил, почему трава перед каждым забором почернела, посерела и превратилась в токсичную кайму. Я ответила, что химикаты против змей оказались слишком сильными, от них повяло всё, чего они коснулись.

— Я сделаю несколько обрядов, чтобы отвадить гадов от деревни, — закивал Миша и направился в комнату для сна.

— До завтра!

— До завтра, — выдохнула я и положила голову на опёртые о стол руки.

Тут по стене снова скользнул едва заметный солнечный зайчик. Но сейчас было слишком темно, чтобы отразить его. Кто-то намеренно играет с зеркалом и светом. Я выпрямилась и прислушалась. Была звенящая тишина на улице, но кто-то точно запустил отражённый луч через открытые окна. Я закрыла створки и занавески. Выключила свет и оку-

нулась в привычную рутину, которая всегда проходила быстрее и легче, когда Миша возвращался из паломничества. А поскольку он ходил всего лишь раз в квартал, то существование в деревне вдали от шумных городов и сёл было практически всегда лёгким и насыщенным. Но почему-то в этот раз он был неразговорчив и отстранён. Сильнее, чем когда меня прибило балкой и поцарапало руку.

Странная реакция, согласна, но ею, как я потом выяснила, Миша защищался, боясь, что в нём причина начавшихся на моём пути неудач. Он тогда даже предлагал мне разъехаться, потому что его присутствие, его карма из прошлых жизней, негативно влияет на всех, кто ему дорог. А я, по его словам, заменила ему всех потерянных родных. Мы тогда долго говорили, я практически приняла его предложение. Однако единственным правильным выходом было продолжать совместное дело по поддержанию энергетической вершины треугольника очищения. И сейчас у него та же реакция. Не удивлюсь, если завтра-послезавтра, когда сойдёт флёр таинственности, он снова заговорит об опасностях, которые могут меня преследовать. Что же случилось? Ведь раньше мы жили душа в душу и были убеждены, что всё наладилось в наших жизнях.

Глава вторая. Солнечные зайчики

Я спала. Раньше это было самое чудесное время. Мне практически ничего не снилось, и тело спокойно отдыхало от однообразных дневных хлопот, но не в последние месяцы, когда в сонном бреду было сложно понять, где реальность, а где вымысел. В эту ночь я точно также всего лишь думала, что спала...

Разряд тока прошёлся извивающейся змеей по груди, заставляя меня вдохнуть. Я сразу поняла, что это сон и даже вероятнее проекция предыдущих дней. Частые столкновения с гадюками, неаккуратное взаимодействие с электроникой в сарае не так давно. Но вместе с тем я яростно пыталась очнуться, немея от очередного разряда и открывая для вдоха рот, но не глаза — для пробуждения. Словно все неприятности настигли меня и заставили повторно их прожить. Шумный воздух наполнил лёгкие и ударил в голову, заставив двигаться остановившуюся кровь.

Я чувствовала себя иначе, будто пребывала в другом теле, которое покидала жизнь. А всё происходившее последние годы превращалось в воспоминание, где я была героиней выдуманной истории, а не живым человеком. Сон после пробуждения от клинической смерти. Ток больше не бился в груди незримыми молниями, наступила звенящая тишина. И только чьи-то руки трясли меня, возвращая в свою реаль-

ность, откуда я едва не сбежала в новую.

— Рия, твою ж за ногу! — делал мне массаж сердца Миша, используя профессиональные навыки дипломированного врача. — Возвращайся! Быстро!

Я открыла глаза и закашлялась.

— Ты не дышала дольше семи минут, пульса не было! Думал, ты умерла, — незаметно дрожал он и вытирал вспотевший от испуга холодный лоб.

— Почему ты не спишь? — садясь на кровать и пробуждаясь окончательно, спросила я Мишу, который ночевал в соседней комнате и не мог точно знать, дышу я или нет, если не был в этот момент рядом.

— Я шаман, у меня чуйка. Сколько можно говорить?! — встал он и пошёл к выключателю.

— У тебя действительно сработала интуиция или дело в другом? — недоверчиво спустила я ноги на пол, поёжилась и сморщилась от яркого света, включённого выходящим из моей комнаты Мишей.

На часах — половина пятого утра. Где-то вдалеке пробуждались петухи и вытягивали из дремоты хозяев и их соседей.

— Да, я проснулся от того, что мне показалось... вода течёт. Я пошёл проверить краны и, проходя мимо твоей комнаты, понял, что слишком уж тихо ты спишь. Испугался...

— Какого чёрта ты мне врёшь? — прошла я в коридор мимо него, скреживая руки для экономии оставшегося в теле тепла, зябко было.

Он взъерошил чубчик и сморщился от негодования.

— С чего бы мне врать, скажи мне, — принялся доказывать Миша, играя интонацией и жестами, что лишний раз выделяло его неспособность лгать.

Я промолчала и закрылась в ванной, не желая копаться в правде. В этот момент зачем-то отвернулась от неё. А может быть, просто не хотела узнать что-то преждевременно. Однажды мне снилось, что я смотрю в сумасшедшие глаза, что пытаюсь побороть их завораживающий и гипнотизирующий блеск, но никак не могу справиться. В конечном итоге ухожу в забвение вслед за манящим безумием. Был также сон про то, что от меня остаётся только пепел, который даже никто не развеет, потому что не найдёт среди белоснежного налёта бесконечности. Сегодня грудь ныла, появлялась с каждым выдохом нужда постанывать, чтобы облегчить тяжесть и разогнать воспоминания о разрядах тока. Грудь от пережитого во сне болела, сковывая от центра до лопаток.

Когда я вышла из ванной, Миша уже ушёл куда-то, не оставив ни записки, ни устного предупреждения. Не стал делиться. Опять... Только несколько дней назад вернулся, а уже закрылся, борясь сам с собой. Иногда казалось, что он обижается, а потом его переживания становились явными, но уже запущенными до стадии «невозможно скрывать, нужна помощь». Я его предупреждала, что терпеть кулуарные игры не собираюсь, если он решит что-то от меня скрывать, особенно если это «что-то» связано с его шаманскими ви-

дениями. Но Миша снова решил меня проигнорировать. Да, нельзя бегать от правды. В этот раз я обязательно должна выведать, почему он пришёл посреди ночи в мою комнату. Что такого видел или ощущал? И сделать это нужно прежде, чем происходящее превратится в катастрофу. Об остальном подумаю после завтрака. Я сильно проголодалась.

В холодильнике лежал ломоть сыра, вчера взбитое масло, а под полотенцем в ночь поставленное тесто, которое по рецепту Миши нужно было подержать минимум восемь часов в тепле. Я растопила уличную печь, хотя была духовка в доме, поставила туда форму с будущим хлебом и пошла кормить скотину. Когда в прошлом году Миша привёл из соседней деревни две коровы, дел оказалось слишком много, но уже появилась привычка ежедневной рутины. Не составляло труда убрать сарай, надоить молока, собрать яйца и даже срезать раз в год наросшую шерсть с овец. С приходом гадов я стала сильно переживать, что скотина может издохнуть. Двух из пяти овец мы уже потеряли, а одна корова заболела после укуса. Кур осталось из десяти всего шесть. Ещё немного и не останется никого.

И ещё во всей этой рутине и тревогах меня угнетало, что за кофе, который единственный позволял мне на время отключиться от гнетущего, приходилось ездить в город, доставка даже в соседнее село не работала. Все коммуникации на удивление исправно функционировали, особенно интернет, который протянули из-за меня, но многое другое пока

было недоступно для укромного и забытого всеми места на карте. А было ли оно там отмечено? Сомневаюсь. Сюда добраться могли те, кто жил неподалёку или должен был приехать по нужде, но стоило неожиданным новоприбывшим ступить на зачарованные земли, они терялись и пути к деревне найти уже не могли. Пока я ходила то там то сям и думала обо всём подряд, хлеб пропёкся, масло стало мягким, и только Миши всё ещё не было.

Он решил что-то узнать через шаманский транс и проверить сегодняшнее ночное происшествие. Его бубен доносился с излюбленного места на холме. Видение, ради которого он пренебрёг лунной фазой, наверняка касается моего прошлого, раз Миша так обеспокоен после случившегося ночью. А значит, я и сама смогу узнать всё необходимое, оглядываясь на события минувшего. Аспиды и вселенские игры разумов меня больше не должны тревожить. Я обещала себе, обещала тому сердцу, которое получила и оправдала...

— Моё тело, — послышалось из глубины коридора.

На стене неизвестно откуда появился солнечный зайчик и, заигравшись, сверкнул в глаза. Я поморщилась и закрыла лицо рукой, а когда убрала её, то поймала ускользающую к комнатам тень. Я выбежала в коридор и проследовала за тенью в свою пристройку. Но там никого не было.

— Гнусная ехидна, играть со мной вздумала? — не почувствовав присутствия живого человека и решив, что дух рискнул получить свою долю моих психоэмоциональных сил,

рыкнула я.

Тут в дом залетел Миша и быстрым шагом прошёл ко мне.

— Где она? — схватил он меня за плечи, забыв из-за спешки снять с себя шкуру волка, полученную от своего учителя, старого шамана.

— Была тут, играла с зеркалом, — ответила я, показывая на окно, через которое пробивалось яркое солнце.

— Ушла, гадина! — стащил он с себя шкуру и, волоча её за собой, устало затопал ко входной двери.

— Расскажешь?

— Она, эта чёртова сущь, сегодня ночью стояла над твоей кроватью и пыталась в осколок зеркала заключить твою душу, утащить в зазеркалье для своих нужд, — сев на пуфик и сняв обувь, всё же ответил Миша, но перед тем, как продолжить, косо посмотрел на меня.

— Сколько раз ты её уже видел?

— Ночью увидел её впервые, раньше только зайчиков на стенах замечал. Она не похожа на домового, на демона или кого бы то ни было. Это какое-то неопознанное существо, смешавшееся со всеми проявлениями мира. Когда я призвал её сегодня, она показалась то ли призраком, то ли человеком. Она могла менять свои обличия так быстро, что становилось не по себе.

— Тебе удалось узнать, кто её подослал? — спросила я и помогла обессилевшему Мише встать с пуфика и пройти на кухню для завтрака.

От него пахло горелыми травами и костром, но вместо умиротворённого вида Мишу преследовал шлейф обоснованных или нет тревог.

— Да, её однозначно кто-то подослал, но, кто именно и для каких целей нужна твоя душа, узнать не смог. А что это за запах, хлеб испекла? Дай сюда, есть хочу, умираю.

День прошёл как обычно, зато ночью снова проявилось странное видение во сне.

— Рия, пошли в кино, — предложил Найдас. — Этот фильм снят в честь тебя.

Он лучезарно улыбался уже некоторое время. Но я-то знаю, что он давно ушёл из жизни. Получила ли я вновь возможность повидаться с ним в его загробном мире или моё подавленное желание пытается вернуть его так явно, словно реальный стоит передо мной? Сейчас Найдас или его образ путал меня, заставляя снова задумываться о жизни после смерти и реинкарнациях. Знания Кайласа явили разные и исчерпывающие точки зрения, которые я не смогла объединить в одну. Так надо было или, возможно, не так могущественна оказалась, чтобы довести осознание информации до логического конца. Сейчас большая часть из остаточных знаний улетучилась, оставив ещё больше вопросов, в качестве платы за обладание всеобъемлющим потоком священного Кайласа. Может быть, зря я тогда отказалась от него?

— Почему именно сейчас хочешь пойти? — спросила я у Найдаса, понимая, что не в кино зовёт меня, а посмотреть

видеоряд перед смертью и забрать с собой на тот свет, который меня не принимал, но и не отпускал.

— Хочу узнать, на моей ли ты стороне.

— Разве ты его ещё не смотрел? — прищурилась я, разглядывая его расплывающиеся черты и спрашивая совсем не о том, что хотела бы узнать, отчего всё больше понимала...

Сейчас на меня в этом сне смотрел однозначно не Найдас. Некто заманивал в свои дали, чтобы я в них затерялась, но внутри меня царили равнодушие и полное отрешение, которое было не по нраву ночному гостю. Это — ловушка и моя, и его.

— Так ты согласилась? — удивлённо спросил Найдас и схватил меня за холодеющие кисти рук.

— Всё зависит от твоих целей? — сквозь сомкнутые губы пробубнила я и крепче вцепилась пальцами в его ладони, чтобы почувствовать, насколько они реальны, насколько реален тот, кто прикидывается Найдасом.

Он хотел было отстраниться, хотя сам навязывался мгновения назад. Но мне уже ни к чему играть в игры.

— Что ты хочешь от меня? — неожиданно закричала я.

— Не кричи! — закрыл ладонью мне рот Найдас. — Я предложил сходить в кино, да. Но тут вспомнил... оно ещё не вышло. Но если ты сейчас не согласишься, его премьера состоится без нас, потому что... билеты раскупят так скоро, как они появятся. Я не успею их купить.

В груди заломило. Утихшая утренняя боль вернулась но-

чью. Игра моих видений во снах последнее время слишком часто возвращает к потерянному или отвергнутому.

— Зачем приходишь Найдосом? Это бессмысленный выбор. Приходи отцом, с ним я всё ещё не попрощалась.

Улыбка, которая появилась на лице Найдаса, ему была не свойственна. Он вцепился в плечи и ликующе приподнял меня, сгорая от восторга. Отпустив и отойдя от меня, некто схватился за какой-то шест позади себя, напоминая скипетр древних царей Гистофиса из легенд и мифов.

— Твой отец ждёт нашей свадьбы. А предложение я сделаю тебе в кинотеатре. Согласись идти со мной, тогда я выполню всё, что ты мне прикажешь и отдам этот скипетр, — улыбнулся идеальной дугой незнакомый мне мужчина, скрывающийся за ликом некогда любимого человека.

— Иди к чёрту со своей поганой улыбкой! — рыкнула я и кинула в видение камень, оказавшийся по чистой случайности у меня в кармане, но оно увернулось, обволакивая сомнениями, которые были во время последнего разговора с Найдосом, умоляющим отпустить его.

А его ли я тогда видела? Кого я целовала на прощание? Кому давала обещание, что буду сильнее и поверю в следующую жизнь ради него?

— Раз ты меня отвергла, жди другого, — улыбнулся он и похлопал по щеке ладонью, удивительным образом оказавшись рядом и уже обхвативши моё лицо руками.

Я же ждала, когда некто наиграется и рассеется, потому

что проснуться сама не могла. Мужчина сказал моё имя тихо, потом громче. И вот уже кричит «Рия» настолько яростно, что я собираю все силы и отпихиваюсь ногой от того, кто удерживает моё сознание при себе. В темноте послышался звук бьющегося стекла, пыхтение и хруст.

— Рия, включи свет, — едва различимый при тусклом свете убывающей луны, сказал Миша.

Я потянулась к выключателю и щёлкнула им. От настольной лампы рассеялось столько света, сколько было достаточно, чтобы отразиться от мелких осколков разбитого зеркала, в кругу которых сидел порезавший руки Михаил.

— Это не к добру, Рия, — сказал он, растеряно поднимая заспанные глаза. — Ты уже несколько месяцев мучаешься кошмарами. А после моего возвращения от статуи Женщины будто проваливаешься в кому каждую ночь. Ты же понимаешь, что тебе нужна помощь?

— Она мне не нужна, — словно загипнотизированная блеском осколков, сидела я и смотрела на них.

— Ты пережила слишком много в этой жизни. Но ничем со мной не делишься, ничего не рассказываешь, мучаешься дурными снами о событиях из прошлого. Ты просишь кого-то остаться, затем просишь его уйти. Кто он? Хотя бы это можешь сказать?

Я отвернулась и, спустив похолодевшие ноги на пол, постаралась встать. Обычно я всегда бегу на помощь, стараюсь помочь Мише, быть ему союзником или хотя бы не мешать.

Но сейчас меня словно сковало цепями. Нежелание подняться с кровати окутало разум. И будто бы жить мне осталось не так много времени. Вот-вот настанет день премьеры фильма, на котором я буду «обручена» с неведомым. Какого фильма? Кто это существо из снов, играющее в свою игру? И самое ужасное, что вижу я его не в первый раз.

— Может быть, выйдешь уже из транса и поможешь мне?
— разозлился Миша и смёл подвернувшейся газеткой окружающие его мельчайшие кусочки зеркала. — И как оно так рассыпалось?

Он принялся говорить сам с собой, бурча и фыркая в конце предложений.

— Ай! Вонзилось...

А я до сих пор не могла встать с кровати. Слезы покатались из глаз, такое уже было. Подобное случалось, но я же отпустила, оставила всё в прошлом. Зачем оно возвращается? Почему, счастливая и умиротворённая внутри, я возвращаюсь к состояниям, которыми болела в прошлом? Мне это не нужно!

— Я не хочу возвращаться!

— Если не расскажешь, придётся, — недовольно пробурчал Миша, продолжая сметать газеткой осколки в одну кучу.
— Вечно доводишь всё до апогея, а на меня ещё ругаешься, что я скрытничая. А сама?

— Мне снился хамелеон, который в этот раз прикинулся Найдасом. Он приглашал меня в кино, — сказала я, глядя на

другое целое зеркало, которое под углом было видно через дверной проём в коридор.

Оно висело на стене напротив арки в зал.

— Найдас — это твой бывший, твоё сильное и в то же время слабое место, я правильно помню? — натянуто спросил Миша, делая вид, что не сгорает от злости из-за моего бездействия.

— Это человек, ради которого я была готова предать весь свой род. Его же род я была готова защищать.

— Ты предала пресмыкающихся гадов, чтобы спасти человечество. Ты мне это рассказала, слово в слово. Но объясни мне наконец, кто же ты такая, чёрт возьми. Живу непойми с кем. Мир спасала, великаном ходила, потом ещё какие-то факты набрасывала про всемирные знания. Я каждый квартал хожу к деревянной статуе Женщины, чтобы выполнять своё обещание. Ты же обещала мне всё рассказать. А всё, что я получаю, — это худые, размытые басни. Я только мельком видел, как блестит кожа, хотя лекарь вечно судачит, что ты — настоящая змея. Ха! — выпрямился Миша, разгневано кривя лицо и продолжая бухтеть: — Судя по тому, как ты себя ведёшь и расправляешься со змеями, ты сама змееподобный аспид или как их там, гадюки?! Я прав?

Миша собрал в газетку крупные осколки, смял их, чтобы не потерять, и на цыпочках вышел из опасного круга.

— Ай! Зараза, в тапки залетела.

Я заставила себя встать и сходить за веником. Подметая, я

молчала и пыталась привести неровное сердцебиение к чёткому ритму. Пока что он напоминал удары в бубен, смешанные с течением реки, которая всё ещё или пока что называлась Кова. Тревога окутывала меня. Хотелось сорваться, спрятаться, подраться, взять в руки пистолет и написать Ле-Году, который предлагал мне контракт наёмника, что я согласна вернуться в строй.

— Я схожу с ума... — пробормотала я, оделась, пока Михаил в ванной обрабатывал порезы, накинула лёгкую куртку и ушла в лес, где во всём видела своё отражение.

Прямо на меня ползла гадюка. Лекарь просил ещё яда, но после химикатов рептилии исчезли из деревни. Появилась прекрасная возможность поймать одну и получить яд, а потом... отпустить, что ли? Сейчас, глядя на хладнокровное создание, я хочу превратиться в змею. Не покрыться чешуёй, не приобрести чутьё, не плюнуть ядом. Хочу растянуться пузом по земле и почувствовать её дрожь. Сейчас же я чувствую дрожь души и быстрые ритмы сердца. После возвращения Миши и его новости о том, что он узнал у местных о появившейся банде, которая разграбляет святые места и уничтожает памятники духовности в деревнях и сёлах, у меня появилась тревога. Я понимаю, что меня тянут обратно в противостояние. Против моей воли.

Мистер Хью, которого я загипнотизировала, который совершенен в своём мастерстве путать дороги, потому что является ехидной, очухался и затеял очередную игру в геро-

ев. Я это чувствовала, словно кто-то вкладывает мне это в голову. Хью думает, что сможет достать меня. И неспроста все передраги посыпались на меня и моё окружение. Если я права, то подскажет мне река Скорби, на пути к которой сейчас лежит готовая прыгать гадюка. Но когда я явила свой истинный вид ящера, она закрутилась на месте, сворачиваясь в узлы, а потом распуталась и уползла в кусты.

Я подошла к бойкому потоку, вытекающему из маленькой пещерки на холме и расплывающемуся в крохотное болото, где, как ни странно, никогда не водилось комаров или других живых организмов. Сев у самого берега узкой реки и погрузив руку в воду, я ощутила приятный холодок, но вместе с ним пришли другие ощущения в виде звуков и картинок. Кто-то перелистывает плотную бумагу в поисках нужного листа, он подглядывает сквозь расстояния, чешет глаза и записывает в тетрадь тупым карандашом, цепляя торчащим краем дерева бумагу. Неприятный хлюпающий шум от трения ладони о мягкую кожу век заполнил уши. Потом я действительно превратилась в нечто, способное почувствовать дрожь земли. Вибрацией доносилось из недр «Сена». Душа содрогалась от шагов кого-то большого и злого, прогоняющего видение, дарованное рекой Скорби.

— Рия, елки-палки! — крикнул Миша, пробираясь к её истоку.

— Тише, — шикнула я, поднимая указательный палец над головой.

— Я думал, тебя звери растерзали, — шёпотом сказал он и сел на корточки рядом со мной. — Что ты здесь делаешь? Тебя не было двое суток. Пора возвращаться. Это чертовски долго для медитации.

— Река Скорби снова меняет название. Я предвидела это. Точно знала, что вот-вот это произойдёт. Раньше было «Кова», а сейчас ручьи шепчут «Сена». Что-то пытаются показать. Отчётливо понимаю, что это мужчина. Он что-то пишет, не понимаю. Глаза трёт и практикует какие-то энергетические техники. У него есть информация про меня.

Я вышла из медитативного взаимодействия с рекой и бросила хоть и уставший, но горящий любопытством взгляд на Мишу. Тот глубоко вздохнул, закрыл глаза и коснулся пальцами журчащего потока. Через несколько секунд он одёрнул руку и стал спешно её вытирать.

— Уже? Что почувствовал? — спросила я, ожидая, что он поможет мне узнать досконально то, что я пыталась выведать у природы целых двое суток, ведь сам мог это сделать за считанные мгновения.

Опытный шаман поджал губы и сморщил нос, будто почувствовал неприятный запах. Он глубоко и быстро задышал, сопротивляясь отвращению. Но после сказал что-то вроде «не знаю», «не понял». Я проследила, как Миша встал и пошёл вдоль реки к деревне.

— Не нужно было ему мысли закрывать печатью, — пробормотала я и тоже, встав, пошла следом.

— Вечно ты своими экспериментами заставляешь меня волноваться... — бормотал Миша, заходя в дом. — Двое суток по всему лесу искал.

— Почему сразу не пошёл к реке?

— Откуда я знал? Ты к ней вообще впервые за всё время пошла. Ещё и практику какую-то непонятную делала.

— Ты сам меня многому научил. Например, в бубен стучать, настойки делать. А мои техники ты поддерживать не хочешь, — ответила я на бубнёж.

Миша открыл холодильник, взял зелёный лук, ржаной хлеб и домашнее пиво, которое я недавно сделала. Он сел за стол с новой скатертью, которую постелил два дня назад, и принялся жадно есть и пить.

— Расскажи, что увидел.

— Рия! Оставь это! — шумно поставил он кружку на стол и сжал горбушку хлеба.

— Ты мне тут не ори! — стукнула я ладонью о ту же столешницу. — Быстро рассказал, пока я сама в башке твоей не покопалась. Я прекрасно это умею.

Шумно сглотнув и похлопав широко раскрытыми глазами, он вытер рот и сложил руки в скромный замочек.

— Я увидел тебя в Париже. Там те, от кого ты сбежала несколько лет назад. И-и-и... тебе действительно лучше не игнорировать то, что с тобой происходит. И-и-и... уехать. Вернуться, хоть ты и не желаешь.

Я выдохнула и устало села за стол.

— Значит, не ошиблась...

— А ещё я видел худощавого мужчину, который дал тебе каких-то сил или забрал их.

Мне тоже захотелось пива. Я налила себе кружку и закусила горькими перьями лука, довольно откидываясь на спинку стула.

— Я, конечно, обещала, что больше не полезу в передраги, но...

— Ты полезешь, — закончил Миша. — Река Скорби показала, как ты пакуешь чемоданы, а потом сокрушаешься, что не взяла с собой зарядку от телефона и какую-то линзу, которая считывает энергетические отпечатки будущего или прошлого, я не разобрал.

— Да, есть такая, но для этого мне нужен Клий или ЛеГод, потому что у меня на Земле нет таких приспособлений.

Миша округлил глаза.

— Вот так так! У тебя на Земле? Земле? И кто же ты теперь? Марсианка? Представительница Венеры? — спросил он, уцепившись за ниточку клубка новой информации.

Я пожевала губы и рассказала ему всё про своё происхождение и связи с представителями другой планеты. Он внимательно слушал и по виду старался запомнить вопросы, которые возникали у него по пути, но, наверняка, половину из них забыл.

— Подытожу, — выдохнул он и снова сложил руки в замочек. — Ты представитель расы аспидов, но считалась ва-

силиском, однако оказалась драконом, который отдал клыки другому дракону, после чего стала почти человеком, но со временем вернула себе вид ящеров, — Он сделал вдох и продолжил: — Потом ты умерла, воскресла на острове, где тебя обучал демон под руководством трёх божеств, которые потом отправили тебя к центру планеты Гистофис по имени Анил, который являлся духом планеты и её олицетворением, а также дал добро работать с центром планеты Земля, Ниром, и спасать людей, — Он снова сделал паузу для вдоха, а, набрав воздуха в грудь, продолжил: — Но тут вмешался индиго, бывший парень с демоном внутри и ехидна, которая служила твоему отцу, аспиду. Однако отец предварительно перед всеми змееподобными инопланетянами понизил твой статус из-за матери землянки. Иными словами ты — представитель змиев, только наполовину, а значит, являешься рептилоидом, однако всё же родилась ты не рептилоидом, а редчайшим драконом, а теперь мы вернулись к началу... — дыхания не хватило, он снова сделал вдох и волнительно закончил: — ...когда появляется очередной тип твоей расы, вызывает у тебя чувство паранойи и, возможно, насылает непонятного чёрного беса завладеть твоей душой, хотя она не твоя, как и сердце, которое прежде принадлежало другому человеку, а именно твоему двойнику.

Повисла пауза. Лицо Миши покраснело от того, что он старался запомнить и выдать как можно больше информации.

— Что за бред? — запыхавшись, выдохнул он.

Я кивнула, отчего шаман подскочил с места и быстро задышал:

— Ты прости, но в зелёных человечков с других планет я не верю. Доказывай сказанное!

— И какие доказательства нужны? — спросила я, глядя на него исподлобья. — На Гистофис свозить?

— Полностью в змею превращайся. Я видел только небольшие ряби, хотя лекарь действительно говорил, что ты настоящей змеиной кожей покрываешься. Но он алкаш, я ему не верю. При мне прям сейчас целиком обращайся в инопланетянку. Только без обиняков!

— Зрелище не для слабонервных, — сказала я и вздохнула, зная, что вытворит Миша, когда увидит меня настоящую.

Я покрылась чешуёй. Глаза немного разъехались к вискам и почернели. Нос стал тупым и опустился, а вместо рта растянулась хитрая широкая улыбка, хотя я сейчас совсем не насмехалась. Волосы стали толще, а кожа зеленее. Миша вздрогнул, подпрыгнул, отскочил и едва не потерял равновесие. Я ему говорила урывками, немного играла с кожей, но никогда не позволяла себе показаться в настоящем облике. Теперь он побледнел так же быстро, как покраснел до этого. Он обернулся к кухонному гарнитуру, открыл дверку верхнего шкафа, достал святую воду и прыснул мне в лицо, продолжая бледнеть и краснеть. Ничего не произошло, поэтому он прочистил горло, сел обратно на стул и стал рассматри-

вать петли на скатерти, изредка бросая взгляд на меня. Не стала его больше испытывать и вернулась к первоначальному виду, вытирая рукавом обрызганное лицо.

— Всякое повидал, но сейчас мне люто страшно, потому что ты не дух и не бес, а материальное явление, которое легко может навредить в приступе гнева, — пробормотал он.

— Я всего лишь такое же существо, как и люди, только с другими биологическими характеристиками. Ты же не кричишь на корову, что она зло во плоти, верно?

Миша крепко встал на ноги, но опёрся о столешницу, не выпрямляясь до конца. Он обескураженно посмотрел на меня, прежде чем выдать несусветную чушь:

— Кажется, я что-то напутал в наших энергетических связях. Моя мать не могла переродиться в тебя. Хотя то, что она сделала... — задумался он и погрузился в размышления.

— Миш, успокойся, иначе загнипнотизирую, — равнодушно сказала я и пожевала лук.

— Перекрестись на всякий случай. Мне так спокойнее, — сощурился он.

— Реально думаешь, что я подожгусь, если меня осенить крестным знаменем? — подняла я бровь.

— В голове не укладывается. Будто я в дурдоме, где ново-прибывший открыл свою новую реальность в коллективном бессознательном, — выдохнул шаман и сел напротив, оглядывая моё человеческое воплощение и ища в этом образе подвох.

— Значит, другие миры, которые ищешь в астрале, тебя не смущают, а моё происхождение — очень. Может быть, ты ещё и в энергетику перестанешь верить тогда и в бубен стучать заодно?

— Так, ладно, пусть всё так и есть. Я же шаман, маг и исследователь. Вернёмся к тебе и твоим проблемам. Получается, ты полетишь в ближайшее время на Гистофис, а после вернёшься и отправишься к тому... кто он? Тоже инопланетянин, рептилоид, аспид?

— Не знаю, — закивала я. — Думаю, ехидна. Не то, чтобы последователь моего отца, но точно преемник или слуга мистера Хью, который отправил меня на Кайлас, я рассказывала.

— Да, да, — закивал Миша.

— Уверена, что так просто меня всё же не отпустили в пожизненный отпуск. Также точно знаю, что моим именем уже активно пользуются. Только кто и в контексте чего? — задумалась я.

Миша медленно отвёл глаза к иконке в углу стены напротив, после чего перекрестился и залпом допил пиво. Переважив информацию и освоившись с новым взглядом на ситуацию, шаман снова вернулся к рассуждению о планах.

— Хорошо, ты получила знамение лететь в Париж. Что ты там должна сделать?

Я задумалась. Зачем я собираюсь именно туда, куда показала мне река Скорби? Ведь я не летала в Африку, в Ама-

зонию, когда поочерёдно её название сменялось на «Конго» или «Амазонку». В прошлые разы никогда не было видений, связанных с представителями моей расы. Меня никогда не мучали кошмары и желание вернуться к деятельности наёмника. Наверное, это происходит потому, что сейчас угроза исходит от ящеров, а не от людей или естественных катастроф и бедствий. Если мой род решится снова сгущать тьму среди людей, я должна вмешаться, хотя никакого явного призыва не получала.

— Интуиция подсказывает, что время пришло, — сказала я и растянула рот в линию, подчёркивая незатейливость происходящего и шокируя Мишу полным принятием ещё больше.

Хотя его реакция действительно странная. Он был в трансе, когда увидел меня огромным образом в облаках, когда я строила энергетические барьеры над поверхностью планеты, и воспринял это всего лишь видением. Но когда столкнулся с преображением за пределами танцев с бубнами, испугался основательно. Сейчас так переживает, будто никогда не встречался с сущностями, которые порой страшнее таких как я. Хотя нет, мы действительно настоящие и опасные, от этого любая энергетическая составляющая, несущая угрозу, становится чем-то незначительным перед нашей злобой и гневом, воплощаемыми на физическом уровне с целью нанесения вреда.

— Есть ли у тебя история с зеркалами? — неожиданно

спросил Миша, оглядывая порез на ладони, с которого снял износившийся пластырь.

— Есть, — вскинула я брови от удивления. — Думаешь, это всё взаимосвязано?

— Знаки об этом говорят. Та сущь, которая через осколок утягивает тебя в зазеркалье, не просто так начала нас преследовать. Но причём здесь Париж?

— Людовик XIV стал культивировать создание французских зеркал, чтобы не переплачивать итальянским мануфактурам. Возможно, есть какие-то истоки итальянских или более древних знаний, которые спрятаны в Париже или другом городе государства. Осталось понять, какие ресурсы мы можем использовать, и за какие из них я буду бороться с последователями Хью, — потупила я взгляд, внутренне напрягаясь из-за того, что собираюсь искать иголку в стоге сена.

— Мне нужно ехать с тобой? Думаю, я нужен рядом со статуей Женщины. Хочу посторожить её. Не верю, что это отвлекающий манёвр, они просто нашли одну из вершин и пытаются её уничтожить, — сказал шаман и почесал над верхней губой. — Если вы настолько сильные и могущественные, что так легко бороздите квантовые дали через энергоцентры планет, то можно легко проследить пути граней построенного треугольника очищения. Там и ступа, и горстка камней будут вскоре под ударом.

— Только... будь аккуратен, если что-то произойдёт... мне будет больно, — сказала я, принимая его план.

— Угу, — кивнул он и поправил воротник. — Пойду поменять майку, вспотел от ужаса.

Глава третья. Ловушка осколка

Я собирала чемодан. Улыбалась и думала, что ничего, кроме поддержания ближайших вершин треугольников очищения, не коснётся моих перетруждённых рук. Однако сейчас кидала в чемодан всё подряд, торопилась и предвкушала, как отправляюсь сначала на Гистофис, а потом после согласования деталей миссии с ЛеГодом во Францию. Он тогда немного обиделся на меня за то, что отказалась от контракта и практически ничего не рассказала о полученных знаниях. Но я попытаюсь сгладить все острые углы в нашей предстоящей беседе.

Если сравнивать себя настоящую с прошлым явлением, могу сказать, что я деградировала до состояния обычного существа, чему, наверняка, были рады те, кто сейчас разрушал вершины сооружённых треугольников. Не мне осуждать их, потому что они тоже делают свою работу, но как представитель стороны, которая выступала за созидание защитных структур, я возмущена. Долго во мне клубился туман возмущения, он сгустился в едкий смог и стремился отравить всё вокруг. Я боялась, что он заденет тех, кто был мне дорог. А если это произойдёт, то ударит меня уже по счёту в третий раз и... точно убьёт остатки живого, сметённые в захудалые уголки души. Не моей, а принадлежащей сердцу. Не моему.

— Ты какая-то странная, — сказал Миша, откусывая яб-

локо и садясь на край кровати рядом с чемоданом, над которым я застыла, размышляя.

— Я будто бросаю и предаю всё то, что здесь успела приобрести.

— Глупости не говори, — дёрнул ушами тот и проглотил прожёванный кусок фрукта.

Слушая треск распадающихся частей яблока при следующем безжалостном укусе, я чувствовала, как легко даётся действие Мише, который даже не замечает, насколько яростно впивается зубами в плод, но как невыносимо яблоку терять каждую из своих частей.

— Боишься, — закивал Миша. — Думаешь, что угодишь в ловушку и исчезнешь подобно ему?

Он поднял яблоко перед собой и покрутил его, гордясь, что успел изучить меня за время нашего сожительства. Он был проницателен, но пока что глуп, хотя говорил, что живёт уже не одну жизнь. Рассказывал при этом только про две, одна из которых ныне существующая.

— Чем больше вещей я беру с собой, тем больше понимаю, что тащу себя в ловушку, откуда не вернусь.

— Тогда возьми рюкзак. Ты же вроде инопланетянки, не думаю, что тебе уж прям так много надо...

— Ты прав. Когда приехала к тебе, несла на плече один рюкзак, — улыбнулась я и достала из шкафа пыльную ручную кладь, куда сложила минимум вещей.

Миша доел яблоко, на лице была задумчивая улыбка, а

в груди бешено билось сердце. Когда мысли перестали течь нескончаемым потоком в голове, он поднял глаза и весело хмыкнул:

— Возможно, тебе это будет полезно. Я хочу кое-что исследовать, пока ты добиваешься своего.

— Я пока не знаю, к чему иду, — села я на край кровати рядом с ним и почувствовала, как силы уходят, а руки опускаются. — Что исследовать?

— Астрал.

Я сдвинула брови и растерянно улыбнулась.

— Ты же и так работаешь в нём, когда обращаешься к духам.

— Это не то! — подскочил с места Миша. — Там у меня такое состояние, будто я не вхожу в мир духов, а собираю их вокруг себя. А здесь я хочу именно исследовать то пространство, где они живут и обитают. Оно за пределами астрала, но проход туда защищают демоны и лярвы всякие, которые очень быстро меня истощают.

— Ты читал книги по этому поводу?

— Нет, — не удосужившись обратить внимание на важность вопроса, принялся он расхаживать из одного угла комнаты в другой.

Было глупой затеей вставать на пути будущего мага в момент его неистового движения к цели. Если Миша решил развить свои навыки, пусть делает это своими способами — устала наставлять и командовать.

— Я оставила тебе денег на счёте. Когда договорюсь с Ле-Годом, пришлю средства связи, которые никто не сможет отследить и взломать. Если ты преуспеешь в изучении параллельного мира, это действительно мне поможет. Наверное.

Если сейчас для Миши открывается дверь к новым возможностям, и он в неё успешно зайдёт, продолжая странствия вместе со мной, то найденное и изученное им за дверью может быть полезно и для меня тоже. Пока слишком метафорично и сложно, пора делать то, что более реально, — я закинула сумку в машину и завела двигатель, дожидаясь, когда Миша сядет на пассажирское сидение. Нам предстояло путешествие в Красноярск, затем к статуе Женщины. Когда я увидела свежие следы от топора, то сжалась. Сердце вершины пульсировало и наполнялось нашей с ним энергией, но сразу отдавало её пространству, как того то и желало. Крохотные бороздки ударов говорили о силе и стойкости энергетической вершины, но это всецело Мишина заслуга.

— Когда я перемещусь, не лезь под лезвие, ладно? — посмотрела я в его глаза.

— Я всё равно буду неподалёку, потому что в деревне мне делать нечего, а здесь я смогу осуществить все необходимые мне и тебе практики.

— Уговаривать не стану. Предостерегу и пожелаю удачи.

— Всегда мудрёно говоришь, но при мне ружьё, — похлопал он меня по плечу. — Лети на Гистофис и привези мне оттуда магнитик.

Я рассмеялась и приложила старый, затёртый жетон «Центрального комплекса» к статуе. Его мне вложил в руку сам ЛеГод, говоря, что я должна время от времени думать, что была лучшим агентом.

Я думала, профессор, долго думала. А теперь не могу не вернуться. Но почему-то квантовое поле не реагировало. Лампочка телепорта должна была уже загореться, учёные считать сигнал, проверить его и пропустить меня через энерго-поле в лабораторию. Но ничего не происходило. Я всё ещё держала жетон на статуе и ждала. Тут рука онемела, ноги подкосились, а голова закружилась.

— Рия? — двинулся ко мне Миша, видя, как я теряю сознание.

Но ничего не успел сделать, потому что я исчезла. Растворилась там, где немногие пребывают однажды. Послышался знакомый голос:

— Тебя действительно ждут уже много, много месяцев. Но ты никак не хотела возвращаться. Неужели проснулась тяга к знаниям? — разнеслось по невидимому и неосвязаемому пространству, где в данный момент существовал только мой разум.

— Так значит это ты воззвал через видения во снах и у реки Скорби? — спросила я и увидела, как из темноты выходит худощавый мужчина.

— Ко мне обратились, я услышал и сделал так, чтобы ты сейчас стояла предо мной и желала вернуться, — ухмыль-

нулся он. — Но у нас договор, помнишь? Я обещал тебе спокойную жизнь. Однако, если ты хочешь снова приступить к поискам после того, что почувствовала и увидела, мне ничего не останется, только переместить тебя туда, где в тебе больше всего нуждаются. Или ты прямо сейчас понимаешь, что тебя скорее вынудили, чем ты сама захотела. Тогда я верну тебя на Землю к статуе, и продолжай жить, как вздумается. Что хочешь?

Нир, ядро планеты Земля, которое неустанно крутится на месте и делает всё возможное, чтобы давать жизнь взамен жизней, продолжал загадочно улыбаться, разглядывая моё растерянное лицо.

— Я распрощалась с тобой у Кайласа и была убеждена, что больше не увижусь. Но есть то, что я не могу игнорировать. Хочу откликнуться на призыв тех, кто требует моего участия. И если снова вижу тебя, то должна получить наставления, предостережения, иначе зачем ты мне показался?

— Кайлас отпустил тебя, но ты его — нет. Что ж... Я дарю тебе очередную встречу, потому что частично слился с тобой, когда ты пребывала в пространстве между мной и братом, Анилом. Вместе с Фирой. Она, кстати, живёт сейчас на Божественном острове и разбирается в устройстве зеркал вместе с ЛеГодом.

— Если это так, то никто не встретит меня на Гистофисе? — сдвинула я брови и задумалась о последствиях. — Как интересно, кажется, я действительно самолично направляюсь в

ловушку.

Что со мной будет, если местным придёт в голову пленить меня? Я совсем не подумала, что там уже может никто и не ждать меня.

— Я жду, — будто услышал мои мысли, сказал Нир. — И всё это время ждал, когда ты возьмёшься за дело. Долго же сидела рядом с этим... шаманом, который бежал и бежал, словно трус. Не впервые и не в последний раз.

Могущество ядра планеты неоспоримо. Если оно говорит, что Миша идёт путём трусости, значит, на то есть свои причины. И всё же внутри появился протест, который нужно было сдерживать любой ценой. Вместо возмущений я снова вернула его внимание к себе:

— То есть рано или поздно меня всё равно бы вытряхнуло из деревни и заставило втянуться в решение энергетических вопросов по твоей воле?

Нир попятился и принялся сгибаться, а потом сел на материализовавшийся стул. Перед ним появился ещё один, и он предложил мне его. Я послушалась и положила локти на возникший под ними стол.

— Дело в том, что прикоснувшийся к сакральному должен беречь его и оставаться в нём. Если выйдет из потока, то потеряет себя рано или поздно. Ты едва не потерялась, превратившись в обычную массу, которая меня питает своими поступками. Совсем скоро планета перестала бы получать от тебя достаточно энергии и заставила встряхнуться или вый-

ти из взаимодействия для перерождения в более продуктивную массу.

— Масса? Звучит, как пренебрежение.

— Ты до сих пор, хочешь того или нет, пытаешься разобрататься в мироустройстве и продвинуться в познании окружающей действительности. Когда ты отдала всё Кайласу, пожалела. Да и я был не прав, не поверив в тебя, потому что у меня были причины... уберечь твою нулевую параллельность, — Нир специально сделал паузу перед значимой фразой.

— Что убережь? — выхватила я из контекста неизвестное до ныне словосочетание.

— Не переживай, скоро поймёшь. Итак, ты хочешь откликнуться на призыв. Тогда предлагаю тебе два пути. Ты решаешь мои загадки и идёшь по пути сопротивления или ты строишь свой собственный путь, весьма бессмысленный и пустой.

Я почесала бровь и провалилась сквозь текстуру тела. Стол в этот момент тоже расплывался, хотя я была уверена, что Нир навечно может удерживать меня в своём квантовом мире.

— Со мной или сама по себе? — настаивал Нир, нагибаясь ко мне. — От этого зависит моя сторона и твои поступки.

— Я всегда работала на тебя и твоего брата, Анилу, так и будет продолжаться. Но твой вопрос уже загадка. Предполагаю, что ты подразумеваешь что-то ещё. Что же?

Нир отодвинулся от меня и задрал подбородок, после чего сверкнул глазами и растворился. Мои глаза перестали видеть, кожа онемела и лишилась ощущений. Голос всё ещё доносился до ушей и осознавался среди всей прочей неразберихи.

— Анил потребовал, чтобы я тебя об этом спросил, прежде чем ты снова окунёшься в войну, боль и страдания. Ты выбрала мою сторону, не свою собственную, а значит, готова познать мои намерения. Первая загадка для тебя в осколке, который порезал руку Михаила. Пойми, почему это так важно, собери мозаику и яви мне свой единственный вопрос и свой единственный ответ, чтобы я мог оценить их и отправить работать над другой загадкой или ошибками.

«Осколок, который порезал руку Михаила», — подумала я и очутилась на берегу.

В глаза ударил яркий свет гистовского Солнца. Ни с чем его не перепутаю, потому что он пробивался сквозь плотный воздух, от которого я успела отвыкнуть. Однако лёгкие расправились от одного только вздоха, а кровь стала течь живее и жиже. Другая планета с обратной стороны Светила не переставала манить меня все годы, проведённые на Земле. Я перевернулась на спину и сделала ещё один глубокий вдох, от которого закружилась голова. Теперь я могла сказать, что дома. Но где именно находилась?

Я приподнялась, обернулась и увидела, что в конце пляжа высились деревья, над которыми вздымалась блестящей

вершиной гора Айкорта. Нир отправил меня по назначению в то место, где сейчас была моя энергетическая соратница, Фира, а также ЛеГод, который всегда был ко мне благосклонен, даже когда я этого не заслуживала.

На горе что-то сверкнуло, а по песку поползли солнечные зайчики. Так и знала, что это явление преследовало меня неспроста. Я встала на ноги, отряхнулась и огляделась. Если мне не изменяет память, то на том дереве должна быть моя метка о тропе. Я в бухте Забвения. Мне нужен вход «Ю3», от которого я смогу пройти к «Ю2», там выйду на дорогу, пройду до дома, где жила во время испытательного срока. В храме Айкорта, по всей видимости, меня уже ждут, но если стемнеет, то заночую в нём и отправлюсь в путь завтра.

— Что она здесь делает? — тряхнул раскидистыми широкими рукавами молодой парень. — Анил не предупредил нас.

Из-за его спины появился мощный мужчина, подошёл к обрыву и скрестил руки на груди.

— Мало нам этих двух путников, так ещё и эта пожаловала. Куда она идёт? В дом, который разрушился, когда Кайлас впитал в себя демона избранного? — продолжал задавать вопросы он и подтолкнул локтем руку второго мужчины.

— Пувр, ты неблагосклонен к ней. Нужно уточнить у Ани-

ла, как мы можем ей помочь. Или она нам. Что бы за нашими спинами не происходило...

— Как скажешь, Имет, — ухмыльнулся тот и отмахнулся от слежения за маленькой мошкой, точкой, мелькавшей между крон деревьев.

— Лакри! — крикнул Имет и взмахнул рукавами, резко разворачиваясь и направляясь в храм Голубого света. — Лакри?

Но никто не отвечал ему, тогда он направился в зеркальный зал и заглянул внутрь. На одной из стен между пилястрами сидел в похожем халате красивый мужчина и размахивал рукой, наполняя пространство золотистым облаком пылицы, которая оседала на поверхности зеркал и сияла вместе с девушкой, заменившей лампу маяка посередине зала. Имет не стал прерывать магические поиски в информационном поле. Лакри участвовал, потому что хотел получить от девушки, Фиры, информацию, касающуюся напрямую его. «Зачем же?» — подумал Имет, махнул подолом халата и вышел, наткнувшись на Клия, мужа Фиры и брата Рии, которая сейчас направлялась к пустынному полю посреди, казалось бы, бескрайнего леса.

— Что-то не так? — спросил Клий у Имета.

— Твоя сестра здесь. Хотел уведомить Лакри, но он занят.

— Рия? — округлил глаза Клий и протёр лоб. — Что она здесь делает?

— Утром, когда она явится, спросим. А сейчас я пойду

работать над людскими болезнями. Некоторым необходимо выздоровление прямо сейчас.

Когда Имет ушёл, Клий обернулся и посмотрел ему вслед, зачесал волосы и закрыл рот ладонью. Он два года не видел сестру, не знал, где она, хотя пытался найти. Какой-то Михаил забрал её с собой и спрятал среди лесов и болот. Или не там, а западнее, Клий не знал. Знал только то, что сказала ему напоследок Рия. А говорить она толком ничего не хотела.

— Нужно сказать ЛеГоду, — причитая и наставляя себя пальцем, Клий направился в укромную пристройку храма.

В тени комнаты сидел старей мужчина. Он ковырялся в лампе и бубнил ругательства, потому что не мог соединить проводки поломавшейся лампы. Под ней были разбросаны чертежи и детали механизма. Вокруг пахло машинным маслом и перегоревшими контактами, над которыми корпел профессор.

В комнату зашёл Клий и быстро подошёл к столу, отвлекая ЛеГода от дела.

— Она пришла! — то ли восторженно, то ли обеспокоенно воскликнул он и опёрся о столешницу.

ЛеГод снял очки, сохраняя молчание, но не спокойное выражение лица.

— Зачем? Что ещё грядёт, раз она снова в деле? — растерялся профессор и поднялся на ноги, забыв про чертежи, механизмы и лампу, окрещённую чёртовым созданием на свя-

той земле.

Я видела, что многое изменилось на острове с моего первого и последнего визита сюда, но не ожидала, что от дома, который запомнился мне скорее темницей, ничего не осталось. В глубине души я была рада, но... то, что я тогда пережила здесь, было мне на пользу, разве нет? Похоже на убеждение, будто я уговаривала себя, что ничего ужасного здесь не было. Было. Но это помогло мне ментально выстоять перед натиском мистера Хью, который хотел загипнотизировать и почти смог это сделать. Что ж, уже темнеет. Мне стоит развести костёр и переночевать под открытым небом.

Я лежала и смотрела на звёзды. Вспомнился первый год в деревне Миши, о котором Нир отзывался плохо. Не думала, что соглашусь, но Миша действительно старался убежать подальше от наступающих на пятки неприятностей. Первое время прятался за маской человека, который совершает только правильные поступки, а потом не смог больше хвастаться, показывая свои страхи, совершая очередные попытки сбежать, но уже от меня. Отказался от совместного паломничества, стараясь отдалиться. Я смирилась и осталась, а пока его не было сделала пристройку с собственной комнатой, начала жить обособленно. В итоге вернулась к тому, что делаю лучше всего. Без раздумий, без промедлений.

Когда собирала вещи, заметила, что Миша даже рад, что я ухожу. Где-то в глубине души кольнуло, потому что он настаивал, что знал меня, что хотел объединиться с родственной душой. Тогда я верила в свой выбор, хоть и поступала, как дура, самонадеянно отправляясь в недра Сибири, неизвестно куда, в место, которого не было на карте. Но раз я нашла вход туда, смогу найти и выход. Верно? Да, это верное решение. Я рада, что кому-то понадобилась моя помощь, и меня вытащили из иллюзии благополучия. Ухватилась за соломинку и решила оставить уставшего от масок Мишеля. Давно его так не звала. Как и он давно перестал быть тем, кем представился мне в пабе.

Его будущее было для меня открыто, но лишь малая часть совпала с тем, что явилось в видениях, когда я строила вершины треугольников. Сейчас, с отдалением от того дня, появляется больше и больше нестыковок. Видения о будущем не сбылись. Сомнение охватывает меня каждый раз, когда я вспоминаю о тех умениях и знаниях. Были ли они вообще или мне почудилось, что обладаю сакральной информацией с пластин сакральных знаний? Доверили ли мне могущество и власть или только заставили думать, что я ей распоряжаюсь? А люди, написавшие книги, отрывки которых я читала перед паломничеством на Кайлас, что-то познавшие, что-то вытащившие из мира безграничной информации, — они такие же, как я? Ошибаются ли они вместе со мной или только я?

Смотря на те же звёзды, я думала и думала, мечтала, сожалела, запоздало боялась исхода. Да уж, вопросов и сомнений больше, чем когда бы то ни было. И всё же я уснула, но спустя мгновение почувствовала, как пронзающий холод окутывает всё тело. Открыв глаза, увидела, что костёр истлел, а вокруг полный мрак. Звёзды и луна ушли с небосвода, остались запахи растений, земли, на которую опустилась роса, сгоревших поленьев. Я подняла глаза наверх, чтобы ещё раз попытаться что-то разглядеть, но не увидела ни одной прорехи между тугим полотном туч. Тело ныло и хотело передохнуть ещё немного, пару десятков минут, но лучше согреться в пути к горе и во время её восхождения, чем замёрзнуть.

Тропа между двумя кривыми стволами осталась на прежнем месте, хотя готова поклясться, вчера вечером её там не было. Я проглядывала границу поляны, замечая, что вместе с домом исчезли и мои потайные тропы. В голове мелькнула мысль — божества Айкорта ведут меня и готовы принять. Они предлагают свою помощь и, наверное, ждут нашей встречи. Но нужна ли она им?

Прежде чем отправиться в сторону храма Голубого света или, как его ещё называли, Айкорта, мне нужно найти ручей, чтобы напиться. Я живая, поэтому его воды для меня перестали быть губительны. Едой, надеюсь, меня угостят наверху. Если нет, я захватила кое-что и накормлю себя сама. Пока не рассвело, нашла путь к ручью. Благо я хорошо помнила составленную мною карту, да и остров, кажется, снова

мне поддавался.

Глава четвёртая. Вернувшаяся тень

Восхождение на высоту 777 метров заняло много времени: постоянно тормозило и возвращало на шаг назад. Кажется, на вершине меня всё же не хотели видеть. Когда я поднялась на плоскую площадку, то увидела пустынную приёмную, похожую на огромную рекреационную зону с множеством скамеек, столов, уединённых беседок. Окружающее выглядело заброшенным, всё заросло лианами, покрылось мхами. Сомневаюсь, что Фира и ЛеГод тут живут. А может быть, они просто не пользовались этой частью храма?

«Что она здесь делает?» — послышалось из ниоткуда.

— Здесь кто-нибудь есть? — крикнула я.

Не дожидаясь ответа, я прошла к центру зоны отдыха, после чего снова услышала проносившиеся эхом голоса:

«Куда она идёт?»

— Что происходит? — пробормотала я и огляделась.

«Что бы за нашими спинами не происходило...» — ответил мне тянущийся в пространстве голос.

Перед глазами вспыхнули картинки, которых я давно не видела. Глаза заболели. Я увидела рукава, почувствовала, как исходящий свет пронзает мои рецепторы и склоняет отвернуться, убежать прочь. Ещё одна вспышка, подол халата расправился веером и сложился, сминаясь в тяжёлые складки. Я зажмурилась и отвернулась, протёрла глаза, после чего

ещё раз взглянула на заброшенный балкон.

— Я Рия Калькурти. Я жила здесь почти три года назад. Вы знаете меня, Нир сказал, что вы мне поможете, — громко говорила я, продвигаясь к колоннам коридора храма, которые частично осыпались и позеленели от сырости и старости. Пахло мхом, плесенью и пылью. — Вчера я видела солнечные зайчики, которые пускали с вершины. Отзовитесь!

Никто не отвечал, но когда я прошла к дверям зала и открыла их, то увидела разбитые зеркала, частично стоявшие и преимущественно лежавшие на полу. Нитуп не раз ходил к горе, возможно, совершал на него восхождение. Скорее всего, пытался также достучаться и дозваться до здесь обитающих Божеств, но не смог. Они не пустили его, они не пускают и меня.

«Что-то не так?» — услышала я знакомый голос, но не смогла определить, кому он принадлежал.

Ещё одна вспышка энергетического отпечатка показала знакомый силуэт, но я опять не смогла понять, чей он. Шлейф следа протянулся дальше по коридору и поманил меня за собой, исчезая, стоило моргнуть или помедлить. Я пришла к странной пристройке, будто здесь могли задерживать против воли кого-то или сторожить затворника. Я открыла дверь, снова слыша знакомые голоса:

«Что ещё грядёт, раз она снова в деле?»

Тут я поняла, что мне не рады, что моё появление сравнивают с потрясением, которое снова вернёт раздор в успо-

коившийся мир. Прозвучавший тембр с характерной хрипотцой я сразу узнала, это был ЛеГод. Он сидел за этим полусгнившим столом и следил карандашом за строчками выцветших чертежей. Пахло горелой проводкой, он не так давно чинил лампу, сейчас лежащую на полу. Теперь она точно непригодна. Уйдя с арены, я подарила миру равновесие. Спрятавшись в укромном месте, я погрузила укрытие во тьму своей кармы; возвратившись, его освободила, но притащила тьму обратно в мир. Моего возврата или прихода не хотел каждый, знающий о тяжести энергии. Став однажды спасителем, я превратилась в злую метку. Прибытие моей персоны приравнивается к возобновлению хаоса.

«Чёртово создание на святой земле!» — раздался рассерженный голос.

В момент моих рассуждений пришёл ответ, кем меня здесь считают. Но если я появилась тут, если Нир меня сюда отправил, позволив узнать, кто может ждать меня здесь, значит, я могу рассчитывать хоть на какую-то связь с ними. Они должны дать мне подсказки, даже если считают «чёртовым созданием». Я должна изучить местность и отыскать любые зацепки, чтобы избавиться от той сущи, игравшей со мной в солнечных зайчиков... Всё очевиднее простых формул. Те блики на песке вчера — первая подсказка, а не знак, что с помощью них меня вели сюда. Мне нужен зал с разбитыми зеркалами. Возможно, в них ответ на загадку Нира.

— Она нас видит? — спросил Клий, стоя в дверях зала с зеркалами со скрещенными на груди руками.

Фира пожала плечами, рассматривая тусклую спину Рии.

— Подозреваю, что к ней возвращается зрение, с помощью которого она видит энергетические отпечатки, — сказала она и попыталась схватить сестру Клия за руку, но словно голограмма та выскользнула и, зарябив, беспечно вернулась к первоначальному образу. — Нас она видит только через них. Мы для неё представители параллельного мира.

Клий обошёл сестру и заглянул ей в лицо, помахав рукой.

— На секунду мне показалось, что она нас слышит, но это тоже, наверное, что-то вроде отпечатков.

За спиной Фире появилась массивная фигура Пувра, Хранителя силы гистовцев, который поправил массивное кольцо на пальце и проскользнул вслед за Клием.

— Анил запретил пускать её в храм. Она видит развалины и больше ничего. Но удивительно, что схватывает здешнюю энергию.

— Почему запретил? — спросила Фира, недоумённо поднимая брови. — В поле такого решения не было.

Через окно под потолком зала пролез Лакри и ловко сел на подоконник. Он поправил пояс и затряс ожерельем, выпутывая его из складок одежды.

— Я рискнул и спросил у Нира. Мне повезло узнать, что

он повздорил с Анилом из-за Рии. Поэтому информационное поле Гистофиса изменилось после твоего последнего посещения, Фира.

Все присутствующие посмотрели на Лакри, Хранителя удачи. На их лицах застыл немой вопрос, на который сидевший под потолком мужчина должен незамедлительно ответить.

— Анилу больше не нужна помощь Рии. Для него она использованный материал. Но все эти годы Нир тянул её к просвещению. На Земле, где властвует Нир через достойные и недостойные умы, для Рии открыты все дороги, доступны все ресурсы. Но на Гистофисе, где Анил знает цену таких как она, нет для неё ничего существенного.

Клий потёр щетину на подбородке. Он решился отращивать бороду, но до сих пор нервничал, когда та начинала чесаться при любой яркой эмоции. Сейчас брат хотел вступить за сестру, но не знал, как сделать так, чтобы не навредить жене, работающей в поле Анила через свет и зеркала храма.

— Но почему тогда она появилась здесь?

— Нир сказал, что сам её сюда отправил. Она должна получить первый ключ к его загадке. Но Анил отказался предоставлять свои сокровенные тайны, — пожал плечами Лакри и взмахнул рукой, покрывая благодатной пылью макушку Рии. — О, осело. Может, повезёт.

Та склонилась над осколками и подняла два из них, что-

бы соединить. Однако под действием чар разрушения, они сверкнули, оттолкнулись друг от друга и выпали из рук, разбиваясь ещё на несколько частей.

— И что мне с этим делать? — пробормотала она.

— Получить ключ! — склонился над Рией Клий и крикнул, что было мочи.

Сестра оглянулась и резко встала, теряя целостность и превращаясь в полупрозрачную вуаль, которая переливалась на солнце, изредка исчезала и вновь появлялась.

— Услышала! — заликовал Клий и похлопал, после чего обратился к Лакри, который из всех присутствующих лучше всего знал, как помочь Рии: — Мы можем вмешаться и как-то передать ответы на её вопросы?

— Через отпечатки и чрезмерный шум, но Имет его терпеть не будет и запретит шуметь. Да и отпечатки не гарантируют достоверную связь. Напрямую только за пределами вершины. Спускайтесь и связывайтесь. Однако Анил после этого может запретить посещение храма и вам тоже, — сказал тот.

— Какая удача, — саркастично пробормотала Фира, свысока смотря на Рию, снова копающуюся в осколках.

Отчего-то ей было весело, что сестра мужа не могла сейчас быть такой же самоуверенной и всесильной, как прежде. Сейчас Рия обычная, не имеющая доступа к тому, чем обладала Фира.

— Нам лучше оставить для неё как можно больше отпе-

чатков, — появился в дверях Имет, а после того, как посмотрел на Лакри, объяснил: — Я тоже связался с Ниром, он был недоволен, я даже узрел частичку его обратной стороны.

— Его разозлило непринятие Анила? — спросил Клий.

— Да, — подтвердил Имет и сложил руки в замок у пупка, закрытым широким поясом. — Сейчас он хочет, чтобы именно эта Рия взялась за старое. «Оборотные не дремлют», — сказал он загадочно, подразумевая нечто более глубокое, чем по силам понять некоторым собеседникам.

Клий легко вздёрнул брови и вздохнул.

— Я с Фириной помощью могу нагнать грозу и дождь. Это утяжелит атмосферу и позволит Рири увидеть больше отпечатков.

— Она обессилена. Ничего не ела. В её рюкзаке пара шоколадок и лапша быстрого приготовления на три дня. Силы на исходе. Дадим перед испытанием ей насытиться, а потом вызовем грозу, — провёл ладонью над её головой Пувр и растёр пальцами сухость воздуха.

— Я не соглашалась помогать ей, — видя заботу Божеств и мужа, освободив руки из узла на груди, сказала Фири и вышла из зала, где едва не столкнулась с ЛеГодом.

Тот шёл со специальным аппаратом в руках, всё такой же невысокий и лысоватый. Он поправил узкие очки и растолкал всех вокруг. Будто чувствуя приближение со спины, Рия обернулась и уставилась в точку чуть выше лба профессора.

— Если что, скажите, что во всём виноват только я, —

сказал тот.

— Не хотелось бы, — усмехнулся Лакри, но спустя время зажмурился от яркой вспышки.

Окружающее погрузилось в тот свет, от которого становится также слепо, как и в абсолютном мраке. Но спустя несколько секунд зрение вернулось к присутствующим. Рия как ни в чём не бывало прошла сквозь осязаемые фигуры людей и Хранителей, которые потирали глаза и приходили в себя после вспышки.

— Что это было, ЛеГод? — недовольно спросила Фира, для которой взаимодействие со светом было обычным делом, а сейчас принесло чрезмерно много дискомфорта.

Тот прочистил горло и взглянул на разбитый корпус световой бомбочки.

— Это должно было разорвать пространства и перетянуть либо меня к ней, либо её к нам. Но не сработало. Что-то не учёл.

— Я прослежу за ней, — отозвался Клий и направился вслед за сестрой.

Я ушла прочь из зала, потому что в определённый момент там стало шумно, а когда всё вокруг задрожало, а тени заплясали по стенам, поняла: мне стоит отступить, чтобы здешняя энергия успокоилась. Я не знаю, принадлежали ли эти тени и

голоса Божествам, ЛеГоду, однако один голос из всех точно принадлежал Фире. Она сказала, что не хочет мне помогать, после чего голоса ненадолго стихли, а вслед за ними случилась аномалия.

В животе заурчало, захотелось пить. Я достала шоколадный батончик из рюкзака, открыла наполненную родниковой водой бутылку и пошла к обрыву. Ни разу не видела бескрайний океан с высоты горы Айкорта. Сейчас мне предоставился уникальный шанс разглядеть остров и придумать, как отсюда отплыть. Ведь ни кораблей в бухте, ни летательных средств по дороге я не видела.

Когда села на голые камни и свесила ноги вниз, долгое время ни о чём не думала. словно гуляющий между уступов и камней ветер выдул ненужное и оставил немного тишины, чтобы прийти в себя. Перед сном вчера я оправдывала себя, но по факту если рассудить, я совершила глупость. Случайности, убеждения. Где я сейчас?

— Вот *что* мне сейчас делать? — всплеснула я рукой, в которой держала нетронутую шоколадку. — Даже, если найду средство передвижения, то оставлю прибывшего сюда ЛеГода без возможности уплыть или улететь.

Разозлившись, я яростно откусила батончик и быстро прожевала. Когда внутренне успокоилась, опустила глаза на руки и штаны, которые были грязными и истёртыми. Ничего страшного, я найду выход. Если потребуется, сооружу плот и пересеку океан. Нир не позволил бы мне так глупо зайти в

тупик в самом начале моего путешествия.

«Я о многом тебя прошу?» — послышался голос, который мог принадлежать только одному человеку.

— Клий? — огляделась я и прислушалась, стараясь уловить ещё один отпечаток и видя, как на небе быстро собираются тучи, а молнии сверкают, не дожидаясь начала ненастья.

«Не собираюсь!» — послышался возмущённый голос Фирры.

Кажется, наше примирение при последней встрече было мнимым. Я не имею доступа к информации, не знаю, что должна делать, полностью завишу от чужой помощи. Фира имеет все основания злорадствовать.

Тут молния ударила в нескольких метрах от меня. Я закрылась рукой и вылила половину бутылки от неожиданности. Но вовремя сориентировалась и вскочила с места, направляясь к сооружению храма и держа наполовину полную бутылку, которую не успела закрыть. С неба сорвалась ещё одна молния, ударившая в то место, где я прежде сидела. Следом ещё одна, сносящая колонну. Я увидела, что она падает прямо передо мной, поэтом резко сжала бутылку, выплёскивая воду под ноги, подалась назад и проскользнула под колонной по мокрому полу. Из-за отсутствия серьёзных тренировок, быстро запыхалась. Но и сама ситуация даже секунды не давала, чтобы перевести дух, который Фира от всего пылкого сердца хотела из меня выбить разрядом небесно-

го электричества.

Тут мне удалось найти расщелину между двух скал, куда меня завели рушащие стрелы облаков. Стоило проскочить туда, как последняя молния похоронила лазерку под грудой камней. Я погрузилась в темноту, которую развеяла фонариком. Кажется, Фира за что-то на меня обижена, но не понимаю, в чём виновата перед ней. В последний раз расстались с ней хорошо. Даже обнялись, по-моему. Или она меня мысленно в тот момент душила?

«Зачем ты загнала её туда?» — послышался голос Клия, эхом отражавшийся от сырых стен пещеры.

«Достал! Загнала, значит, надо было!» — истерично ответила Фира.

— Я вас слышу, идиоты! — не выдержала я и осветила фонариком закрытый вход. — Вы закрыты со мной или по ту сторону? Надеюсь, что со мной!

Я подождала некоторое время, но ничего не услышала и не увидела. Тогда решила продвинуться вглубь, потому что совсем не хотела тратить время на разбор камней. Всё равно они меня здесь не оставят. Если они устроили такой переполох с молниями, он наверняка должен был хоть как-то повлиять и на их мир. Обидно, если они могут следовать за мной, пока я взаперти. А ещё обиднее, что они могут не иметь возможности вызволить меня, потому что доступ к моему пространству у них закрыт. Надоедливые нестыковки бытия. Вечно какие-то границы!

Протиснуться между камней было сложно. В воображении вспыхнула похожая картина. Я будто снова оказалась под Литришем в прямом значении происходящего. Где-то под землёй меня ждала первая встреча с тёмным наставником. Далее наши отношения складывались сомнительно. Однако сейчас понимаю, что всё во благо, потому что мы достигли своего: я поборолa сумасшествие Нира, Нитуп смог переродиться, как и желал. Или, возможно, сейчас он только ждёт очереди, но скорее всего уже шевелит маленькими конечностями в образе животного или младенца. И всё же я до сих пор сомневаюсь по поводу перерождения. С одной стороны я готова принять этот факт и даже додумать некоторые его детали, с другой остаюсь скептической и мелочной к доводам. Оставлю всё так, будто уверовала. Да! Другая жизнь существует, ведь только на это я могу надеяться, свисающая над помещением, застрявшая между камней в узком проходе лавовой трубки.

— Чтоб тебя... застряла, — выдохнула я и бросила болтающуюся верёвкой руку.

Переведя дух, снова упёрлась ей в камень и вызволила плечо, затем локоть. Бёдра не проходили, вместе с сумкой оставаясь по ту сторону. Заклинатель земли мне сейчас бы не помешал, раздвинул бы эти валуны и позволил пролезть.

— Давай же! — рыкнула я и с удивлением обнаружила, что вся покрыта чешуёй.

Даже не заметила, как превратилась в человекорептилию.

Отвлёкшись от попыток вылезти, я соскочила в щели на пару сантиметров вниз и высвободилась намного проще прежних попыток. Тело устремилось к полу, но расстояние было маленьким для громкого приземления, поэтому я в итоге оказалась на четвереньках, а выпрямившись, упёрлась головой в прореху между камней. Сумка выскользнула и упала прямо в руки, когда я потянула её к себе. Фонарик, который спрятала перед попыткой пролезть сюда, остался цел. Его я снова достала и осветила и без того сияющий проход.

Бело-синяя субстанция, похожая на ту, которая была на заводе под Атлой, полностью покрывала все камни естественного коридора. И снова объединились воедино две локации: пещера с оракулом и библиотека под комплексом «Уровень Зироу» на острове Мати. Если я найду книги или камни со зловещими знаками, которые снова предложат мне выбор, совсем не удивлюсь. Что-то заставляет меня пятиться, хотя я всё ещё осторожно иду вперёд, протискиваясь так, чтобы не задевать стены и не рушить местную экосистему.

— Простите, узко, — извинилась я перед светящимися стенами и пролезла в следующий коридор, собрав некоторое количество бело-синей слизи.

В новом месте было темно, но просторно, судя по гуляющему холодку, подчиняющемуся течению сквозняка. У этого места есть сквозной проход, значит, я смогу выйти у подножия или с другой стороны склона. Я осветила фонариком полость и нашла исписанные рунами камни. Такими увлекался

учитель Туру, преподававший магию в комплексе «Уровень Зироу». Меня будто возвращает к началу моего пути. Напоминания следуют одно за другим.

Оказалась в смешанных лесах, подобно тем, в которых выросла. Исследовала развалины, воевала с невидимым врагом, попала в трещину, где обитают демоны, напомнила себе, что всё ещё стою перед выбором, куда мне двигаться, а теперь вижу руны Нитупа, который всему меня обучил, но не заметил, как я его превзошла.

На камнях лежал кинжал, который принадлежал Туру, хотя я была уверена, изучив произошедшее в Конигал-Рув, что он уничтожен. Но видимо ошиблась, ведь предметы Хранителей Айкорта при них. Следовательно, любой схожий по силе артефакт способен оставаться нетронутым при любом энергетическом воздействии, если он действительно рабочий, созданный высшим разумом.

— Столько всего знаю, а руны так и не выучила, — выдохнула я и огляделась, следя за распространением звука в помещении.

На полу лежали гримуары, духовные писания, где были вырваны страницы, исписаны и исчёрканы красными восковыми карандашами. Я взяла один такой в руку и потёрла — карандаш оказался мягким и маслянистым. По запаху и ощущениям это напоминало смесь киновари с воском.

— Киноварь, — пробормотала я, отметив, что слишком много говорю вслух.

Порошок из ртутного минерала, называемого также кровью дракона. А воск — это способ усилить намерение, с которым киноварь используется. По периметру импровизированной в полости комнаты тускло блестели сползающие дорожки потёкшей свечи. Бугорки были неоднородные, здесь сожжён не один десяток свечей. Возможно, не одна сотня.

Я спрятала карандаш в платок и нож Туру положила к нему же в рюкзак. После ещё нескольких попыток найти что-то важное, луч привёл моё внимание к стопке дневников. На страницах был настоящий поток, который изливался несвязными строчками в безграничные абзацы. Письмо принадлежало тёмному наставнику, а над каждой важной буквой или даже словом стояла точка, словно опечатка, чернильный мусор. Я вспомнила каждый день своего пребывания на этом острове, пока блуждала по комнате. Ошибаться не имеет смысла, наставник хотел, чтобы я однажды сюда вернулась и нашла его откровение.

Много времени пройдёт, прежде чем смогу переписать выделенное, но я уже никуда не тороплюсь. Только есть хочется. На помощь пришли шоколадки. Лапшу я смогу заварить, когда выберусь наружу. Не время отвлекаться на потребности, ведь передо мной, возможно, отгадка или ключ к ней. Много времени я провела над пятью томами свободного перечисления сложных слов, но получила в итоге список не менее свободный. Тогда решила, что буду выписывать буквы, тем более что уже увидела первое слово.

«Время моё на острове сём путями сплетения оковы де-
вицы страсти азарт перерождение тупое ощущение пораже-
ния через невыносимость правды однажды произойдёт уход
приход неминуемо взглядом пронизано учение изучено по-
лучено убеждение тропами высечено переплетено и запута-
но чтобы вынести пользу учесть невозможное будто бы вы-
шло не так а как чтобы в точке переход отражение уход заход
исход перераспределение умышленное стремление к другим
горизонтам узоры иллюстрации не то и не те где нужно про-
явить выносливость очерстевшее мышечное звено не оно
не то и не здесь затем придётся убежать от предательства сму-
та уюта нет запечатать навсегда и забыть без ключей и мая-
ков чтобы похоронить нашего сбить...»

— Бессвязный поток мыслей, — выдохнула я, прервав-
шись, продвинувшись только на одну десятую.

«Помнит, значит», — донеслось до моих ушей из расще-
лины.

Я снова услышала произнесённое в том пространстве, ку-
да меня не пустили Божества. Но не смогла разобрать, чей
это был голос.

«Даруй ей сил, пусть изучает», — снова донеслось просо-
чившееся между камней обращение.

Силы у меня появились долгое время назад, когда я уж хо-
тела бросить четвёртый том, так и не добравшись до его кон-
ца, потому что знала, что бессмысленно всё, что я тут най-
ду. Разгадывать ребусы наставника не хотелось, но тут вдруг

что-то щёлкнуло и заставило дописать эти невыносимые тысячи слов. А потом ещё и выделить оттуда буквы, сложить из них слова заново. И если Божества решили, что мне следует изучать его каракули, я не посмею спорить и приму с благодарностью их дар.

«... с толку итоги подводятся строго упереться в стену забыться сбиться самому утвердить исход развлечь иллюстрация снова обновиться и раствориться получить изменения во времени течение развитие убывание творение новая мысль проложила дорогу к новым горизонтам итог не такой как тогда но и сейчас не то истина скрыта по эту вершину забито семена ростки и дерево ветви корни пляска вокруг ствола обветшала мысль из древних времён новые узлы мышечный узел нерв сплетение ума дороги ручьями строгость русла и тогда может исцелиться душевная мука растворяется там где кончается ветвь но не ствол бесконечное сплетение пересечение вращение возврат туда где начало исход иначе поставлена цель но свершено и учесть это забыв о былом никогда невозможно поверить лучше не думать о будущем оно там было и ты там была и я там буду и мы станем свидетелями расторжение договоров тот путь где другое но мысли о том же мысли не те не о том где ты она вы...»

— Я больше не могу это писать! Никакого смысла, — раздражённо выдохнула я, чувствуя, как глаза болят от перенапряжения.

Но боль неожиданно отошла, а зрение улучшилось до ре-

зи.

— Ладно, продолжаю, — подняла я голову к расщелине и дала понять Имету, что принимаю его исцеление с благодарностью, однако копаться в непрерывном потоке, на первый взгляд, несвязных слов было сложно.

«... договор новый помощь из неоткуда пришла когда не ждали разрешение быть тем кто есть и никак иначе былое забыто к новому возврат ключи не нужны они с ней прежде прощание но не забвение там где ты начала она продолжила вы встретились не узнали о чём было поведано тогда когда пали стены и огонь поглотил ткань платья сказали прокляли забыли что сосуды неполные наполнились будто ошибка запаматовал и поплатился план и строй но строй неровный он она вместе никогда не стоит брать то что принадлежит не тебе зачем было трогать вмешаться стоит посторониться новых мыслей бежать убеждать не стоит терпеть когда снова в начале того что по кругу бежит сейчас никогда уверенность смятение повергнет у развилки к новому началу погружение в историю взгляд в осколок который режет руку его он не помнит пусть вспомнит раньше тебя увидит исход не тот и не там начало пути и план забытый и расторгнутый не так можно жить и надеяться но не жить и мечтать о том когда не происходит того пути где было написано прописано змеиным пюзом исследовано запомнили изгибы и повторить пытались но сошлось всё и ядом за ширмой стоит но никого там нет а когда был глоток то складками по полу сошлось

воедино и новое дело к старому телу и путь указало через холодную землю но время забыто и тело к телу чтобы к первоначально но потеряно всё потеряно но он не помнит забытья ловушка поймала старушка яд отравы и ты и он вы но не вместе но по тем же тропам не сейчас а когда вода поглотит и предаст забвению снова».

— Всё! — возликовала я.

Количество букв поддалось. Исписанные листы блокнота я ещё раз просмотрела, понимая, что Нитуп описал мой путь и путь некоторых, кто будет мне помогать. Всё же закралось во мне сомнение, что я смогу предотвратить то, что зловеще предречено в его предсказании. Здесь есть ссылки на мои мысли, будто он их предсказал, но они разбросаны по тексту хаотично, чтобы запутать. Или же он сам, будучи в трансовом состоянии, насколько мог себе позволить в пространстве Божественного острова, писал так, как ему велит интуиция.

Я уверена, что больше ничего здесь не найду. Итого у меня карандаш, кинжал и бесполезное для здравого рассудка предсказание. А букв в нём 2601. Девятка. Как банально, как и само это слово, обозначающее бесконечно повторяющееся событие, застрявшее в петле неминуемо утекающего времени.

Глава пятая. Старые друзья на пути

«... вода поглотит и предаст забвению снова», — было написано в предсказании.

Возможно, притягиваю за уши, но думаю, что мне стоит прислушаться к совету, тем более имея прямое совпадение в смыслах. Я протиснулась в узкий проход в каменное помещение и увидела в конце неровного коридора свет. Он многократно отражался от конденсата, осевшего на камнях, и освещал путь до выхода у подножия с северной стороны. Пока я теснилась между камней, успела преодолеть больше семисот метров. Теперь мне нужно пройти через озеро Жизни по протоптанной тропе к реке Памяти, набрать воды из ручья, сделать костёр и поесть. Когда я добралась до нужного места, уже стемнело. Костёр стал единственным способом развеять крошечную тьму далёкого от цивилизации острова.

Вода в котелке закипела, я бросила туда специи и сухую лапшу, затем размешала и сняла с костра. Набив желудок впервые за день, легла на расстеленную подстилку и тотчас уснула, чтобы пробудиться от затягивающихся спиралей по всей длине ног. Но когда я вскочила с места, то ничего не обнаружила. Очередной кошмар. Солнце поднималось над лесом, мне пора идти вниз по течению к бухте Забвения. Неизвестно, что ждёт меня сегодня и завтра, а также днём позже, поэтому решила не завтракать, чтобы сохранить ре-

сурсы. Мне нужно найти способ выбраться с острова, потому что кто-то против моего пребывания в его божественных пределах. «Чёртовое создание на святой земле». Вполне заслуженно, хотя я не согласна, отчего злилась. Меня можно было бы так назвать, если бы я укрывалась в тылу ехидн и аспидов, окончательно приняв сущность василиска, но я всего лишь практиковала шаманизм и пропитывалась культурой сибирских народов. К тому же занималась энергетическим очищением. И да, чёрт возьми! Не только себя, но и Земли в целом.

— ЛеГод, засранец! — выкрикнула я, спрыгнув с камня и разозлившись от внутренних рассуждений.

Поскользнувшись и проехав подошвами по сырой земле, я недовольно хмыкнула и пробежалась к следующему камню. Преодолев неровную местность, дальше пошла по равнине и вскоре ступила на хрустящий песок. Пахло водорослями, морской свежестью, сырым металлом. Вдали виднелись образующие полумесяц скалы, которые не пропускали волнение океана в бухту, принимая на себя и сдерживая суровость непогоды. Близилась гроза. Вдалеке набухали и темнели тучи.

Я прошлась по берегу, ища возможные искажения пространства. Ходила около часа, успела протоптать тропу. Неожиданно под ногами заскользил солнечный зайчик, который тянулся, переливаясь, с вершины горы Айкорта. Он неровной линией прошёлся, теряясь, по водной глади, а после

отразился яркими переливами от невидимой преграды.

— Нашла, — выдохнула я и сняла обувь и верхнюю одежду.

Задрав сумку со всем своим добром, вошла в воду и протаранила тугой слой солёной жидкости. Стоило немалых усилий, чтобы найти вход в сёрфалёт, который оказался не запертым. Он был открыт и пустил меня внутрь, будто кто-то его для меня уже подготовил.

— Направила? — нервно спросил Клий.

— Направила, — также взвинчено ответила Фира, играющаяся с осколком и светом, исходящим из её пальцев и ладони. — Не стоило путать её этими бликами...

Она прошла мимо мужа и демонстративно отвернулась, но Клий был настолько зол на жену, что даже не обратил внимания на её недовольство. Он прошёл к профессору ЛеГоду, который ругался на барахлившую рацию.

— Почему всё электрическое в пределах храма ломается? — причитал он и настраивал волну приёмника. — Давай же! Кнопка на пульте управления сёрфалётом щёлкнула.

— Наконец-то! — переключил внимание ЛеГод на сработавшую систему транспортного средства. — Запускаем.

Пульт завибрировал, на крохотном экране замигали различные индикаторы, обозначая готовность лететь.

— Приём, Рия! ЛеГод вызывает Рию Калькурти, — сказал профессор и нажал на рации несколько кнопок.

— Рия Калькурти на связи, — послышался знакомый для ЛеГода голос.

— О, Божества! Рия! Уже и не чаял с тобой связаться, — процедил он сквозь зубы, скрывая ликование и радость от неожиданной коммуникации с забытым лучшим бойцом.

— «Чёртово создание на святой земле» на связи, что мне нужно делать?

ЛеГод сдвинул брови. Он услышал нотки обиды в её голосе и напряжение при упоминании его слов, которые профессор говорил точно не о ней.

— Единственное чёртово создание здесь — это неисправная лампа на моём столе. А теперь соберись солдат! Код «синий», — сказал он в шутку, но Рия на том конце напряглась, вспоминая период войны против ящеров. — Приказ следующий...

Я давно освободилась от данных берсеркам установок. Название кода на меня не действовало, но заставляло напрягаться в мнимом ожидании, что однажды оно всё же сработает против моей воли. Профессор попытался разрядить обстановку, было важно знать его расположение ко мне, потому что сложно работать в том месте, где тебе не рады абсо-

лютно все.

— Приказ следующий — ты сейчас достаёшь из пилотского отсека запасные ключи от сёрфалёта. Летишь в «Западный комплекс» по уже известным координатам. По запросу сообщаем код, который я сейчас перешлю на приборную панель через свой пульт. Там встречаешься с Софи. Она прочтёт в коде зашифрованное послание о тебе и сообщит всю информацию, которая тебя интересует и которую тебе необходимо знать. Мы состоим уже больше года в объединении, оппозижном старцам из Патрицы Тауэра. Что именно произошло, узнаешь из первых уст. Добро пожаловать в союз «Плетущие путь». Удачи, солдат!

— Информацию приняла, запускаю двигатели, — сказала я, пытаясь подавить в себе подступившее волнение.

Оно неконтролируемо захватило каждую клеточку и заставило быстро дышать, отчего голос срывался на высокие нотки, а тело стремилось сменить положение каждую секунду. Оно было приятным. Я подняла сёрфалёт в воздух, вылетела из бухты, а когда потеряла остров из виду, поставила автопилот на нужные координаты и отправила «Западному комплексу» присланный ЛеГодом код. Мне предоставили защитный протокол от нанесения воздушных ударов и построили безопасный маршрут с указанием атмосферных уплотнений, в которых я могла повредить летательный аппарат.

Я посмотрела на отлаженную систему, заметив, что модель сёрфалётов усовершенствовали и сделали крайне удоб-

ными в управлении. Сейчас интуитивно было понятно какие кнопка и панель за что отвечают. Использовался новый сплав, выглядевший более прочным по сравнению с предыдущими. Возможно, попаданием ракеты в аппарат пробить корпус с первого раза стало сложно. Пока автопилот вёл сёрфалёт на высокой скорости к комплексу, где ждала София, по словам ЛеГода, я прошерстила весь салон. Просмотрела каждую сумку и каждый отсек. Мне удалось найти записи Клия о воде и странный список, где значилось моё имя, имя мистера Хью, а также ещё десятка змиев и гадов.

Почему моё имя было упомянуто в списке наряду со старцем Черри и другими ящерами? Я перевернула страницу, где прочитала про исследование жидкостей, её свойств. Это были разработки новых магических методов управления воды, которыми занимался Клий. То, что принадлежало бы Фире или профессору, найдено не было.

Устройство затормозило, на панели загорелась жёлтая лампочка. Комплекс запрашивал подтверждение приземления. Я вернулась в пилотское кресло и настроила сёрфалёт.

— «Западный комплекс» запрашивает номер пилота.

Я стрельнула глазами на код и прочитала указанные в специальной строчке цифры, обозначив, что в качестве пилота берсерк Рия Калькурти.

— Пропуск принят. Разрешение на посадку, — ответили в рацию.

Меня не было у руля два года, а будто целая вечность про-

шла. Много изменилось, в первую очередь я сама. Забросила тренировки по самообороне, потеряла мышечную массу, поселила в себе лень и чрезмерное умиротворение. Смогу ли я вернуться в строй, не имея ничего общего с вечным напряжением в теле и собранностью в голове?

Сёрфалёт приземлился на площадку, которая поехала вниз и погрузила меня в гараж при комплексе. К летательному аппарату подошли несколько людей в форме, готовые к сопротивлению в случае опасности. Среди них стояла вычищенная и выглаженная София, чьи волосы были убраны в хвост, а лицо покрыто контуром идеального макияжа. Она была похожа на отретушированную фотографию. Что-то искусственное и ненастоящее царило вокруг, будто я попала в симуляцию, где голограммы строили вымышленные картины перед взором доверчивого участника представления.

Я вышла из сёрфалёта, держа в руке жетон, куда был прописан код ЛеГода. Он должен был содержать мои данные, которые хранятся в базе. Профессор точно записал меня в запас, но это не означало, что мне теперь строго запрещён вход на базы комплексов.

— Рия Калькурти, предъявите ваш пропуск, — холодно сказала София, отличающаяся от той, которую я помню.

Когда мы вместе служили, она была открытой, простой, немного плутоватой, но знавшей меру в своих желаниях. Сейчас передо мной стояла чопорная, резкая и принципиальная командующая, которая не желала вспоминать былых

побед на поле боя. ЛеГод пожелал мне удачи, она мне явно пригодится.

София просканировала пропуск и зафиксировала прибытие, внося дополнительные пункты в форму, заполняемую на планшете. Они решили засекретить моё присутствие и деятельность. Взглянув на меня исподлобья, София позвала с собой в кабинет. Военные, стоявшие подле, следом не пошли. Остались на своих местах, выдавая роботизированное строение, но как же по-человечески они выглядели. Я молчала, неся рюкзак за спиной, в котором ничего кроме лапши и находок с острова не было. Думала, что состоится досмотр, но отчего-то меня не стали проверять, сразу повели в корпус для слежения за операциями.

— Цель визита? — запоздало спросила София, открывая передо мной дверь.

— Вступление в союз, — ответила я, не посвящая её в детали.

— Сюда, — показала София на ещё одну дверь, находящуюся за её рабочим местом с мелькающими компьютерными проекциями.

На них я заметила построение троп, в труднодоступной местности. Она занималась прокладкой новых дорог. Но мне не удалось проследить, что именно за местность это была. София отключила виртуального помощника, который был ответственен за технику и простейшие команды в комнате, и практически затащила меня в новое помещение, где было...

уютно?

— Ты здесь живёшь? — спросила я.

— Где жила ты, мне хочется узнать! — резко повернулась ко мне София. — Даже я не смогла тебя найти.

Её выражение лица сменилось, стало более эмоциональным, отчего полегчало. Передо мной всё та же София.

— Во-первых, на другой планете, — положила я сумку на пол рядом с диваном, но на него не садилась, потому что сама София предпочла стоять на ногах, выясняя отношения.

— И что? — выдыхая претензию, вскинула руки та. — Я за тобой и там могла уследить, когда ты на том мешкообразном острове по полной отрывалась в этих... пабах? А потом как в воду канула!

Я не удержала улыбки, потому что смогла обмануть самого талантливого следопыта Гистофиса, а возможно, и Земли тоже. Передо мной стояла ехидна из рода змиев, которая могла проложить путь и его запутать, заставляя существо бродить по кругу, по тем местам, которые несут ему гибель. Так сказано про чистокровных в легендах Гистофиса. Я же знала, что София может многое из этого, на уровне здравого смысла и законов реальности.

— Где была? — вплотную подошла она ко мне для большего устрашения, ведь моя несерьёзность её разозлила.

— В Сибири, — сказала я настолько тихо, чтобы меня услышала только она.

София забежала глазами и отступила, задумавшись на се-

кунду.

— Но зачем ты меня искала? — спросила я, видя, что она исследовала каждый уголок за эти два года, даже названную мной локацию, но всё равно не нашла.

Ничего удивительного относительно аномальной деревни. София предложила мне сесть, а сама взяла стул, поставив его рядом с журнальным столиком. Позади стоял холодильник, встроенный в компактный кухонный гарнитур, а у стены напротив — одноместная кровать.

— Ты попала в список предателей нашего союза, — задирая подбородок, сказала София, вкладывая в слова накопившееся напряжение, которое могло и не касаться меня.

— Какие у вас доказательства? — сохраняя серьёзность, уточнила я.

София попросила помощника включить кофемашину и сделать два напитка, но выругалась, забыв, что отключила его. После чего встала и сделала кофе сама. Она помнила, что я его очень любила и люблю до сих пор.

— Мы нашли тебя в документах ящеров с Земли. Они исследуют учения одного мексиканского мистика, хотят освоить превращение в реальных пресмыкающихся. Некоторые чистокровные преуспели, но смешение рас слишком велико, чтобы это могли делать все.

— Серьёзно? Они читают труды того мистика, чтобы чему-то обучиться? — сдвинула я брови, ожидая, что она шутит. — Он же ничего важного для нас не написал. Он в ос-

новном для людей, которые тянутся к эзотерическому. На уроках магии в комплексах и то больше знаний.

— Техники изменений и трансформаций запрещают по всему Гистофису. Сейчас акцент делается только на управлении, — повернулась ко мне София, которая нервно постукивала пальцами в ожидании кофе. — А ты чего так выгораживаешь тех, кто изучает его труды? Путаешь? Видят Божества, Рия, если ты вернулась с миссией от этих гнусных земных гадов, я придушу тебя собственными руками.

— Я жила с шаманом в Западной Сибири, в деревне, где ничем выдающимся не занималась.

— И что мне с этой информацией? — скрестила руки на груди София. — То, что ты спекулировала бумагами на бирже и изображала обычную смертную, не является аргументом против списка Клия.

Я отстранилась и стала равнодушной.

— Твоя выслуга не настолько высока, чтобы перебить авторитет профессора. Он очевидно главный в вашем союзе и гарантировал в нём членство. И он выписал мне код доступа для приземления в вашем комплексе, а также передал тебе шифры и форму документа, которую ты заполняла. Это является аргументом против списка Клия? — спросила я.

София закатила глаза и принесла две чашки кофе.

— Даже если и так, я рискую местом в комплексе, пуская сюда такую сомнительную персону, как ты. И чем дольше ты тут находишься, в комнате без записи разговора элек-

тронным помощником, тем больше подозрений вызываем мы обе. Я дам тебе ключ от моего укрытия, координаты прямо в нём. Потеряешь — убью!

Она протянула мне карточку, устройство, похожее на телефон, и деньги.

— Наличные, чтобы ты добралась до него. Там встретимся вечером. Я возьму отгулы, — сказала София и выпроводила меня из комплекса.

Вот тебе и тёплый приём. Но могло быть намного хуже. Я ушла с территории военного сооружения, направилась к ближайшей станции специального транспорта, где показала пропуск и села на крохотный автобус. Он ввёз меня в пределы города, где я никогда не бывала, оставил в центре у местного кинотеатра и уехал обратно в комплекс.

Кругом ходили странно одетые ящеры, генно-модифицированные люди, гибриды, которых я раньше не видела. Их наряды пестрили красками, не сдерживали себя броскими принтами и ажурными складками. Макияж у всех был похож на грим балерин, выступающих на сцене в постановке «Лебединое озеро», но грациозности прекрасных танцовщиц или птиц не наблюдалось, только рывки, экспрессивная мимика и активная жестикуляция. Я будто попала на карнавал в Италии, только для местных это был повседневный наряд.

— Впечатляет, — пробормотала я и посмотрела на координаты.

Воспользовавшись гистофским смартфоном с кучей вся-

ких приспособлений и программ, я построила маршрут до укрытия Софии. Оно было на виду, прямо на мансардном этаже старой многоэтажки. Холодильник был забит замороженными полуфабрикатами, комната покрыта пылью, кругом бардак и ни одного следа жизненной энергии. Я набрала воду, нагрела её и заварила себе лапшу, не трогая припасы Софии. Открыла окно, потому что очень сильно зудило в носу, проветрила помещение, прибралась и принялась изучать то, что принадлежало Клию: его магические изыскания, связанные с водой и другими жидкостями.

Когда стемнело, замок в двери щёлкнул, и в укрытие вошла София. Она что-то недовольно бормотала, но оторопела, когда увидела сравнительный порядок.

— Это была инсталляция холостячки. Ты вмешалась в творческий процесс, — недовольно пробормотала она и зашла в ванную.

— Я оценила, но едва не задохнулась от пыли.

— Ты едва не задохнулась от порошка герани, который я рассыпала на днях, — крикнула она из ванной, заглушаемая шумом воды. — Ты его так и не убрала. Как можно не понять, где твой раздражитель?

Я оглядела комнату и заметила банку на столе, к которому не подходила, потому что на нём лежали личные вещи.

— Даже касаться этой дряни не буду, — крикнула я и спрятала блокнот брата в рюкзак.

София вышла, переодетая в домашнее и открыла холо-

дильник.

— Совсем ничего не хочется, — пробормотала она, поэтому взяла питательные БАДы, которые мы ели на войне, и безжалостно разжевала их, запив получившуюся кашу водой. — Теперь можно и поговорить по душам. Хочу начать со списка предателей, который составил Клий, а в частности о тебе в нём. Как же ты меня бесишь, кто бы знал...

Глава шестая. На стыке двух мнений

София предложила мне выпить. Но я не пила ничего крепче лёгких настоек Миши, потому что любой алкоголь воспринимала с ненавистью. У меня с ним связаны только плохие периоды жизни. Поэтому я отказалась.

— Боишься выболтать все секреты? — спросила та и спрятала бутылку.

— Тебе нужно развязать мне язык? Так примени те зачарованные листья правды, которые хранишь на своём алхимическом столе, — сказала я, чувствуя, как в квартире-убежище сгущается затхлый воздух недоверия.

— Ты же сказала, что не рылась в моих вещах, — сощурилась София. — Ложь?

— У тебя прозрачные баночки стоят на видном месте. Я не слепая, чтобы не различить издалека листья.

— Если ты согласна пожевать их и выдать всё, как на духу, то дела пойдут быстрее и лучше, — воодушевилась София и принесла баночку. — На, жуй.

Я, не задумываясь, закинула один листочек в рот и стала ждать.

— Толку только от них нет, ты в момент поступления в «Уровень Зироу» легко использовала свою разговорчивую субличность, а сама все секретки припрятала. Но для протокола хорошо, — пробормотала София, открывая бланк

для допроса.

— Почему не работает? — спросила я, не чувствуя побочного эффекта и игнорируя сказанное.

— Это новая формула зачарования, которую я разработала. Идеальна для скрытного воздействия. А теперь отвечай под запись, — София включила диктофон и открыла список вопросов для допроса.

Мне скрывать было нечего, поэтому на каждый я отвечала подробно без прикрас. Во-первых, не утаивала. Во-вторых, не могла это сделать. Слова сами выстраивались в предложения и выходили из меня.

— Почему ты оказалась в списке Хью? — спросила София.

— У меня есть предположения на этот счёт. Они добавили меня в список, чтобы вы меня нашли и проверили мою причастность. А также раскрылись сами. Как я и описывала, об их деятельности знаю из преследующих меня снов, предчувствий и видений.

— Я собрала достаточно информации, — выдохнула она. — Допрос окончен.

Она посмотрела на часы и подсчитала время.

— Действие зачарования закончится через пару минут. Уложились, несмотря на твою разговорчивость. Разболталась на целых полтора часа, уши устали слушать.

— Ты хоть и пытаешься со мной поругаться, но я рада нашей встрече, — сказала я, выпив стакан воды, потому что

в горле пересохло.

София снова посмотрела на меня исподлобья и достала папку с документами.

— Можем обсудить всё сейчас или дождаться утра.

— Мне интересно узнать, что успело произойти и поменяться за эти два года. А потом хочу узнать цели вашего союза «Плетущие путь».

— Что изменилось? — посмотрела на меня София, с неохотой вспоминая момент, когда ситуация снова стала накаляться. — Однажды утром мы проснулись, это было начало прошлого года, и узнали, что сместили всех старцев в Патрицы Тауэр. Ты представляешь? Учителя и старцы были в одночасье заменены новыми, которые никому прежде не были известны. Откуда они появились, какие цели преследовали? Да даже причины ухода всего состава из Патрицы не было объявлено.

— А что новый состав? — спросила я.

— Новый состав оказался совершенно бестолковым. Если прошлые старцы имели многовековую историю, знали огромное количество разрешённых и запретных техник, воспитывали управителей пространств, то новые вообще ничего не смыслят и не умеют.

— Тогда зачем организовывать «Плетущие путь», если они такие простофили?

София налила себе воды и посмотрела на папку с документами, которая лежала на столе рядом с её локтем.

— Они возомнили себя Мировым правительством Гистофиса и стали провоцировать ящеров не только на Гистофисе, но и на Земле. Те некоторое время не реагировали на провокации, но в последнее время Хью стал всё чаще мелькать в различных отчётах о деятельности ящеров на Земле. Отлежался на Гистофисе и снова на другую планету, чтобы за задницу не схватили. Мы организовали «Плетущие путь», потому что Фира сказала, что президентам регионов, которые сохраняют единство на Гистофисе, отправлены запросы на подавление бунтующих течений. Угадай, кто их организывает?

— Патрицы?

— Доказательств нет, но мы скоро их добудем и выступим перед в лучшем случае президентами или перед их представителями с петицией о лишении организации «Патрицы Тауэр» значимости в политическом и общественном управлении массами. Мы сможем задавить их авторитетным количеством, а для этого нужно согласие минимум 80% президентов регионов, — разнервничалась София, пребывая в хроническом стрессе из-за навалившихся проблем с новыми старцами.

— Ты упомянула Фиру, она взаимодействует с полем. Что-то смогла оттуда вытащить и вам сообщить?

— Её нет в нашем союзе. И она не просто взаимодействует с полем, она, по её словам, им является. Уже дважды должна была вернуться на материк, но говорит, что отныне жи-

вёт на острове. В остальном ничего толком не говорит, никак не помогает. Пригласила на остров ЛеГода Тесла, чтобы он преисполнился духом изобретателя и совершил какой-то ошеломительный прорыв. Зачем он нам? Мы и так еле поспеваем за новинками в сфере нанотехнологий и квантовых компьютеров. Но якобы необходимо. В итоге нужное не сообщает, отвлекает всякими сторонними событиями. Попросили её помочь незаметно привлечь союзников в «Плетущие путь» через поле. Она тебя вытащила. Лучше бы кого-то из центральной Тории, чтобы осуществлять слежку за Патрицы.

— А Клий отправился на остров, чтобы совершенствовать магию водной стихии? — спросила я, догадавшись по его монографии.

— Нет, она прихватила с собой Клия, потому что вечно его с собой везде таскает и не даёт толком заниматься своими делами. А он самый активный деятель в нашем союзе, без его помощи никак не справится. Но он безропотно летает туда-сюда: то к бесячей жёнушке, то обратно на вахту в комплексе. Ох, если она — поле, то не видать мне хорошей кармы за мои нелесные слова в её адрес. И их будет только больше.

Я задумалась и обхватила подбородок рукой. Из сказанного ясно, что грядёт новое восстание на Гистофисе, только теперь оно будет основано не на генетическом превосходстве, а на несовпадении мнений и взглядов. И если не предотвра-

тить бунтарское движения, то в скором времени всё может привести к повторению войны, но уже не между людьми и ящерами, а между мирным Гистофисом и Патрицы. Последние пока скрывают свою подпольную деятельность, и я точно знаю, что на них пока невозможно найти компромат хотя бы потому, что существует ещё одна подпольная организация на отдалённой Земле, где Хью снова взялся за старое. Насколько он тесно общается со старцами, и кто от кого зависит?

— А со списками Хью что? — спросила я.

— Мы знаем, кто добавил тебя в отчёты и зачем это сделал.

— Кто?

— Некто Шедший. На него мало информации, я тебе всё завтра расскажу детально. Просто знай, что он ученик мистера Хью. Последний, кстати, после общения с тобой стал непригоден для осуществления деятельности. Вонючка старая!

— У тебя будто с ним старые счёты. Встречались лично?

— Он мой папаша.

— Вон оно что... — задумчиво протянула я, вспоминая насколько эффективна была София, когда дело касалось всего, что связано с ящерами.

Значит, она не просто чистокровный змий, а потомок древнего рода Хью. Тут София разнервничалась и снова сорвалась:

— Да пошёл он в задницу! Я его с таким удовольствием

променяла на свою нынешнюю жизнь. Удивлена, что тебе потребовалось так много времени, чтобы прийти к выводу, чью сторону действительно стоит принять. Пока головы на поле боя не полетели с плеч невиновных, всё размышляла о своей подлой миссии.

София покраснела от подступивших воспоминаний. С момента нашей последней встречи прошло много лет. Мы ни разу не встречались с ней после Атлы, только на расстоянии обменивались данными, зная, что у нас обеих всё хорошо, а потом не зная вообще ничего друг о друге.

— Отец и Хью отработаны, теперь Шедший. Тебе не кажется, что нужно истребить всех последователей, чтобы это закончилось? — Я стала вмиг жестокой, понимая, что порочный круг никогда не кончится, если хоть один последователь всё ещё дышит.

— Это не так-то просто. Попробуй сейчас подойди к этому Шедшему и наставь на него пистолет. Думаешь, не было моментов, когда можно было его кокнуть? Полно! Я сама хотела однажды это сделать, но у меня могли бы быть проблемы. Патрицы не выгодны безосновательные стычки. Сразу набегают их агенты со своими расследованиями и рубят сплеча без особых разбирательств. И виноваты почему-то всегда самые сильные их противники. Например, ЛеГод, который всё ещё на своём месте благодаря безупречной репутации, — прищурилась София.

— Понятно, почему ты против моего возвращения. Оно

может подпортить репутацию профессора. — Потёрла я лоб.

София выставила перед собой пальцы, сложенные в форме пистолета.

— Не устраивай нам проблем, ладно? Иначе в моей руке будет настоящее оружие, и твоя смерть не вызовет никаких неприятностей.

Я промолчала, пристально глядя в глаза Софии, которая смутилась и быстро отвлеклась на папку.

— Я тебе завтра всё расскажу о наших насущных целях. Сейчас валюсь с ног, давай спать? — Она положила ладонь на совокупность распечатанных и сшитых данных, после чего показала на длинный угловой диван и достала постельное бельё.

Мои ноги упирались в ноги Софии, которая спала на другой стороне дивана, перпендикулярной моей. Её телефон просигналил ровно в семь утра и разбудил меня, но не её.

— София, — подтолкнула я её ноги. — Твой будильник, София! Пора вставать.

— Ну, капита-а-ан! — протянула она и закрыла руками лицо, отворачиваясь к спинке дивана.

Я была ниже её по званию, шестого ранга, против её седьмого. Но так знакомо она обратилась ко мне, будто и не было разрыва во времени.

— У нас дела горят, а ты дрыхнуть вздумала? — громко спросила я, отчего она съёжилась и уткнулась в диван.

— Я официально в отпуске на неделю, имею полное пра-

во. Буду пить и распутствовать. Надену лик неконтролируемого азарта.

Я покачала головой и начала свой день. На завтрак разогрела полуфабрикаты и поставила их на стол, а София всё ещё лежала на диване, закинув ногу на его спинку.

— Могу изучить документы из папки? — спросила я, расталкивая ехидну.

— Да, там.

Она, не поворачиваясь, показала пальцем за спину, промахиваясь мимо стола.

— Всё написано на гистофском диалекте нашего поселения в том дебильном лесу. Это вообще официальный язык «Плетущих путь», потому что его использует только около десяти-двадцати жителей Гистофиса, и нет никаких способов его выучить, если нет знакомого носителя. Вымирающий диалект общины Тарохо — то, что нужно. Не забыла, надеюсь?

— Не забыла, — пробормотала я, открывая папку.

— Мы про Шедшего вчера не договорили. Сейчас, ещё пять минут и встаю. Тогда и за дела можно приниматься, — начала невнятно бормотать София, не стесняясь своей лени. — А я ещё код написала по взлому... там такое достаёт... везде работает.

Я не стала обращать внимания на её сонные рассказы, распаковала сшивку папки и принялась перебирать документы. Многократно себя повторяя, грамматика путалась и вет-

вилаась, подобно змеям во время драки или спаривания. Читать было непривычно, ведь с момента, когда меня посвятили в мою миссию, я начала говорить на исключительно универсальном гистофском диалекте, постепенно забывая родной из общины, который нигде более не употреблялся. Отец хотел скрыть мои корни, оттого и отучал от акцента. А когда Нир дал мне способности обучаться другим языкам Земли, я совершенно потеряла налёт принадлежности к определённому региону.

В документах лежало личное дело Рашата Шедшего, который сейчас работает в университете Франции, где изучает историю страны и пишет докторскую диссертацию. Конечно же, есть и моё личное дело, а также всевозможные фотоотчёты о перемещении Рашата, но ни на одном я не зафиксирована. Поэтому София пометила меня значком исчезнувшей без следа.

— Рашат родом неизвестно откуда, но паспорт у него французский изначально. Несколько раз летал в Великобританию и встречался однажды с Хью. На этом нити обрываются. Словно дразнит. Я проверила все его документы. Подчищенная база данных вызывает вопросы, а восстановить файлы не получается. На данный момент имеем следующее: гражданство не менял, родителей нет, детских домов нет, опекунов тоже, — сказала София, присоединившись к столу для завтрака, который уже давно остыл.

— Его, как и меня, внедрили?

— Очевидно. Я взломала его компьютеры, он изучает период правления Людовика XIV, а именно магию и фаворитку короля, как её?

— Франсуаза-Атенаис де Монтеспан, — прочитала я в документе.

— Очень ей интересуется, — закивала София. — А ещё он часто ходит по барахолкам и соборам. Все подряд посещает. Что именно он ищет, не знаю, но могу сказать, что у него есть потайное место, где он держит записи. Где именно пока не определила, он тоже ехидна и легко манипулирует вниманием следящего.

— Вы хорошо осмотрели его квартиру? — спросила я, разглядывая как раз фасад нужного здания.

София удивлённо подняла брови.

— Клий перевернул там всё, даже полы и стены просвечивал.

— Клий? — выдохнула я. — В логове людей Хью?

— Конечно, а кто ещё? Нас в союзе всего троя. Была бы ты, тебя бы отправили, но ты отказалась от контракта с Ле-Годом. Поэтому заставили твоего брата пахать на благо союза «Плетущих путь».

Я отложила папку и скрестила руки на столе, подаваясь вперёд.

— Кстати, о нём.

— Я вчера всё рассказала...

— Не всё. Я сегодня видела в ленте новостей странную

запись об очередном погроме и дне памяти. Что случилось год назад и происходит сейчас?

— В конце прошлого года на Шоите, в пригороде вышли ничем не выделявшиеся из толпы ящеры и генно-модифицированные люди. Они принялись волновать население, устраивать митинги и в итоге столкнулись с несогласными. Началась драка, которая переросла в настоящую бойню. Теперь периодически появляются бунтующие, которые пытаются спровоцировать беспорядки. Роль сыграли местные влиятельные личности, которые смутили людей, ящеров и направили их на мирных жителей. А знаешь, что самое ужасное во всей этой истории? Патрицы просто проигнорировали вспыхнувший конфликт и даже никак не объяснили, почему устроили бойню среди населения. Это мы, агенты комплексов, знаем о специально подосланных бунтарях и возможности спланированной операции по зачистке, а всем остальным ничего неизвестно. Шоитяне и сотни других гистовцев оплакивают близких, думая, что какие-то сумасшедшие вышли бесчинствовать, — София встала со стула не в силах справиться с подступившими чувствами возмущения и гнева. — Среди мирных жителей были все расы, не только люди, не только рептилоиды. Там были и наши ящеры, и чистокровные представители рода змиев. Ты понимаешь, что они тупо проигнорировали потерю тысяч невинных душ?

Кажется, Патрицы взяли за основу модель действий моего отца и... возможно, хотят в итоге свести всё к моей непо-

средственной причастности к движениям. Мне было нечего сказать.

— Вот и я о том же, так же, как и ты сейчас, была шокирована, — села обратно София, не сдерживая эмоций. — Тогда сама связалась с ЛеГодом и предложила создать союз. Он его негласно оформил и пригласил Клия. Фиру, как ты понимаешь, видеть в нём я не очень хочу. Пусть звёздочка занимается вспышками на горе Айкорта и нас не трогает.

— Да что ты так на неё взъелась?

— Она столько дерьма за эти два года вытворила. Особенно, когда мы её попросили помочь и достать информацию из поля или поспособствовать развитию «Плетущих путь». Сказала, что всё секретно, она не может раскрывать деталей. Сделает всё возможное, а в итоге мы просто зашли в тупик и получили всего лишь одного агента, тебя. Вот что ты сможешь сделать в одиночку? Снова внедриться к Хью? Кокнуть Рашата? Собрать секретные материалы? О! Ещё вариант! Ты можешь сотрудничать с Патрицы, являясь шпионом. Идиотизм! Вот так помогла эта Фира. Я её всеми чешуйками не переносу. Пусть катится к чёрту, — рыкнула София и отказалась есть, приготовив себе горячую воду.

Я вздохнула. Дела обстояли ужасные. Возможно, когда я вольюсь в миссию, мне будет легче, но сейчас всё сложно и нарочито указывает на меня. Я вернулась вовремя, иначе меня бы сделали крайней без права оправдаться. Моя роль в происходящем пока не раскрыта до конца, но у меня уже

есть мысли по поводу слов Нира и того, что говорила сейчас София. Если я раскрою замысел Рашата, то приближусь к отгадке. Он собирает древнее знание, появившееся в эпоху правления короля-солнце, оно-то мне и нужно. И как я предполагаю, не только мне, но и Патрицы.

— Ладно, правильно ли я поняла, что о союзе знаем мы вчетвером, Фира, Божества с Айкорта, Анил и Нир? — спросила я.

— А последние кто такие?

— Они... — я замялась.

— А, это ядра планет, их сияющие души. Да, читала где-то в мифологических книгах. Зачем перечислила? Связи вне материального имеешь? Чудачка, — хмыкнула София и отпила испускающую пар воду.

Хотелось спросить, про её доверие, ведь я действительно могу быть не той, за кого себя выдаю, но она охотно вводит меня в курс дела и постоянно говорит, что меня к ним вернула Фира. Я знаю, что не посмею предать их, что они не враги мне соответственно. Но осадок недосказанности всё равно занимал важное место в наших отношениях.

— Мне нужно точно знать, насколько вы мне доверяете и действительно ли доверяете.

— Рия, — сделалась усталой София. — ЛеГод зашифровал в коде, который ты с собой привезла на пропуске, диалог с Хранителями. Оставил свою фирменную подпись, которую мы вместе разработали. При всём моём уважении, у

тебя мозгов не хватит его взломать, как и у любого чёртова гения на Земле и Гистофисе.

— Как-то неожиданно обидно прозвучало, — потупила я взгляд. — А ты стала самодовольней и прямолинейней.

— Ау, — приняла удар София. — Я оттачивала свои хакерские навыки больше десяти лет. Со мной сравнится только такой же фанатик, как и я. Но он пока не дорос до моего уровня навыков или вообще не родился.

Я поджала губы и закивала, снова пролистывая папку.

— Как я поняла, Шедший изучает мистика и его сюжеты с индейскими «диаблеро».

— Да, не sny точно, он практически не спит, — всё же вернулась к еде София. — Моя теория в том, что он пытается стать настоящей змеёй. Запретная гистофская магическая техника. Прошлый состав старцев запретил игры с обликом после кода «чёрный» в Атле. Максимум, который разрешён при наличии гена хамелеона, — закрывать чешую человеческой кожей. Но Рашат плевать хотел. И тем не менее никаких данных о его способностях найти не удалось.

— И он точно ехидна, ты сказала, — снова уточнила я. — В личном деле нет данных об этом, только с твоих слов.

София пронзительно посмотрела мне в глаза, прежде чем ответить:

— Да, это снова моя теория. Мы сейчас властны работать только с ними, ведь кровь Рашат не сдавал, в чешую не облачался, способности не проявлял. Но судя по его поведе-

нию и вхождению в ряды моего почти покойного бати, истина в моих словах, он ехидна. К тому же Хью и сам может... точнее мог обращаться в змею. Длинную и жирную, как его язык и тело, соответственно. Но после стычки с тобой, когда ты вернулась после экспедиции на Кайлас, он стал практически бесполезен. Возможно, он учит Рашата этой технике или уже научил, тот дополнительно собирает литературу по теме. Также Хью использует его, как главного исполнителя, рассчитывая на безупречную верность. Уверенна, у Рашата мощная печать повиновения на подсознании, которую не видно.

— Не вижу его психологического портрета, — пролистала я страницы.

— Вот он, — достала наугад София нужную бумагу.

На фотографии стоял мужчина, который смотрел куда-то вдаль. У него были большие платиновые глаза и узкое лицо с маленькими ушами. Брови тяжело нависали над веками, а мешочки под глазами образовывали две складки, под которыми глубокой впадиной очерчивался контур костей. Нос сломанный и неудачно вправленный, создающий ощущение, что место хряща распластано, а дышать сложно. Губы узкие, рот маленький, подбородок красивый с ямочкой. Тело щуплое, худое, но осанка прямая и гордая. Он был знаком, но не могу вспомнить, где видела его.

— Здесь написано, что анализы по физиогномике и социальному взаимодействию противоречивые. Способен под-

страиваться под нужное общество, не обладает акцентуациями. То есть, вы не знаете, что он на самом деле из себя представляет?

— Да, печатей не обнаружено, как и мысли невозможно прочитать, — выдохнула София и допила свой кипяток.

— Ну, это мы ещё посмотрим, что у него там с печатями и мыслями.

— Слышу нотки самолюбия, капитан, — ехидно поддела София.

— Тебя спасает только твоё нынешнее положение в комплексе, — сощурилась я и прошипела.

— Догадалась уже, да? Мы действительно планируем запустить тебя во Францию, чтобы ты заставила Рашата совершить ошибку, которую мы можем использовать в своих целях, — что-то утаивая, сказала София.

Я кивнула и стала ждать, когда она закончит мысль.

— Только не увлекайся, он очень хорош в своём деле. Знает о тебе практически всё, — всё же сказала она. — Рашат собрал целую картотеку фотографий отовсюду, весь твой путь задокументировал. Я когда нашла эти данные, была мягко сказать шокирована.

— Как думаешь, я смогу обвести его вокруг пальца?

— Точно нет, — грустно выдохнула София и опустила глаза на пустую тарелку. — Особенно, если он ехидна. Делай свою работу, прикидываясь человеком, и помогай нам продвигаться в изучении сторонника Хью. Дальше посмот-

рим, как он себя поведёт. Но прямого взаимодействия быть не должно до моего приказа или приказа ЛеГода.

И тут я задумалась, стоит ли им сказать про мою первоначальную цель, обозначенную Ниром. Первостепенно я должна докопаться до разгадки. Вместе с этим не забыть и про борьбу союза с Патрицы. В голове возникло видение, которое мне явила река Скорби и в котором мужчина трёт веки. Я взглянула на глаза Рашата и поняла, что видела именно его. Сомнений нет. Всё взаимосвязано.

— Куда провалилась? — пощёлкала пальцами перед лицом София. — Что делать будем?

— Вначале я хочу полностью изучить деятельность Рашата и в режиме реального времени точно узнать, какие он предпринимает попытки в написании диссертации. Что изучает, какие книги берёт, касается ли это определённых артефактов, как и с какой целью они используются...

— Нужно тебя оформить, как члена «Плетущих путь» и выдать миссию.

— Сразу выдай мне объяснительные формы, как они должны быть оформлены, чтобы я не тратила время на отчёты, — без промедления согласилась я, горя желанием поскорее приступить к работе.

София хитро улыбнулась.

— Тебе не нужны объяснительные твоего отсутствия. Ты все эти два года служила у нас в комплексе, как секретный агент. А задание твоё связано с изучением и ассимиляцией

на Земле.

— Зачем вы это сделали? — спросила я. — Можно же было оформить иначе.

София продолжала хитро улыбаться, получая удовольствие от раскрытия карт — всё складывается, как она того и хотела. Но мне ли не знать, что она хочет таким образом вернуть себе лидерство в вопросах слежки, после провального для её имиджа откровения о том, что потеряла меня в пределах материка Евразия.

— Я знала, что ты вернёшься. Ты и беззаботная жизнь? Пф-ф-ф, — закатила она глаза и довольно помахала руками. — Только я не была уверена, на чьей ты стороне будешь осуществлять деятельность после того задания на Кайласе. Но если на нашей, тебя нельзя было выводить из игры. Поэтому вчерашний допрос был отчётом для твоей текущей миссии. И это, как по мне, действительно неплохой аргумент против списков Клия.

Ну да, конечно! Она именно всё так и задумывала. Чувствую вмешательство Фиры, которая могла знать всё наперёд и порекомендовать ЛеГоду не увольнять меня в запас. Погодите... Если я всё это время служила, то у нас с Софией отсутствует разница в рангах.

— Какой у меня ранг сейчас? — поставила я локти на стол и закрыла сложенными пальцами подбородок.

София сжала губы, а потом встала и принесла мне мой настоящий пропуск.

— Такой же, как и у меня, капитан, — сказала она то, что всё это время убедительно игнорировала.

— Что ж, считаю выполнение миссии успешным, готова предоставить итоговые заключения по заданию ответственному куратору. Готова приступить к новой компании как участник союза «Плетущие путь», — сказала я и ещё раз проверила жетон.

Несмотря на то что Анил враждебно принял меня на Божественном острове, он не чинит мне препятствия на земле смертных. За это я ему благодарна.

— Рия, твой куратор ЛеГод, а он до сих пор на острове. Ты сможешь отчитаться по итогам только ему, — постучала пальцами по столешнице София и добавила: — Пока этого не сделаешь, не начнёшь задание и не сможешь прервать ещё действующее.

— Но я забрала их сёрфалёт.

— Тогда я предлагаю тебе вернуться на Землю и ждать весточки и нового задания от нашего курьера. Только оставь координаты. Комплекс предоставит тебе снаряжение, которое тебе может пригодиться.

— Линза! Мне нужна линза, которая считывает энергетические отпечатки.

— Твои дополнительные фоторецепторы атрофировались? — округлила глаза София.

— Они, как и прежде, нестабильно считывают энергетические отпечатки. И ещё мне хотелось бы ознакомиться с

новыми технологиями.

София позволила мне пожить у неё ещё пару дней, дала каталог снаряжения, получила заказ на оборудование. Затем сопровождала в комплекс, попросила координаты той деревни, чтобы курьер секретно прибыл на место и вручил всё необходимое, после чего отправила через телепортатор к статуе Женщины в Сибири, где в засаде сидел Михаил и ждал появления вандалов.

Глава седьмая. Курьер с букетом

— Не понял, — вышел из сторожки Миша с ружьём наготове.

— Это я не поняла, — сказала я, разводя руки в стороны. — Ты действительно бы вышел и перестрелял вандалов из ружья?

— Тут соль, — осмотрел он ствол и повесил оружие на плечо. — Как дела? Ты уже всё решила? Так быстро?

Его вопросы посыпались, как спелый горох из сухого стручка. Как же велико было любопытство, невозможно скрыть румянец ожидания.

— Нет, я тут переждать, а потом снова уезжаю.

— А я в деревню звонил, — пошёл со мной Миша к выходу из кладбища, где ждал замаскированный джип. — Жизнь в деревне нормализовалась. Змеи совсем исчезли, ни одного несчастного случая.

— словно солнце давно не бывало за тучами. Думаешь, из-за меня? — грустно посмотрела я на него и села на пассажирское сидение.

— Не знаю, — смутился Михаил, который был рад, что я вернулась, но снова переживал, что останусь.

Или это всего лишь моя навязчивая мысль. Просто сомнение и его, и моё. В любом случае я скоро снова уеду. Пережду в деревне пару дней или недель. Дождусь, когда у Ле-

Года появится возможность вернуться в комплекс, а потом отправлюсь в длительную командировку. Возвращусь ли из неё? У всего есть свои риски, даже у простейшего похода на огород, где в зарослях травы может ожидать змея. И что же? Бояться и не выходить из дома? С такими мыслями только становиться затворником и постепенно сходить с ума. Но где гарантия, что в приступе паники не прибьёт шкафом. Всё так неожиданно, всё так относительно. Не хочу задумываться о рисках, они пока незначительны.

— О чём размышляешь? — спросил Миша, который всё это время нервно кусал губы.

— О том, как была встречена бывшими соратниками.

— Я так и не спросил, как всё прошло, — сник он и сбавил скорость перед сложным поворотом.

Мне вспомнились листы, кинжал и карандаш, их я решила не брать с собой. Спрячу получше в деревне и, если они мне понадобятся, Миша привезёт. Я не знаю, для чего может всё это пригодиться. А носить такие мощные предметы с собой опасно, хотя бы потому что я не знаю, кто такой Рашат Шедший, и как он может повлиять на мои исследования. Стоит ему узнать про моё появление, ящеры сразу начнут охоту. Знают ли они уже, что я связалась с союзом «Плетущие путь»? Знают ли они, что он вообще существует?

— Прошло всё хорошо, но мне нужна будет твоя помощь в исследовании астрала. Потребуется связаться с умершим в семнадцатом веке человеком.

— Смейёшься? Связаться с древним представителем астрала? — хмыкнул Миша. — Я верю в реинкарнацию, а значит, душа не может после перерождения существовать в поустороннем мире. Некоторое время да, но не больше трёхсот лет. Невозможно.

Я сдвинула брови.

— То есть мы не сможем получить информацию от этого человека?

— Может быть, удастся собрать о нём какие-то сведения. Типа отпечатков, но более чётких, потому что речь идёт о пограничном мире. Ну, посмотрим, короче.

Я задумалась. Миша действительно знает очень много про взаимодействие с умершими, честно признаёт, что у него есть прорехи в знаниях. Его образ действий не похож на уникальный, он делает всё, как все. Сам же хочет разработать свою теорию или докопаться до решения какой-то своей проблемы. Она связана с той девчонкой, от которой он сбежал из Великобритании. Но меня это мало касалось, поэтому я не углублялась. Знаю только, что и со мной она тоже связана. Об этом не хотелось излишне думать, потому что не в этом заключается основная задача моего путешествия.

Через сутки мы приехали в деревню, причитая, что погода испортилась. Дорогу размыло, колёса увязали в грязи. Мы решили оставить джип у границы деревни и пройти пешком. Я шла по маслянистой дороге, с трудом вытаскивая ноги из вязкой земли.

— Что случилось? Где вся галька? — спросила я. — Меня не было несколько дней, а дорога превратилась месиво!

— Понятия не имею, я всё это время жил в заброшенной сторожке, здесь не появлялся, — ответил Миша.

На дороге стояла толпа. Все в дождевиках и резиновых сапогах, некоторые держали в руках зонтик. Они переговаривались между собой, слышались крики зрелого мужчины.

— Они ушли из деревни, и мир настал! Чёртовым созданиям не место на нашей земле! — кричал мужчина.

Меня схватили его слова за сердце и встряхнули. Ужасные сравнения преследуют, снова и снова настигают. Что это всё значит? Мы с Мишей подошли к толпе и спросили нашу соседку, которая цокала и закатывала глаза.

— Что здесь происходит? — спросил Миша.

Та оглянулась и посмеялась.

— О! А вот и вы! — слегка присела она. — Идите и доставайте этого сумасшедшего из ямы.

По толпе прошла волна возмущения, которая касалась распространения новости о нашем возвращении.

— С ума наш грибник сошёл, — сказал дядя Сёма, который разводил пчёл. — Напился своей настойки и в ночь пошёл копать яму для фундамента. И так каждую ночь с вашего ухода. Ну копает и копает, сумасшедший. Себе дороже будет трогать этого малахольного. А сегодня мы проснулись после ливня, а дорога превратилась в кашу.

— Да, он всю гальку замесил и залил в яму. А мы из-за

шума непогоды проследили. Часовню строит, чтобы вы в деревню не могли вернуться, — сказала соседка, следующее высказывание обращая к сумасшедшему грибнику: — Зачем почём зря гальку перевёл? На твои что ли деньги куплена была? Всей деревней скидывались!

Я подошла к свежему залитому фундаменту и заметила, как в меня летит увесистый камень, от которого успела увернуться. Его ловко поймал Миша, шедший чуть поодаль.

— Ведьма! Как явилась к нам, сразу всех прокляли, — причитал он. — Деревню погубила, змеи зажрали. Отродье чёртово!

— Успокойся, — прикрикнула я на него оглядывая неровную будущую конструкцию. — Сетку из арматуры сплёл, прежде чем заливать?

— Изыди, проклятая! — кинул он ещё один камень.

Я поймала летящий в меня кусок породы, а потом заглянула в его мысли. Он находился в бреде уже не один день. Его психика была сильно повреждена, но в осколках, которые составляли сознание (мне ли не знать, как это выглядит), были отражения меня в сплетениях прошлого и будущего.

— Ты просто впустую выбросил деньги, которые люди трудом заработали. Даже не удосужился сделать железный каркас, чтобы часовня стояла не одно столетие, — схватилась я за его воротник и оттащила от сырого бетона, ведь он мог туда упасть.

Часовня, построенная на костях. Звучит, как очередная

страшная байка о проклятых соборах. Я посмотрела на лекаря и молчаливым взглядом дала понять, что с его состоянием что-то нужно сделать, пока он не навредил деревне ещё больше. Лекарь без слов меня понял и повёл чудака к себе в сарай.

Толпа постепенно расходилась, не прекращая судачить о происходящем. Я же посмотрела на творение сумасшедшего и вздохнула.

— Нужно огородить это, а потом закопать, — предложила я Мише, чувствуя, как редкие капли дождя падают на кожу и волосы.

— Зачем ему это понадобилось? — озвучил вопрос тот.

Я оценила масштаб проделанной и предстоящей работы:

— Он многократно исказил представления обо мне. В его голове чего только нет. У меня даже змеиный хвост в одной из его галлюцинаций. И вот я заползаю к нему в дом и кусаю за щиколотку. Он болеет недугом. Решает, что нужно возводить часовню, чтобы спастись от проклятия. Несколько ночей копает неглубокую яму, а потом замешивает бетон. Он украл цемент и песок у соседа, который строит летнюю кухню.

— Пусть молится теперь, чтобы тот его не прибил, когда вернётся из города, — ухмыльнулся Миша и пошёл вслед за мной в дом.

Из сарая мы взяли четыре черенка, верёвку и соорудили вокруг серого озера ограду. После чего пошли в дом и,

уоставшие, разбрелись по комнатам. Я долго не могла уснуть в первую ночь, в остальные мне полегчало. Но странное стало происходить, когда прошло несколько дней после приезда. Люди начали говорить, что змеи вернулись. Ни одной не было те дни, в которые я отсутствовала, но стоило мне появиться, как они снова сползлись со всего окружающего нас леса. И химикаты оказались бесполезными. Местные не сопоставили это со мной, но где-то в сплетнях упоминали моё имя рядом с рассказами о змеях и намерениях сумасшедшего.

— Миша, это я виновата, — сказала тому по прошествии недели. — Я должна уехать.

— Но ты же сказала, что должна получить от курьера необходимые документы, передать какой-то ключ или код.

— У него координаты деревни, я раскрыла их на случай, если мне потребуется отправить сюда помощь. Но я отправлюсь в Красноярск, буду ждать курьера там. Если он приедет сюда и спросит обо мне, направь его именно туда. Он сам разберётся. Просто скажешь, что я в Красноярске.

— А если он найдёт тебя, как я узнаю, что мне больше не нужно его ждать? — но прежде, чем я ответила, уточнил: — Это всё секретно. Не думаю, что ты сможешь написать мне сообщение о курьере.

— Я пришлю безобидное фото с кофе и пожелаю тебе хорошего дня.

— Ты никогда не присылала мне открытки и подобные фото, будет выглядеть странно, — почесал Миша затылок.

Я задумалась.

— Тогда уеду и начну каждый день желать тебе доброго утра через дурацкие открытки. Но когда пришло кофе, тогда ты поймёшь, что я отправляюсь на задание. Так пойдёт?

Он закивал и посмотрел на рюкзак, который я так и не разбираю.

— Там что-то токсичное, так? — показал он пальцем.

— Токсичное? Может быть, восковой карандаш из кино-вари.

— Доставай его. Мне не нравится, что он там лежит. Опасная какая-то штука, — встал с места Миша.

— Он использовался для написания рунических ставов. Думаю, всё не так страшно. Но ты прав, его нужно где-то спрятать, вместе с другими предметами.

— Давай сюда, есть отличный тайник, — попросил он находки, а получив, сразу засобирался в поход.

Я посмотрела на него и решила, что будет лучше, если уйду, не узнав, где он был.

— Когда ты вернёшься меня уже не будет дома. Я забираю твой джип, а ты можешь пользоваться моим, когда дорога затвердеет. На твоём счёте достаточно денег, но не трать их на ерунду.

— Прощаешься, будто никогда не вернёшься.

— Я пришло фотографию рассвета, который встречу в дороге, — сказала я и себе же закивала, разбавляя неуверенность.

— Тогда я пошёл, и ты иди, — стал серьёзным Миша, взял свёрток и ушёл.

Странное расставание. Но самое правильное из возможных.

Дорога до Красноярска была долгой. Я часто останавливалась, чтобы переждать подступающий сон. Как и обещала прислала Мише рассвет. Одной совершать длительное путешествие было удобно, никто ни от кого не зависит: никто не ждёт меня, я никого не жду. И вот я добралась до места назначения. Сняла отель и стала ждать. Комната была простой, невзрачной. Погода портилась, тучи собирались над городом, холодало. Шум, вонь гари от тарахтящих машин. Туда-сюда проносились люди. Они жили, но я среди них жить не хотела. Тянулась к спокойствию деревни. Но ждала. В кафе. В парке. В библиотеке. В отеле тоже ждала. Подала документы на шенгенскую визу.

Спустя две недели, когда Миша перестал реагировать на мои утренние фотографии, устал подыгрывать и стал игнорировать, просто читая, я увидела лохматого мальчишку. Я сидела в кафе и пила кофе, заедая терпкий вкус сладким десертом. Он что-то писал, отмечал на полях. К нему подсел такой же лохматый старик. Его лицо походило на лягушачье, а тело такое же одутловатое. С их стороны вперемешку с запахом завтрака доносился аромат розы, ладана и пачули. Стоило уловить запах цветов, сразу раскрывался следующий слой, незаметно накрываясь тугим полотном тяжёлого пачу-

ли.

Старик заметил меня и резко стрельнул глазами. Я не отвела свои, продолжала смотреть на него заворожённым взглядом. Тогда он потрепал мальчишку по волосам и показал ему на лист пальцем, после чего паренёк зачеркнул и стал пыхтеть ещё усерднее. А старик встал и подошёл к моему столу.

— Зачем лезешь ко мне в голову? — сел он напротив и спросил, складывая прямые пальцы пианиста.

— Потому что не понимаю, почему она пустая, — ответила я, не найдя лазеек для проникновения в потайные слои сознания, где он прятал то, что могли услышать такие, как я.

— Потому что я не думаю, я всегда молчалив.

Его голос был хриплым, а исходивший от тела запах с тремя оттенками окутал меня, почти очаровал.

— Невозможно не мыслить. Невозможно не прятать диалоги. За идеальной тишиной всегда шум, за которым прячется всё остальное, — сказала я, продолжая смотреть в его мутные от старости глаза.

Морщины вокруг них словно двигались, а слова расплывались. Он пытался меня загипнотизировать, но я не поддавалась даже великому магистру змеиного гипноза, мистеру Хью, и его умельцам. Этот старик был намного его слабее. Но он также стремился пролезть в мою голову. За два с половиной года я стабилизировала работу мыслеформ, но старик будто игнорировал опасность.

— Что же ты так просто отдала ему клыки? — спросил он и не дожидаясь моего ответа продолжил: — Он сейчас уже бы издох, а так живёт припеваючи. Жалкий выродок. Ты опозорила бы нас, если бы отдала ему всё без остатка.

— Называете выродком Падоху? А сами-то кто?

— Падоха — жалкий, ничего не знающий змей, который не должен был существовать. А мы — драконы, к роду которых ты относишься. Но наслушалась того недостойного, которому отдала свою кровь, став такой же, как и он. Мне стыдно, что род твоей матери прервался.

Я сдвинула брови, услышав, как скрипят его мысли, но не сумев к ним пробиться. Тишина сменилась вырывающим из состояния спокойствия скрежетом, мешая сосредоточиться.

— Значит, словам Падохи верить нельзя. Но я видела его фиолетовую кровь.

— Конечно, видела! — подтвердил старик тихо, но напористо. — Он же был в своём магическом пространстве, где мог явить тебе любое чудо, которое ему бы позволили его накопленные силы. Ты видела и слышала то, чем пропитано его поле, его параллельный мир. Но это обман, который твой узкий взор не смог распознать и привести к нейтральному.

Люди вокруг безразлично болтали и совсем нас не слушали. Старик применял психоэмоциональные силы для того, чтобы никто не мог вникнуть в наш с ним разговор. Его силы меня впечатлили, теперь я поняла, что неверно расценивала его слабым. За старческой немощью скрывалась вели-

кая мощь, которую тот хотел мне продемонстрировать, когда буду к этому готова.

— Сколько вас, истинных драконов? — спросила я.

— Было двадцать четыре. А сейчас пятнадцать. Трое почили в прошлом году. В этом должны уйти ещё двое. Тогда нас останется тринадцать. А в следующем году мы потеряем пятерых. Отродье не в счёт. Но мы считаем тебя, ведь ты обманутое дитя, которое выросло и должно вернуть украденное.

— У вас есть лидер? — продолжила спрашивать я.

— Ты должна была им стать. Но не стала.

— Тогда стали вы? — снова спросила я.

— Я стал, а станешь ты, когда вернёшь себе клыки.

— Однажды мне сказали, что ничего не вернуть, и при мне только дух дракона. Вы мне говорите, что если верну клыки, то обратно стану носителем фиолетовой крови.

— Конечно. Ты бы не могла им стать, если бы лишилась духа дракона, но ты всего лишь лишилась сил вместе с клыками. Верни их на прежнее место и обрети обратно свой источник могущества.

— Я знаю, какие силы во мне. Если они проявятся в полном объёме, я стану монстром. Зачем мне это?

— Всё, сказанное тебе ранее, — враньё ради своих целей. К тому же ты доподлинно не знаешь, кто есть Падоха, откуда он появился, почему мы так к нему относимся. Но об этом обо всём мы поговорим в другой раз. И так многое уже

произнесено, — продолжал пытаться загипнотизировать меня старик, который носил в себе первородную фиолетовую кровь.

— Ваш мальчик тоже дракон? — не отпускала я старика, наблюдая за его попытками поселить во мне желание повторной встречи.

— Нет, но я хотел, чтобы он забрал у змея твои клыки. Не думал, что так легко наткнушь на тебя.

Враньё! Ты искал меня, а мальчику используешь, чтобы через скрытое влияние взрастить во мне ревность. Впечатляет.

— Теперь лишите мальчика такой чести? — ухмыльнулась я, разгадав замысел старика.

— Лишу, — сказал тот, будто поставив печать на всём выше сказанном, а затем нахмурился, не в силах довести влияние до конца.

Он больше не собирался продолжать беседу, встал из-за стола и ушёл, забирая с собой мальчишку, который даже не взглянул на меня. Эта встреча состоялась невовремя. Не в том месте и не когда я была к ней готова. Однако всё судьбоносное именно так и происходит. Посмотрим, что последует за этим со стороны тех, кто называет моего индонезийского спасителя выродком.

За соседним столиком в мою сторону пялился парень, заигрывая со мной будто планирует пригласить на свидание. На его мыслях стояла печать, а под ней ещё одна. Неизвест-

ный мне почерк, бесполезные нововведения. Старые способы самые эффективные, а эту двойную печать легко взломать. Однако не мне судить. Мужчина заметил мой ответный интерес и подсел на место старика.

— Не хотите ли познакомиться?

— Маша, — протянула я руку молодому человеку.

— Я оставлю вам телефончик, хочу встретиться с вами. Поболтать, провести время. Как считаете? Дадите мне шанс вас очаровать?

Я улыбнулась и приняла салфетку с написанным номером и сразу же забила его в телефон.

— Вы уже достаточно очаровательны, — отправила я ему сообщение.

— Тогда я напишу вам вечером?

— Отличная идея, мне как раз пора, — сказала я и махнула официанту, прося счёт.

Весь вечер была на иголках, мысленно ходила по комнате, оставаясь в лежачем положении на кровати. Немного поболтала с Мишей о бесполезной ерунде. Порылась в вещах и зарычала, что забыла зарядку от телефона в машине. Подумала, что должна получить от курьера линзу и необходимые устройства, но как он незаметно мне их передаст, если мы совсем не в уединённых условиях, которые могли бы создать в деревне. Наступил следующий день. Я нарядилась в удобные брюки и блузку. Накрасилась и уложила волосы. Встреча была назначена в парке. Когда я подходила, курьер уже ждал,

разгуливая по дорожке с подарочным пакетом в руках. Я кокетливо улыбнулась, чувствуя, что мужчина уверен в своих действиях, что профессионал в плане доставки. Его выдавала только печать на мыслях, которую уже давно могли распознать следящие за мной ящеры. Если они, конечно, следят за мной. Но излишняя осторожность не повредит.

— Долго ждали?

— Только что пришёл, — он протянул мне пакет. — Там конфеты, коробка массивная, они коллекционные. У меня, понимаете ли, своя кондитерская. Это лучшие конфеты.

— Впечатляет. Чем ещё удивите на первом свидании?

— Не тушуйтесь, я здесь чтобы поговорить о вашем отце и вас.

Он подмигнул мне, и кивнул на пакет. На коробке была записка, где сказано, что мы должны делать вид, будто он вербует меня в обособленную организацию. Я сжала челюсти и изобразила недовольство.

— Так и знала, что с вами что-то не так.

— Неужели я вам хоть немного не симпатичен?

— Симпатичны, поэтому давайте поговорим, — согласилась я и начала выслушивать от него план какого-то неизвестного направления сопротивления.

Он представился лидером объединения змиев, которые собираются сколотить банду и устроить заговор через другие земные объединения с целью смуты на Гистофисе. Я сказала, что сомневаюсь в его планах и его чистокровности.

— Вы просто не понимаете, что я имею ввиду. Дадите мне ещё одну возможность вас очаровать? Я завтра же вам всё объясню.

— Ладно, — согласилась я. — Только захватите что-то более существенное, чем коробка конфет. Я посмотрю и решу, оправдываете вы ожидания или нет.

Он улыбнулся и снова мне подмигнул. Настроение было отличное, потому что мне удалось поработать с профессионалом своего дела. Я пошла в отель и нашла в коробке ещё один жетон для перемещения через точки перехода. Наверное, они ошибочно или предусмотрительно дали лишний. Ещё внутри лежало устройство, через которое могла ввести код с уже прописанным отчётом, предоставленным Софией, а также заключить новый договор на исполнение миссии, посвящённой слежке за Рашатом Шедшим. Я быстро ввела коды и заблокировала компактное устройство. В коробке из-под конфет, которая была обделана специальным материалом, препятствующим сканированию, была нужная мне линза и оружие: бластер и нож, которые я могу разобрать на неприметные составляющие для перевозки в самолёте.

На следующий день я снова встретилась с курьером, послушала его бредни про восстание, незаметно всучила устройство с прописанными кодами и отказалась от сотрудничества. Он изобразил расстроенное лицо и оставил меня с чашкой кофе, которую я сфотографировала и отправила Мише. Тот впервые за несколько дней отреагировал, прислав

одобрительный эмоджи. Я же ещё немного поживу в Красноярске, помозолю глаза тем, перед кем мы с курьером разыграли сценку, а затем с готовой визой отправлюсь во Францию, мозолить глаза Шедшему.

Глава восьмая. Несколько судьбоносных встреч

Я посчитала, что недели достаточно, и собралась в далёкое путешествие на запад Европы. За время моего конспиративного пребывания в Красноярске ни разу не встретила на том же месте того старого мужчину. Он хотел казаться мне ровным и приземлённым, думавшим о встрече со мной, но не искавшим меня. Чудилось, что его неспособно сломить ни одно из явлений, потому что всё происходящее ему скорее помогало и двигало вперёд по течению в верном направлении: идеалистическое проходило насквозь, просеиваясь, как через решето, и оставляя мельчайшие частицы, которые при-совокуплялись к безграничному внутреннему ресурсу; материальное обтекаемым потоком стремилось завладеть им, но рассекалось о стойкое тело, как река о камень, всеми силами старавшаяся источить или сдвинуть с места, однако безрезультатно, потому что оно не река, что-то меньшее, а он не камень, что-то большее.

Внутри закралось сомнение. Я вспомнила, как Падоха, который присвоил мои зубы, помог избежать смерти в кругу ведьм и демонических созданий на индонезийских островах. Мне понятно, что его называют отбросом высшие драконы, потому что изначально он отставал в развитии. Помесь первородного и какого-то нечистокровного со сломанными хро-

мосомами. Списанная со счетов особь получила шанс стать полноправным членом драконьего общества, выгнав оттуда меня. Что-то знакомое, правда?

Не сожалела об упущенных возможностях. В тех условиях у меня был выбор: или остаться с индонезийским драконом и... о, божества... стать его женой, или погибнуть от его рук. Можно было бы предположить, что я смогла бы его одолеть, пробудить на драконьей земле свою сущность, но мне было не так много лет, чтобы знать, как нужно геройствовать. Я дала ему то, что являлось компромиссным третьим вариантом. Он просил мои зубы, силу и фиолетовую кровь. Он получил вопрошаемое и отпустил меня. Отправил напрямик к отцу. Учитывая отношение последнего ко мне, я очень даже понимаю этого змея и не имею ни малейшего желания преследовать его, чтобы ткнуть носом в его убогость.

А сейчас я, вспоминая разговор со стариком, думаю, что бы произошло в моей судьбе, выбери я стать его женой? Он и так отобрал мои зубы, просто я могла бы уйти из-под влияния тирана. Но о чём это я? Я же на тот момент и не думала даже, что могу уйти из общины. Её идеалы казались мне истиной, а желание отца противостоять «недостойным» являлось и моим желанием. Только окунувшись во все эти разговоры, битвы, я пришла к выводу, что всё относительно, и отвергла его взгляды.

Приближалось время полёта, я уже сидела в аэропорту и ждала объявления рейса, как мимо пробежал парень спеша-

щий на рейс Красноярск-Москва. Он говорил по телефону:
— Нет, мам, я с таким трудом получил эту работу. Еле оформил рабочую визу. Я бился над местом в газете! Бился, понимаешь?

Его светлые волосы были взъерошены, слегка косящие глаза метались с объекта на объект, он думал только о том, что смог всё-таки стать журналистом, смог «добиться места в лондонской газете». Приехал на месяц, оформить рабочую визу. Но почему не оформил её в российском посольстве на месте? А-а-а, матери стало плохо, и он под видом сложностей оформления визы приехал. Очень хочет вырваться из-под её опеки, но переживает, что как сын может что-то не сделать для родителей, поэтому выгадывает любую возможность избавиться от чувства вины. Его, по моим прогнозам, ждёт хорошее будущее. Не зря же я выделила этого человека из тысячи присутствующих в аэропорту.

Я достала наушники, чьи провода опять запутались, и включила музыку, чтобы она перебивала вибрации чужих мыслей, которые гудели, шумели, метались и действовали мне на нервы. Тысячи одинаковых людей. Такие же безликие или лучше сказать одноликие, как генно-модифицированные люди на Гистофисе. Чем больше времени проходит, тем сложнее их различать, только по характерным признакам, которых с каждым разом меньше и меньше. Индивидуальность стирается под видом возросшей уникальности. Сейчас, чтобы выделиться, нужно стать таким как все. Ис-

тинная индивидуальность сокрыта, пока не распакована... уже не распаковывается. Об этом гудят одни и те же мысли о работе, семье, неудачной любви, удачных отношениях, усталости от всех возможных и невозможных событий, от себя. И только единицы думают про свой талант, стремления, сильные стороны, которые могут проявить в достижении целей. Они думают об этом больше и чаще, но таких мало. Возможно, в будущем станет больше. Посмотрим, как изменится мир за десять грядущих лет.

Полёт начался нормально. Совпадение, конечно, но тот лохматый парень-журналист летел со мной на соседнем месте. Он нервничал, его зовут Дмитрий. И он очень боялся летать, хотя фамилия у него птичья.

— Можно воды? — попросил он стюардессу.

Та принесла ему напиток, который он сразу же выпил. После сделал несколько выдохов и вздохов, неровных, но решительных. Достал ноутбук и начал набивать текст, стараясь сделать его приближенным к менталитету англичан, на чей язык ему предстояло перевести эту статью. Большая удача, что в газету взяли иностранца, тем более в качестве журналиста. Я продолжала сидеть в наушниках, а мысли соседа меня ударили. Он точно кричал в громкоговоритель и старался сделать максимум, чтобы кто-то его услышал. Я бросила на него недовольный взгляд, который тот почувствовал и сразу же повернулся ко мне, недоумённо глядя в упор. В его коровьих глазах я нашла много страха, а позже меня ударила

по ушным костям вибрация его почти материальной мысли: «А вдруг она сейчас читает мои мысли и слышит весь бред, который я говорю?»

Однако дела мне не было до его бреда, если бы он думал о завоевании мира, о секретных операциях, о теориях заговора, тогда бы я обратила на него внимание. Сейчас же это обычный человек, пусть и заметный в толпе, но всё же ненужный в плане изучения. Делать мне больше нечего.

«Какая странная, — мимолётно взглянув на меня и сразу же отвернувшись, подумал Дмитрий, вклиниваясь в шумную мелодию, играющую в наушниках. — Она выглядит, как мафиози. А что, если она сейчас на секретном задании, которое ей поручило правительство? Так! Не выделяйся. Она может заметить мои нервные движения. А что, если она следит за мной? Или меня заметили спецслужбы и теперь следят за мной, потому что я работаю за границей? Не нервничай, делай вид, что тебе всё равно».

Я притворилась, что сплю, но его громкие мысли донимали меня до конца полёта. Он уже не думал о статье, которой хотел впечатлить новое начальство. Ему было важно разгадать тайну моей личности, но поговорить со мной не отваживался. Думал, что может накликать беду, если задаст неудобный вопрос. Журналистское нутро тянуло к загадкам, страх будущего тормозил на серпантине авантюризма.

— Курицу или рыбу? — спросила стюардесса.

Я выбрала курицу, а сосед хотел рыбу, но, услышав мой

ответ, поменял решение. «Зачем она берёт курицу? Нравится или есть история с костью, застрявшей в горле? Может быть, она экстремалка и пробовала ядовитую рыбу Фугу? Нет, если бы ей отравилась, была бы мертва. А что, если она типа вампиров. Включи мозги, Дима! Какие вампиры? Ты же не веришь, Господи прости!» Я уже не хотела есть, меня бесило соседство с ним. Хуже, чем храпящие и пукающие во сне взрослые и неспящие и орущие без причины дети!

В Москву я прилетела в дурном настроении. Какое счастье, что Дмитрий полетит на другом международном рейсе. Я — в Париж, он — в Лондон. Прощай, головная боль и сумасшедшие попытки разгадать, кто же я. Интересное замечание я сделала, когда выходила из аэропорта во Франции: никто больше не завладевал моим вниманием, как тот мальчишка. словно привет из глубин веков, когда он имел основания вызывать у меня раздражение каждым своим поступком, когда пытался разгадать мою тайну, какой бы она ни была. Или её пыталась разгадать я. И снова меня затягивает в рассуждения о прошлых жизнях.

Нужно от них на время отмахнуться, потому что я не могу сориентироваться, где здесь такси. Увидев медленно идущего человека, я подошла к нему и спросила на чистом французском, где можно найти машину. Он объяснил и спросил, куда я еду. Затем улыбнулся и сказал, что отдыхал там с семьёй в прошлый свой прилёт в Париж. Сам из другого города... бла-бла-бла... После Дмитрия совсем не хотелось бол-

тать, однако я выслушала и пошла в правильном направлении. Оказалось, что нужно просто пройти немного дальше, ведь прошлый рейс увёл всех таксистов от входа, но некоторые всё ещё были на парковке.

Сев к водителю и определившись со стоимостью, я поехала в старинный пансион, где сняла по велению Софии комнату на месяц. По её словам, в последнее время Рашат Шедший часто появлялся неподалёку. Мне нужна была непосредственная близость к нему, чтобы выйти на контакт быстрее. И возможно, что сам пансион предоставит мне основания тоже им заинтересоваться, раз он попал в список интересов Рашата.

Внешне пансион напоминал готическое произведение искусства, которое могло бы посоперничать в архитектурных решениях с оригинальностью Нотр-Дам, однако никто не рискнул бы сравнивать простое здание с известным повсеместно памятником истории, архитектуры и туристическим объектом, достопримечательностью. Хотя стоявшая за стойкой владелица, Жасмин Жуа, была такого же молчаливого мнения о купленном замке, как и я.

— Добрый день! — поздоровалась она на ломанном русском, зная, что я приехала из России. — Можно ваш паспорт?

Она делала забавное ударение на последний слог и стремилась избавиться от чарующего французского акцента. Но не стоило этого делать, потому что её невероятной внешне-

сти это придавало ещё большего шарма. Высокая и фигуристая блондинка, с простыми, но такими прекрасными чертами лица! На мгновение я засмотрелась на неё, забывая, что хотела уточнить детали по комнате. Стало настолько любопытно узнать её историю, что я еле сдерживала себя, чтобы не порываться в её воспоминаниях. Пока она меня оформляла, думала, что я излишне на неё пялюсь. «Почему они всегда так меня разглядывают? И всё-таки всё дело в зеркале».

— Ваш паспорт и ключ от номера, — протянула она ключ с узорной биркой. — Я провожу.

Жасмин крикнула менеджеру, чтобы тот её подменил за стойкой и вышла ко мне, предлагая помочь с ручной кладью.

— Я сама донесу, — добродушно сказала я ей, следя, как скованно она себя вела.

Не могу удержаться, хочу знать, что с ней случилось! Пока мы молчаливо шли по коридору, я копалась в её воспоминаниях. Это было прекрасное утро, когда она ехала в метро и встретила своего будущего мужа. Он казался эталоном её типажа, тот самый единственный, который устраивал её во всём. Но стоило паре пожениться, как жизнь Жасмин превратилась в мучение.

Сначала муж искал её слабые стороны, затем безжалостно провоцировал ситуации, где они могли бы проявиться, и бил по больному, искажая после любое воспоминание о случившемся. Он просил прощения за резкие слова и поступки, а потом совершал то же самое, но ещё безжалостнее. Убедил

жену в том, что она ничего не умеет, ничего не достигла, страшная и никому ненужная. Жасмин поверила в его ложь, подчинилась ему, потому что находилась под контролем и слежкой, под постоянным давлением его точных аргументов.

А однажды была избита и сброшена с лестницы за то, что вовремя не приготовила завтрак — проспала после ночного пьяного выяснения отношений. Несчастные тридцать минут лишили её возможности двигать рукой и ходить на несколько месяцев — конечности были сломаны. Она хотела уйти от мужа, но не нашла поддержки ни у кого. Лишилась друзей и подруг, похоронила мать и отца. А когда после очередного избиения случился выкидыш, превратилась в пустой мешок. Лежала на больничной койке и ни о чём не думала. Сейчас муж, которого она сначала любила, потом ненавидела, стал никем. Пришёл жандарм и спросил её о случившемся. Она впервые выговорилась и освободилась с помощью закона от домашнего насилия. Ведь, как оказалось, её муж уже привлекался за подобное много лет назад. Даже выплатил штраф бывшей жене, о которой Жасмин не знала.

После того как вышла из больницы и нашла в себе остатки сил развестись, она получила весть из России, что унаследовала от прежде незнакомой бабушки родовое имение за городом. Мама говорила, что бабушка не приняла брак с французом, поэтому перестала общаться. А оказалось, что все эти годы она помнила и после вести о смерти дочери, прописала имя внучки в завещании.

Жасмин не мешало развеяться. Она опустошённо и бесстрашно поехала в другую страну, чтобы продать участок со строением. Ей было неважно, что это родовое имение, которое можно развить и обустроить. Даже не заметила, как легко у неё получилось «сбагрить» наследство первому попавшемуся бизнесмену. На вырученные деньги Жасмин купила похожий по размеру замок в пригороде Парижа и стала строить свой личный бизнес. Она собрала вокруг себя команду, но так и не нашла доверия к ней, как и к любому человеку, особенно мужчинам. Считала себя среднесортной, обычной, ничем не выдающейся. Понимала, что бывший муж сделал её такой. Хотела избавиться от внутренней неуверенности, но не могла. Не осталось сил перешагнуть через себя сломанную.

Я не смогла больше взаимодействовать с её мыслями. Мне стало сложно, ведь я прочувствовала всё, что испытывала она в сложный для неё период. На глаза навернулись слёзы от внутренней боли, дыхание сбилось. Подойдя к двери, Жасмин повернулась ко мне. Слеза на её лице прочертила дорожку, которую она растерянно стёрла.

— Ой, — посмеялась она и ещё раз прошлась пальцами по бархатной коже. — Не понимаю, что на меня нашло. Извините.

Но тут она увидела, что я тоже отворачиваюсь, потому что не хочу, чтобы она видела моё состояние. Заметила, отчего растерялась и засуетилась.

— М, это ваш номер, — открыла она дверь и показала на коридор.

Она задумалась о странном эмоциональном совпадении. Хотя достоверно не знала, чем это может быть вызвано. Я же понимала, что заставила её прожить то время снова. Она же пусть считает, что угодно.

— Окна выходят на лес. Там можно гулять до забора, но лучше всего в дневное время, — сказала Жасмин и протянула брошюру. — Тут номер ресепшена и некоторых работников, которые могут пригодиться. Сантехник, уборщица и прочее. У вас проплачен «полный пансион». Если поймёте, что не нуждаетесь в обеде или обеде и ужине, можем поменять вид размещения, предложить СПА-процедуры на оплаченную сумму или вернуть на карту.

— Спасибо, — скупое сказала я и заметила спрятанный шрам рядом с ухом на щеке.

Жасмин тут же затрясла головой, чтобы выправить неосмотрительно убранные волосы и прикрыть его ими. Снова засуетилась и вышла из номера, сказав, что время приёмов пищи указано в брошюре. И вот, я осталась одна, шокированная сценами, которые увидела в её воспоминаниях. Не понимаю, почему мне так ужасно больно от того, что принадлежало совсем незнакомому человеку. Подобное со мной происходит не впервые, и исход таких эмоциональных связей обычно сомнительно благоприятный.

Достаточно, однако, потрясений для одного дня. Мне

больше не хотелось от длительного отшельничества в кругу скучных людей, сходить с ума от неожиданных жизненных сценариев незнакомцев в открытом мире. Я верила, что испытываю такие яркие эмоции, потому что впервые за долгое время вышла за пределы знакомых маршрутов и окунулась в бурлящую жизнь ничего не подозревающих о моём существовании людей. Многие из них интересные, но у меня нет интереса изучать их.

Сегодня хочу пройтись по территории пансиона и насладиться прохладой леса. Позвоню Мише и узнаю, как он. А также протестирую новую модель гистофского смартфона, который мне прислал ЛеГод из комплекса. Он должен связаться со мной через сложную квантово-криптографическую систему, куда никто не сможет просочиться. Когда я говорю «никто», я имею ввиду, что взломать и отследить диалог совсем не получится. Но для начала я проверю поместье на наличие скрытых микрофонов, камер и лазутчиков. Да-да, я хочу *просто* пройтись по поместью и *просто* насладиться прохладой леса.

Я вызывала Мишу через новое устройство, но он не ответил, а потом совсем сбросил вызов. Наверное, не стал брать неизвестный номер. Тогда я вызвала его через привычный мессенджер, пока шла по лестнице. Он ответил. Начал бубнить про посылку с новым телефоном. И сразу дал понять, что совсем не в силах разобраться с новой штукой, которая только выглядит, как телефон, а на самом деле вынуждает

его чувствовать себя тупицей. Язык непонятный, кнопки не обозначены. Значки одни и странные закорючки. Поэтому придётся общаться через обычный, земной телефон.

— Позже я научу тебя им пользоваться и попрошу, чтобы его дистанционно наладили. А сейчас скажи, как дела в деревне?

— Тот сумасшедший отравился ядовитыми грибами. Я засыпал неудачный фундамент после его застывания, заказал щебня и засыпал дорогу. Деньги летят, как листья по ветру, — грустно выдохнул он.

Я прошла в холл и села в зоне отдыха, продолжая говорить с Мишей:

— Как думаешь, стоит строить часовню? Может быть, всё же сделаем небольшую для икон и свечек. Местные, вроде, даже в глубине души хотели этого.

— Деньги словно листья, подчиняющиеся ветру. Но так ли легко они прилетают тебе на счёт? Я, конечно, за твои благие намерения Чистой Девы, но всё же придержу твой духовный рост, дабы ты случайно не стала действительно святой. Улетишь к Солнцу, что мне делать тогда?

«Что за ерунда?» — подумала я, но потом поняла, что Миша передавал мне скрытое послание через образы и мудрёные сравнения. Он уже провёл свои танцы с бубнами и что-то выудил из параллельного мира.

— Занимайся тем, что тебе сейчас важно. Местные проживут и без твоих вмешательств. Просто не забывай, кто ты,

и не пытайся исправить свой статус. Никому это нафиг не надо. Успокойся и наслаждайся своим ремеслом, — продолжил он после короткой паузы.

— Я тебя поняла, — сказала я и улыбнулась напоследок: — В следующий раз нормально поговорим. Я всё улажу.

— Пока-пока.

— Созвонимся, — положила я трубку.

Что-то узнал, но что? Если бы он позвонил через гостовский телефон, я бы уже предприняла свои первые попытки приблизиться к Рашату. Какие подсказки он дал мне? Упомянул Чистую Деву. А также на моём примере провёл аналогию: «Не святое, но хотелось, чтобы им стало». Что за видение?

Это притянута за уши, но думаю, что связано с научной деятельностью Рашата. Он изучает Людовика XIV и обходит все соборы округа. Но что, если нужны только Нотр-Дамы, возведённые в честь Богородицы? Что в них? Что ищет Рашат? Как я могу использовать это в целях союза «Плетущие путь»? Мне нужно срочно провести осмотр территории и переговорить с ЛеГодом. Я встала и неспеша вышла из холла.

Само по себе поместье было спокойным. Я ходила по залам, коридорам, видя все камеры, которые не были скрыты. Никаких подозрений помещения не вызывали, как и постояльцы, которые здесь жили скорее как в доме престарелых. К ним была приставлена одна из двух медсестёр, следившая за их состоянием. Также будто специально для них в поме-

стве располагались физиотерапевтические тренажёры. Жасмин постепенно превращала гостиницу в полноценный комплекс для стариков. Успешно вливается в новое направление, расширяя за счёт таких как я горизонты.

Кстати, о Жасмин. Она косо смотрит на меня и думает, что я очень странная и подозрительная. Пока девушка расценивает меня гостиничным ревизором, но никак не может выкинуть из головы произошедшее эмоциональное потрясение. Мне остаётся только молчаливо слоняться то тут, то там в поисках подозрительных объектов.

В лесочке действительно было прохладно и свежо, под деревом разместился молодой человек, который что-то писал акварелью. А потом я услышала мысли, которые доносились из-под земли. Они были приглушёнными, но знакомыми. Жасмин Жуа сейчас была прямо подо мной и думала... но о чём я не могла расслышать. Под территорией есть ещё один этаж и он гораздо больше, чем всё поместье в целом. Мне предстояло выяснить это позже из мыслей самой Жасмин, которая не такая уж и невинная жертва, судя по тому, что мне удалось распознать в нескольких обрывках мыслей: «... убрать... найдёт... проблемы...»

Глава девятая. Осколок зеркала

Когда я поднялась в номер и собиралась сделать пробный звонок Софии, Миша его перебил, самостоятельно разобравшись, как работает устройство.

— Наконец-то понял, где тут что. Зачем так усложнять? У вас на планете *всё* такое дурацкое? — возмутился он.

— Убирай любые средства общения, уходи в сарай или куда хочешь, я буду общаться с тобой через сообщения, а ты можешь говорить, — предупредила я и надела наушники перед тем, как он углубится в детали.

Он сделал так, как я просила, а после принялся объяснять: — Я не был уверен, что ты так быстро сможешь со мной безопасно связаться, поэтому передал зашифрованное послание, которое получил от реки Скорби, — сказал он.

Я ему написала: «Это касается соборов Нотр-Дам?»

— Да, это про них. Там ты, исследуешь какой-то собор и находишь тайник. Название как раз Нотр-Дам. Я посмотрел, сколько во Франции этих соборов. Много, в каждом районе есть несколько. Но примечательно то, что ты следовала за ветром, словно он вёл тебя. Но потом случилось то, что будто сожгло всё вокруг тебя.

Я написала: «Есть ли конкретные детали того собора? — Следующим сообщением: — Есть ещё информация по поводу случившегося после его посещения?»

— Только одна единственная яркая деталь — орнамент, — закивал он. — Я его ищу, но пока среди соборов не нашёл. И ещё! Мне кажется, что то, что ты нашла, блестело. Как стекло или... м-м-м... зеркало. Не понял, но это был осколок. Неровная тонкая плитка, которая спрятана в толстую ткань. Также не понял, где искать другую информацию. Личности, события, дворцовые заговоры — пока это загадка. А если я вдруг наткнусь на разгадки, и они будут связаны с Францией... у-у-у, я не знаю французского, смогу только объяснить, что видел, но не что услышал.

Я написала: «Мне нужно больше деталей об осколке... — Следующим сообщением: — Кто положил? Куда положили? — Следующим сообщением: — Место, время, любая мелочь».

— Ох, ты сама два дня ждала своё последнее видение, а получила какие-то обрывки. Думаешь, так легко контролировать энергии? — возмутился Миша.

Я написала: «Любая мелочь!»

— Да понял, понял, — выдохнул он. — Пока не еду на кладбище, понадеюсь на то, что фанатики не тронут статую или не смогут её тронуть. Пока исследую астрал и получаю сообщения от реки Скорби. Она такая скупая на видения, представляешь? Хоть с бубном вокруг неё танцуй. Кстати, а потанцую. Вот завтра же возьму и потанцую!

Я написала: «Если будут новости, я напишу. Жду звонка».

— Пока-пока, — улыбнулся Миша и отключился.

Я сняла наушники и протёрла глаза. Можно же было раскрыть хоть какие-то детали, но Нир решил, что я самостоятельно должна разгадывать его ребусы. Если не получится, просто вернусь на Гистофис или в Сибирь, где будут больше ждать. Но что же с Жасмин? Кто она, я знаю. Но кем хочет быть?

Взяв блокнот и ноутбук, я направилась к ресепшену, где мадам Жуа беседовала с менеджером о благоустройстве сада перед лесочком. Я сделала неловкий вид и вклинилась в их разговор. Та растерянно покосилась на меня и сразу же бросила предложение на полуслове.

— Чем могу помочь? — доброжелательно спросила Жасмин.

— Я занимаюсь написанием научной работы, связанной с соборами Нотр-Дам по всей Франции. Я заметила, что ваше поместье похоже на Нотр-Дам-де-Пари. Могу ли я подробнее узнать об истории вашего пансиона от вас или из архивов?

Жуа сдвинула брови, не понимая, как сразу не догадалась, что я могу быть историком или архитектором, изучающим территорию с профессиональной точки зрения. Она опустила глаза, ничего не зная об истории, но утаивая, что под землёю есть проход к огромным залам с антиквариатом, который она приобрела по незнанию владельцев вместе с поместьем. В подсобке была запечатана дверь. Её нашли рабочие, когда делали ремонт. Сейчас Жасмин даже не представляет, что с

ним делать, как оформить и продать. А узнать у профессионалов не решается, боится, оправдываясь недостатком времени. Я терпеливо ждала, когда она ответит.

— Я думаю, что вам лучше заглянуть в архивы, но... не знаю, будет ли вам открыт к ним доступ. Там нужны пропуски и всё такое. Вам лучше знать. У вас же есть такие?

— Пока не успела сделать. Поэтому и понадеялась, что смогу что-то узнать у вас, владелицы.

— Но я не говорила, что владею поместьем, — подловила она меня.

— Это и без слов понятно. Спасибо за помощь, — улыбнулась я и пошла к креслам, искать информацию по соборам самостоятельно.

На гистофский телефон пришло сообщение от Миши, который тренировался взаимодействовать с приложениями. В мессенджере появилась фотография с рисунком орнамента. Он изгибался, выписывая резной узор, типичный для большинства зданий Франции. Такой я могла видеть практически на половине фотографий из интернета. Но отчего-то Миша настаивал, что он столько же уникален, сколько вообще важны детали в пророчестве. Если бы у пятидесяти процентов соборов были такие фрески, то её бы не показали.

— Могу предложить вам кофе? — подошла со спины Жасмин.

Добрый жест, чтобы подкрасться ближе, заставить проникнуться и рассказать все планы. Стоило ли так сильно ей

сопереживать, если девушка решила оставить всё в прошлом и примерить на себя маску изворотливой лгуни под ещё одной маской хорошей девочки? Многослойно многолика. Удивительная Жасмин Жуа.

— Спасибо, откажусь, — сказала я и продолжила работать.

— Вы пропустили обед, не забудьте прийти на ужин, — предупредила она и ушла, испытывая волнение, будто пыталась взаимодействовать со шпионом и выведывать шаг за шагом его тайные намерения.

Я посмотрела ей вслед и снова обратилась к открытой в браузере странице. Отлично, пусть она видит, что я изучаю архитектуру соборов и читаю про них всё, что нахожу. Тут я подняла голову и увидела себя в зеркале, которого раньше не замечала, но, проморгав несколько раз, ничего на стене напротив себя не заметила. Здесь что-то висело, что-то мощное и древнее. Рисунок на обоях был симпатичный, да и обстановка сохранила стиль старины. Поэтому я без привлечения внимания достала специальный фотоаппарат с линзой, способной улавливать энергетические отблески магических или просто наделённых мощью внутренней силы созерцателей предметов, и быстро сфотографировала интерьер, мельком взглянув на полученное объемное изображение.

Как я и думала, там действительно был отпечаток красиво оформленного зеркала, который расходился вверх и влево, являясь, по сути, частью большего зеркала. Уставившись в

стену, я попыталась снова что-то разглядеть, но моё зрение так и не научилось самостоятельно действовать в полную силу.

Я снова написала Софии, не получив от неё утром никакой обратной связи: «Мне нужна информация по пансиону. А также сведения, что это за зеркало». Отправив, сразу увидела, что та прочитала, а также получила через секунду отклик: «Дай сутки на сбор информации. Неполадки со спутниками, налаживаю связь». Я подтвердила и откинулась на спинку кресла. Голос Жасмин пропал. Но под полом, на этаж ниже первого, снова послышалось мрачное бормотание.

«Это будет занимательная компания», — подумала я и снова посмотрела на пустую стену перед собой.

Если объединить все зацепки в единую картину, то теория будет выглядеть так: Рашат ищет осколки большого зеркала, созданного или сделанного ритуальным атрибутом в период правления Людовика XIV. Думаю, что они спрятаны в соборах, чтобы сдержать их тёмную силу ещё большей светлой. Об этом же знает и сам Рашат, раз обходит их все подряд. Собрал ли он хоть сколько-то? И причастен ли к исчезновению зеркала со стены передо мной. Кажется, что без точного знания истории жизни короля-солнце, мне будет сложно соперничать с Шедшим в поисках.

Я сходила на ужин. После ушла в комнату, заметив, что Жасмин всё ещё нигде не было. Она точно знает про зеркало, которое висело в холле. Нужно попросить Софию при-

слать любые фотографии, куда оно попало, а после показать владелице и задать пару вопросов.

На следующий день я пока не получила ответа от Софии, поэтому отправилась в Нотр-Дам-де-Пари, где провела время в гудящей толпе туристов, которые собрались именно в тот день, когда мне нужно было как можно меньше людей вокруг, чтобы сосредоточиться. Я проверила через линзу несколько мест, что никак не продвинуло меня в исследовании. Посетила сувенирную лавку, потратилась на открытку, после чего пешком отправилась до Монмартра, чтобы погулять по узким улочкам, а по пути перекусить в ресторане, где, возможно, однажды сидел и созерцал Пикассо перед написанием картины.

Французская романтика меня не покидала. После того как я заказала пару блюд и откинулась на спинку стула, закрывая глаза, захотелось посетить Лувр, Эйфелеву башню, музей Сальвадора Дали, превратиться на день в гудящего туриста, который приехал за впечатлениями, а не информацией.

София всё ещё мне не написала, хотя сутки уже почти подошли к концу. Хочется оправдать происходящее отсутствием связи и потратить это время на свободное скитание по чужой стране с целью понять её и тех людей, которые в ней жили и живут. И правда, куда я тороплюсь? Начну спешить, когда спустя неделю не найду больше зацепок, чем имею сейчас. Ведь с Люцио я провела почти два года в Индонезии исследуя каждый уголок и достопримечательность. А сейчас в

чём разница? Если кончатся деньги, запрошу у ЛеГода, однако на счёте у меня их хватит на богатые пять лет во Франции. Много мыслей появилось, которые рассеялись, стоило мне почувствовать, как к недавно обновлённой печати подкрадываются чьи-то энергетические руки.

Ниточка невидимой совокупности частиц, испускаемых незнакомцем, потянулась в сторону скамьи, которая стояла достаточно далеко от меня. Затылком я почувствовала его присутствие, но не подала вида, продолжая ходить по грани допуска к мыслям, чтобы удерживать его внимание на себе как можно дольше. Неожиданно всё оборвалось. Он моментально заподозрил, что я его раскрыла и стала осуществлять ответное проникновение в голову, закончил энергетическое влияние и исчез. Когда я аккуратно посмотрела на скамью в отражение ножа, там никого не было. Точно знаю, это Рашат Шедший. На ум пришло только одно сравнение: шипящая змея подколотная. Это была хорошая попытка взаимодействия. Мимолётная, но показательная.

От желания посетить Эйфелеву башню я не отказалась, надеясь снова осуществить взаимодействие с Рашатом. Приготовилась к более длительной схватке взломщиков мыслей. На следующий день направилась к башне и посмотрела на Париж с высоты птичьего полёта. Редчайшая возможность оценить масштаб будущих скитаний по улицам, чтобы отыскать нити, ведущие к разгадке. Но Шедшего так и не обнаружила, хотя чувствовала на себе чей-то пытливый взгляд.

Тут от Софии пришло письмо с подробным анализом фотографии, а также историей поместья.

Оно было спроектировано богатым мужчиной и фанатом Жана де Шелля. Последний работал в 1200-х годах над собором Парижской Богоматери, вскоре его сменил Пьер де Монтрёй. Мужчина, который старался повторить все архитектурные приёмы двух значимых для истории собора людей, в семнадцатом веке во времена начала правления Людовика XIV выкупил земли в пригороде Парижа и начал строительство своего поместья. Забастовки, которые продолжались в столице и привели к тому, что город был некоторое время отрезан от внешнего мира, спровоцировали ментальную слабость, а затем и гибель владельца. Землю унаследовал его сын, который продолжил строительство. Он строил поместье долго, потому что все средства уходили для обустройства подземных помещений. В конце семнадцатого века, когда началось изгнание протестантов, в подвалах поместья прятались малочисленные на севере страны гугеноты, которых хозяин безвозмездно пускал и помогал уехать. Но католические гонители нашли укрытие и отобрали земли, а также жизнь владельца.

Несмотря на зрелый возраст мужчины, никого из потомков он не оставил. Однако недостроенное строение не было разрушено и вскоре ушло в руки человека, который намеревался завершить строительство. Расширение подземных помещений было остановлено, а средства пущены на фасадные

работы. Но вскоре стройка прекратилась вплоть до двадцатого века. Тогда брошенная земля была выкуплена французским инвестором в недвижимость. Он достроил поместье и выставил на продажу. Никто не покупал, поэтому он обустроил всё под гостиницу, которую вскоре у его наследника купила Жасмин. Почти семь лет она управляет этим местом. А вот и фотографии, которые я могу использовать при допросе владелицы. Скажет ли она мне что-то новое?

Я спустилась с Эйфелевой башни и поехала обратно в пригород. В поместье царила привычная спокойная атмосфера, однако владелица не могла скрыть внутренней дрожи. Стоило мне зайти, она снова погрязла в суете, стараясь забыть, что рылась в моих вещах сразу же после моего ухода. И ничего там не нашла, потому что всё важное помещалось в моём неприметном рюкзаке за спиной.

— Добрый вечер, мадам Жуа! — кивнула я и прошла мимо, будто ничего не знала.

Она улыбнулась и выдохнула, стоило мне скрыться за углом. По внешнему состоянию невозможно было предположить, что в комнате кто-то был, кроме горничной. Вещи идеально сложены, лежат нетронутые записи. Кругом чистота и порядок. Но мысли и эмоции не врут. К сожалению, Жуа ничего не нашла, отчего её любопытство снизилось. Стоит незамедлительно надавить на неё и расспросить про подземные помещения, а также про зеркало, если повезёт сделать её откровенной. И почему я настолько гуманна, что до сих

пор не применила скрытое внушение? Оставляю это всё же на потом, если она окажется несговорчивой.

Я спустилась на ресепшен и подошла к Жасмин, прося уделить мне несколько минут, когда ей будет удобно, чтобы обсудить архитектуру. Она была настроена решительно, рассказывать ничего не хотела, но согласилась ближе к концу её смены ответить на мои вопросы. Пришлось долго ждать. За час до позднего ужина в 8 вечера, она нашла меня в ресторане и пригласила в свой кабинет. Говорить со мной не хотела, оттягивала этот момент, сколько могла, всё же пустила и показала на стул перед её рабочим столом.

— Да, о чём вы хотели поговорить, мадмуазель Комарова? — села она на своё кресло, прячась за столом.

— Я узнала, что у поместья интересная история. Один католик, прятал под ним гугенотов, которых вскоре настигли и прогнали, а владельца казнили.

Жасмин сжала зубы, она знала эту историю.

— Вскоре территорию выкупили, здание достроили, но проход не засыпали. Он как был, так и есть. Вы знаете, что-нибудь о нём? — подалась я вперёд и прищурилась, показывая присланные Софией гравюры.

Она сглотнула и выдохнула.

— Да, они есть, но это служебные помещения. Вам туда нельзя.

Её голос стал суровым и холодным. А от тела незаметной дымкой потянулся шлейф, вроде плаща. Если меня не подво-

дит зрение, то она сейчас находилась под чьим-то влиянием. Жасмин знала и хотела вторжения в энергию, просила дать ей сил. Просила у зеркала, которое раньше висело в холле. Держала свечу, шептала просьбы. Её научила этому постоялица, которая называла себя ведьмой. Она сказала убрать зеркало, чтобы оно служило только мадам Жуа. Ведь с помощью него она могла обратиться к внутренней силе и, подобно Дориану Грью, запечатать там не старость, а слабость.

— Последний вопрос...

— При всём моём уважении, но я...

— Раз уж вы рылись в моих вещах, думаю, вам интересно самой на него ответить или найти ответ, — тихо сказала я.

Жасмин вытаращила глаза. Её рот приоткрылся в попытке оправдаться, но дыхание застряло в горле, заставляя лицо покрываться пунцовыми пятнами.

— Зеркало, — я пододвинула к ней селфи, сделанное одним из постояльцев, где на заднем фоне оно заметно выглядывало из обрезанного кадра. — Как часто вы к нему обращаетесь, и что оно вам даёт?

— Это не ваше дело, — прошипела Жасмин и собиралась встать, но не смогла, потому что я всё же поступилась принципами и применила гипнотическое влияние.

— Как и мои вещи, и мои причины нахождения здесь не ваше дело. Но вы влезли.

— Вы на моей территории, — продолжала шипеть Жасмин.

— Я выкупила на месяц её часть, — пыталась я манипулировать.

Но и на это она мне ответила:

— Я могу выгнать в любой момент, потому что имею на то право. А вы клеветать на меня права не имеете. У вас что-то пропало?

— Пропало желание быть гуманной, — оставалась я серьёзной.

Жасмин снова попыталась сдвинуться, но не смогла.

— Что вы со мной сделали?

Я молчала и смотрела на её попытки пошевелиться. Если сейчас я не прекращу, то спровоцирую у неё истерику, потому что психологически она погружается в состояние жертвы мужа-насильника и, чувствуя безысходность, замыкается и плачет. Продолжить или пощадить? Продолжить или пощадить? Я сделала вид, что махнула рукой, рассеивая заклятие, а сама тем временем переключила её внимание и сняла все крепежи на сознании, установленные влиянием. Не такая уж она и злодейка, чтобы общаться подобным образом. Жасмин расслабилась, но тут же вскочила с места. Прежде чем она начнёт выгонять меня, я также быстро встала и вплотную подошла к столу.

— Я хочу продлить аренду комнаты до полугода.

Моя просьба сбила с толку управительницу.

— Я...

— Вы, — снова перебила я её, — даже не представляете,

что с вами сделают те, кто охотится за этим зеркалом. Моя выходка покажется вам шалостью.

Жасмин трясло изнутри. Могло показаться, что от злобы, но я всё-таки довела её до истерики.

— Расслабьтесь, — щёлкнула я пальцами перед её носом.
— Я на стороне добра. Сурового, но добра. А вы?

Жуа не ответила мне, но подумала, что хотела бы быть на моей стороне. Хотела бы прямо сейчас всё рассказать, но боялась. Слова отказывались соединяться друг с другом и объяснять её мысли.

— Ничего, — понимающе закивала я. — Когда будете готовы, ответите. Комната на полгода, помните? Оформите, пожалуйста.

Я достала из кошелька наличные и отсчитала нужную сумму, добавив пару купюр сверху.

— Остальное чаевые, — улыбнулась я и вышла из кабинета.

Когда погрузилась в тишину комнаты, то первым делом достала блокнот с уже сделанными заметками по поводу соборов. Что я имею? Зеркало, фото прилагается. Я приклеила к странице распечатанную фотографию. Новый гистофский телефон мне нравился многофункциональностью. Не нужны были дополнительные принтеры, он сразу был и средством связи, и полароидом, и фонариком, и оружием с лазером. В общем, много чего. Фотография в блокноте. Зеркало в подвале в полном распоряжении Жасмин. Вход в подвал, доступ

к которому только у владелицы. Меня нашёл Шедший, который также может проникнуть в память Жуа и добыть там всю необходимую информацию. Даже если я сотру ей память, её легко восстановить. Он сможет. Поэтому замечать следы бесполезно. Будем строить мост друг к другу без попытки уйти от преследования.

— Что ещё? — пробормотала я вслух и услышала мысли, доносившиеся из коридора.

«Неужели я действительно иду на это? Я с ума сошла. Может быть, не стоит? Хватит! Сделаю и всё. Просто постучусь к ней и приглашу в подвал. Зачем я это делаю? Наверное, из-за того придурка, на которого постоянно натыкаюсь последние пару недель. Она же про него говорила? Так! Я решила. Лучше признаться ей во всём».

Я встала из-за стола, спрятала все письменные принадлежности в рюкзак, продолжая слушать оды сомнениям, после чего подошла к двери и дождалась, когда Жасмин в неё постучит. Она не заставила себя ждать и удивилась, насколько быстро я подошла.

— Я вас слушаю, — равнодушно поприветствовала я её.

— Я... м-м-м... хочу показать вам то, о чём вы просили, — шепнула она.

— Причины? — уточнила я, но уже знала, что она поверила в то, что я лучшее из зол, с которыми она встретится.

— Вы не первая, кто обратил внимание на него. Хочу понять, что в нём особенного.

Я промолчала и последовала за ней, прихватив рюкзак, в котором все важные вещи. Жасмин провела меня к неприметной двери, ведущей в подсобку, затем к литому стеллажу. Нашла кнопку, нажала и заставила стеллаж отъехать в сторону, открывая для нас старую деревянную дверь с резьбой. В некоторых местах она рассохлась, отчего пропускала лёгкий запах сырости, тянувшийся из недр подземных помещений.

— За мной, — прошла вперёд Жасмин, подождала, когда я последую за ней, после чего закрыла стеллажом проход через другую кнопку с обратной стороны и закрыла дверь. — Тут есть фонарь.

Она взяла со стены электрическую лампу, сделанную под старину, включила её и пошла вниз по ступеням. Подземных помещений было пять, и меня не покидало знакомое чувство, когда я оглядывала их. Что-то колыхалось соломинкой надежды в ожидании, когда я схвачусь. А я всё не хваталась и уходила от неприятного скрежета нахлынувших ложных воспоминаний. Хотя на острове Мати в подземной библиотеке такое же помещение я уже исследовала. Может быть не такое уж оно и ложное. Нужно на что-то обратить внимание, но на что?

Жасмин тем временем привела меня в левую комнату, где под чёрной тканью лежало небольшое зеркало, как то, которое я видела в холле и её воспоминаниях.

— Это оно, — с дрожью в голосе сказала Жасмин. — Что вы намеренны с ним делать?

Я посмотрела на резьбу рамки и сравнила с той, которую видел во время медитации Миша. Но она совпадала лишь отчасти.

— Мне нужно сфотографировать, разрешаете?

— Странно слышать от вас подобный вопрос, — выдохнула Жасмин. — Да, конечно, делайте фотографии. Только не смотрите в него долго. Оно... магическое.

Я перевела на неё вопросительный взгляд.

— Не смотрите так, будто сами не колдуете, — возмутилась та и отвела глаза в сторону, не желая выслушивать аргументы против.

У меня их не было, просто не думала, что всё настолько окутано историями о колдовстве и ведьмовстве. Я сделала фотографию издалека, а также вблизи сделала снимок орнамента, который Мише привиделся. Обратную сторону я тоже засняла, видя, что там обрезана какая-то надпись, вроде подписи и печати. Эта информация мне подойдёт.

— Что дальше? Забираете? — спросила Жасмин.

— Нет, пока всё останется, как есть. Ваши мысли... — подошла я к девушке, которая напряглась и отшатнулась.

Она не смотрела мне в глаза, кусала губы и прерывисто дышала, пытаясь подавить волнение. Я же размышляла, смогу ли поставить невидимую печать Тарохо или сломаю её хрупкое сознание из-за вмешательства.

— Пока пусть тоже так и остаётся. Но если почувствуете угрозу, напишите любой символ в мессенджере. Тогда я буду

знать, что вы в беде.

Она подняла на меня испуганные глаза и спросила:

— А если не успею?

— Мне жаль, — честно посочувствовала я, заставляя владелицу схватиться за живот от страха и волнения.

Выходили из укрытия мы молча. Когда Жасмин открыла дверь, то выключила фонарь и отворила маленькое отверстие для глаза, чтобы проверить есть ли люди в комнате. Никого не оказалось, тогда она отодвинула стеллаж и попросила меня поторопиться, после чего скрыла любое присутствие дополнительного прохода.

— Благодарю за доверие. Мой номер у вас есть, — сказала я ей и, пожелав доброй ночи, ушла в свой номер.

Она же направилась в свой, погружённая в мысли о произошедшем. Идеальная мишень для Шедшего. Всё расскажет, не открывая рот. И сделать я ничего с этим не могу. Либо ошибусь из-за сложности построения скрытых печатей, либо он взломает её, потому что наша стычка на пути к Мон-мартру была показательной — он умеет работать с мыслями и их взломом не хуже меня.

Расстроившись из-за дополнительных рисков, я отправила Мише фотографию орнамента. Затем остальные фотографии Софии для анализа происхождения зеркала. Та написала привычное: «Дай сутки», — после чего я легла спать, потому что Миша ещё не проснулся в своём часовом поясе. Но не могла даже задремать, поскольку мучали вопросы.

Что мне делать с мыслями Жуа? Как мне вынудить Рашата действовать необдуманно, если он чрезмерно аккуратен и не менее внимателен? И сколько субличностей он успел сменить, чтобы защитить свою истинную личность? Отвечать придётся самостоятельно, не ожидая помощи и не рассчитывая на глупость или благосклонность врагов. Тем более один из них мастерски подстраивается под происходящее и реагирует безошибочно и моментально. Кто же ты, Рашат? Такой же неудачный эксперимент, как я, или мощное оружие, не дающее осечек?

Часть вторая. Адаптация

Карта на сукне.
Она ухмыляется.
Я проиграла?

Я впервые столкнулась с чем-то сложным и необъяснимым. Когда-то не требовала ответов, потому что была их источником. Оттого уверенно пробивала себе путь. Сейчас же мне очень нужны хотя бы подсказки. Те самые короткие «да» или «нет», которые решат, что случится со мной на пути, куда я направлюсь и с кем. Выбор спутника не менее важен, чем сама дорога. Можно пренебречь картой, сказать, что она ничего не стоит. Но если такое сказать про человека, идущего с тобой туда, где неведомое в виде тумана закрывает цель, отдаляя её или приближая, то велика вероятность получить камнем по голове и лишиться возможности первой добраться до места для установки флага.

Сколько было случаев моей глупости? Выбор падал на ближнего, репутация которого была если не идеальной, то хорошей. Выбор падал на отстранённого, чьи поступки слыли скупостью нравственности и морали в своих действиях. Мне было привычно стрелять наугад в молоко и попадать в цель под влиянием интуиции. Сейчас мне сложно. Я при-

выкла к очевидности и предсказуемости, и как мне поступать в условиях нереализуемого плана, если привычки укоренились, а сознание отвергает спонтанность?

Отказаться от подозрений. Стать мишенью, в которую стреляют, чтобы промазать, но попадают или прошибают ровно в середине. Условности и нестабильности, подвергаемые жёсткому анализу, но в то же время ошибочно расцениваемые, как фундаментальное. Вот, что у меня на душе. Вместе с пониманием невозможности положиться на едва знакомых, принимать их в свои ряды и радоваться, что сейчас появились лишние руки, ум, силы.

При условии, что они отдадут мне их безвозмездно, я всё равно не имею гарантии, что однажды они не потребуют платы. А если это специальный трюк, который вгоняет меня в безволие и бессилие. И вот, я уже не могу без их рук, ума и сил. Сама не думаю, сама не понимаю. Просто подчиняюсь коллективу и строю из себя лидера, который ничего толком не может, научившись делегировать тем, кто узконаправлен в своих умениях. Так ли важна я для союза? Я для него пустое место, если доверие растащит меня на всех его участников.

И тогда слышу я рассказ того, кто глазами видел почти всех Людовиков. Как же близки мне все перипетии и сомнения: «Я стоял тогда в отдалении. Очередное опрометчивое желание Ришелье заставило его связаться с Марией Медичи. Ах, если бы он знал, что для него это будет равносиль-

но изгнанию. Дело в том, что новоявленный маршал Кончини, который желал власти не меньше самого Ришелье, позволил себе при дворе слишком много. Столь жадной оказалась и Мария, которая в итоге была сослана после негласной и заказной казни Кончини в Блуа, а с подругой, Леонорой Галигаи, распрощалась, когда та горела на костре, как ведьма. Людовик XIII был неприметен и терпелив к чужой власти до тех пор, пока не понял, что олигархия, они же «великие», способны лишить его статуса. Нет, после смерти любимого друга Люиня, который был врагом Ришелье, он не хотел больше никого и ничто терять. Не плакал, стремился к абсолютной монархии.

В глазах Людовика я видел гнев, который готов был рубить руки знати, возжелавшей чужих заслуг, чужих благ, чужих жизней, не отнятых, но присвоенных. И когда за связь Ришелье с Марии Медичи, за его склонность к отношениям с Кончини, Людовик вернул врага покойного товарища... я был ошеломлён. Ришелье получил место кардинала, а далее практически заменил самого короля, ведя от его имени, с его благосклонности, все внешние политические дела. И как бы Людовик не унижал Ришелье, тот терпел, а король сильнее прежнего указывал на его чрезмерную благосклонность. Если править, то деспотично, не позволяя мышам вылезать из нор. Ришелье терпел во имя Франции, во имя короля, во имя той монархии, о которой мечтал. Мечтал, подобно королю, заткнуть грязные пасти «великим», надеялся, что сможет чу-

жими руками добиться величия Франции.

И когда протестанты и католики снова сцепились на арене Новой истории, я видел всё и со стороны двора, и со стороны простого люда, Ришелье решил уничтожить руками Дании и Швеции, объединёнными общей целью, влияние Австрийской гегемонии на Европу и саму Францию. Однажды чрезмерно эмоционально затянулись слезливой плёнкой глаза Ришелье, желавшего доказать своё могущество, шагавшее неразрывно с королём и его монархией. Внутри государства зрел конфликт, который можно было решить, ворвавшись в оплот гугенотов, протестантов, Ла-Рошель. И Ришелье позволил королю въехать в сокрушённое укрытие, подавив часть восстания. Но это было лишь началом, ведь кардиналу, очерстневшему со временем, было очевидно, что нужда народа являлась самым действенным способом его сдерживания. «Нет более покладистых людей, чем те, кто думает о том, как набить свою брюхо». Я был не согласен с его мыслями. Ведь народ страдал. И в скором времени это обязательно скажется на благополучии государства.

Но лишь о войне шла речь. Шведы пали, но и Австрия была на грани. Тогда вмешалась Испания, претендовавшая на однозначную победу. Финансы утекали на военные дела. Я не думал в тот момент, что что-то делалось зря. Мне хотелось скорее увидеть финал Ришелье, который обещал господство Франции. И вот её час настал. Кардинал решил вмешаться в военные действия и сокрушить Испанию, пришедшую на

помощь Австрии. Один единственный выход: объединиться с протестантской Германией. Да, тех же протестантов подавили в Ла-Рошель. Какая ирония, наблюдал я за происходящим десять лет, пока Ришелье старался всеми силами довести своё дело до конца. Волновался ли при этом Людовик? Я его не видел, не хотел и не мог. Думаю, что кардинал действовал по его указке.

И наконец триумф! Испанец изгнан из Франции! Войска продвигаются по значительным территориям Европы, позволяя расширять границы, утверждать Ришелье на постаменте победителя. Что могло быть большим счастьем? Только долгожданное рождение Людовика XIV. Да, Анна Австрийская родила сына королю, который боялся женщин и неохотно ложился с женой в одну кровать. Но вместе со счастьем при дворе в то время уже стало ясно, что близится конец Ришелье, ведь солнце озарило род монархов. И снова видел я в глазах кардинала негодующую маслянистость, а на шее и щеках — бурый румянец. Он не желал расставаться с делом всей его жизни. Но горькая правда болезни — затуманивающий сознание яд, отравляющий веру в ложь, «а может быть, ещё поживу». Эх, нужно было подавить протестантскую Европу, позволив католической воспрять. А её сердцем стучала бы Франция. Эх, успеть бы! Но Ришелье умер. А вслед за ним почил и сам Людовик XIII, оставляя Анне Австрийской, а также своему наследнику, Людовику XIV, пошатнувшийся мир внутри триумфальной наружности.

Со временем новый король, которому не верили, перестанет верить кому-либо сам, но об этом я расскажу чуть позже».

Глава первая. Осколки в захолустье

Едва часы пробили пять утра, как мой телефон зазвонил. Я была уверена, что так рано мог позвонить только Миша.

— М? — мыкнула я, прикладывая телефон к уху и продолжая лежать с закрытыми глазами.

— Еле дотерпел до пяти! — восторженно крикнул он. — Да, это тот орнамент! Только я видел в другом ракурсе. Была яркая фреска, свет падал от окна, орнамент...

— Ты видел первоисточник, откуда его достали? — спросила я, поднимаясь на локтях и убирая волосы с лица.

— Да! Я думаю, что это видение о месте, где этот осколок лежал или подсказка, где все подобные осколки спрятаны сейчас, — подтвердил Миша.

— Во временном континууме могут быть искажения. Возможно, это изначально орнамент на раме, а не краю фрески.

— Нет, уверен, я увидел всё точно! — настаивал Михаил.

— Ещё что-то видел? — спросила я и встала с кровати, упираясь локтями в колени и кладя на ладонь часть лица.

— Нет.

Я вздохнула и вспомнила, что всё это время разговаривала вслух. Осторожность не помешала бы, потому что толком не известно, какое техническое и магическое оснащение у земных ящеров. Надеюсь, ничего лишнего не сказала.

— Ладно, — успокоила я его, испытывая негодование. —

Я арендовала комнату на полгода. Думаю, поиски затянутся.

— Полгода?

— Уже скучаешь?

— Ну...

— Сам же чуть что сбегал от моего общества, теперь волнуешься, что меня долго нет, — посмеялась я и пошла в ванную умыться.

— Не думал, что получится настолько долгое путешествие, но территория исследования большая, многое неизвестно. Справедливо — остаться на такой длительный срок.

Я посмеялась, попрощалась и отключилась. Было слышно, что ему скучно без меня. Точно говорю, скучает бедолага. Но стоило мне положить гистофский телефон, как на него позвонила София по видеосвязи. Я сдвинула брови и ответила:

— Почему вам всем не спится в такую рань? — возмутилась я.

— Я еле дождалась твоего утра, — всплеснула она руками и прислала файлы в мессенджер.

— Который у вас?

— Час ночи, — оборвала София и сразу начала рассказы.

— Мне удалось восстановить печать.

— Подожди, я подключу наушник...

— У тебя там чистая территория, я уже получила согласие от ЛеГода и отправила несколько агентов к поместью, высылаю их фото и краткую характеристику. Возможно, пришлю

ещё, если обстановка накалится. Агенты постоянно проверяют территорию. И как ты посмела впутать в дело гражданскую? — неожиданно спросила София. — Если ты навредила ей или оказала влияние, то...

— Того требовали обстоятельства. У меня теперь есть доступ к одному из артефактов, за которым охотится Рашат. Я могу исследовать, а также использовать как приманку.

— А ещё у тебя в распоряжении одна невинная жизнь, которая сто процентов пойдёт в расход как заложница, знающая слишком много. Никаких лишних и недопустимых решений! Все действия ты должна строго координировать со мной. Отправляй не только отчёты, но и текущие наблюдения через защищённый канал связи. Я же не просто так его отлаживала, чтобы раз в день с тобой созваниваться, — начала отчитывать меня София, почувствовав власть куратора моей миссии.

— Для охраны гражданской ты и прислала агентов, — пожала я плечами и положила телефон рядом с раковиной, чтобы почистить зубы.

— Да, давай! Говори с начальством и чисть зубы. Можешь ещё и душ принять.

— Я не виновата, что ты позвонила невовремя. Так что там с печатью?

Она обратилась к документам и начала рассказ:

— Я восстановила печать и подпись. Печать принадлежит стекольному заводу на острове Мурано. Подпись нанесена

рукой династийного итальянского мастера по стеклу. Он изготовил по специальной технологии за жизнь всего два зеркала. А так занимался кувшинами и украшениями. Из архивов завода я достала два изображения. И судя по полученным данным, ты прислала мне лишь небольшую обрамлённую часть. Это либо единственный осколок от зеркала, либо один из множества осколков, на которые оно разбилось. Но у меня к тебе вопрос: зачем ты интересуешься этими зеркалами?

— У меня возникла теория, что Рашат может искать целый артефакт или конкретную его часть.

— То есть он сейчас изучает времена правления Людовика XIV, потому что хочет собрать зеркальный артефакт? — спросила София и что-то пометила в своих заметках на компьютере.

— А почему вдруг интересные союзу лица не могут осуществлять поиск подобных артефактов для того, чтобы расширить свой магический потенциал и использовать в своих целях? Очень логично.

— Да, логично, но пока безосновательно. Нам нужны доказательства в виде других осколков или зафиксированных записей, разговоров об артефакте и его предназначении. Но я пока не могу разрешить тебе прямой контакт с Рашатом, особенно после упоминания его способностей в твоём отчёте. Нужно время на обсуждения с начальством.

Снова какие-то ограничения. Ладно, в этом есть опреде-

лённый смысл. Тотальный контроль миссии необходим, чтобы минимизировать количество ошибок. София старалась провести компанию идеально и документально, и практически.

— Ещё вопрос про другое зеркало мастера. Что с ним? — спросила я.

— Оно целое, в том виде, в котором было создано, и находится в Венеции, в доме антиквара. О втором зеркале известно только то, что оно доставлено вместе с первым в Версаль в XVII веке. Но никаких других упоминаний не найдено, где оно находилось и каким образом вернулось в Италию. Только чек и занесение записи о приобретении в картотеку антиквара в конце прошлого тысячелетия. Думаешь, что оно тоже является магическим артефактом?

— Уверена, что они взаимосвязаны, особенно после того, как ты сказала, что оно побывало в Версале, где могло также, как и первое, быть превращено в магическое. Остальное пока неясно, как и цель Рашата, если он их ищет, что тоже пока спорно.

— У меня было ещё одно предположение, что осколки из дворца короля могли растащить и сделать меньшие копии, — сказала София. — Но оно было опровергнуто. Я поискала на барахолках и у коллекционеров, ничего не нашла. Никаких совпадений, упоминаний, вранья вокруг зеркал, что они могли быть во дворце — ничего, кроме факта нахождения зеркала в Версале.

Я уже сидела за столом и смотрела в свои записи.

— Здесь только выведывать у самого Рашата.

— Но не вздумай лезть к нему напрямую и сразу. Мне не нравится графа в отчёте, цитирую: «Обладает повышенной концентрацией и древними навыками работы над сознанием и мыслеформами». Это та же техника, которой обладаешь ты, но неизвестно, кто в итоге победит в ваших дуэлях: он, кто занимался последние годы только практикой, или ты, которая последние два года вообще ничего не делала.

— Твои опасения обоснованы. Хорошо. Действовать без приказа не буду, — сказала я и подняла глаза от записей.

— Ты должна уяснить, что в тебе я не сомневаюсь, но не представляю, какими ресурсами обладает Шедший. У него каждый день, как слепок предыдущего, а потом он меняет локацию и делает новый слепок, по которому живёт. Огромное количество субличностей, безупречный их контроль. Нет ни слабостей, ни сильных сторон. Ничего, что выдавало бы в нём живого человека. Ни. Одной. Ошибки.

— Не страшай. Он не робот, а живое существо, которое пытается добиться своей цели любой ценой, даже такой непосильной, как жизнь по слепку, — потянулась я к чайнику и включила его, чтобы приготовить кипяток.

София покачала головой.

— Вот именно! Любой ценой. Я лично знаю, что за люди, которые имеют такую цель.

Она намекала на меня.

— Ты можешь с ним взаимодействовать на расстоянии, но сотрудничество любого характера я буду расценивать, как нарушение контракта и попытку измены. Зафиксировать в протокол беседы.

На фоне послышался машинный голос искусственного интеллекта, который подтвердил новый пункт в нашем договоре.

— Требуется согласие на добавление уточнения в пункт контракта, — сказала София, сделавшись холодной и неприступной.

— Согласна на добавление уточнения.

Машина идентифицировала мой голос и внесла окончательные изменения в код договора.

— А если он принесёт мне осколки, попросит передать их вам и принять его в наши ряды?

— Никаких соглашений! Вторжения на его территорию только по согласию. Взаимодействие осуществлять только в рамках защитных техник без прямого или близкого контакта с целью.

Тут я поняла, что опасения Софии совершенно не относятся к тому, что прописано в личном деле Рашата или моих отчётах. Её понимание ситуации выходит за рамки миссии в целом, но нигде об этом сказано или написано не было.

— Ты знаешь больше, чем зафиксировано в твоей папке миссии. Не хочешь рассказать? — зацепилась я за её беспокойную интонацию.

— Не хочу, потому что не знаю больше, чем зафиксировано в моей папке миссии, — повторила она мои слова.

Настанет время, и я сама всё узнаю.

— Хорошо, если так. Есть ещё данные?

— Пока не нашла.

— Мне стоит наведаться в местные архивы?

— Нет, — задумалась София. — Тебе нужен пропуск, а мне лень его подделывать.

— Что тебе? — посмеялась я и выключила закипевший чайник, чтобы залить растворимый кофе. — Лень?

— Да какой толк от этих архивов, если я всё в сети нашла, все сайты взломала и вытащила, что мне нужно. Зачем ходить там, перечитывать тонны текста? Тебе заняться нечем?

Я села за стол, стоявший рядом с окном, и поставила перед собой кофе.

— Есть чем, если ты благосклонно отдашь приказ, команди-и-р, — повторила я её интонацию, которую нередко слышала в далёком прошлом от неё по отношению ко мне.

— Ладно, — выдохнула она и прислала ещё файлы. — Скачивай, пока защитный протокол канала связи не подменил инфу. Изучай и исследуй жизнь Людовика XIV. А ещё всё же сходи на барахолку, сейчас пришлю адрес. Шедший там отирается каждые выходные. Мне кажется, он так упорно ищет что-то именно на этой барахолке, потому что уверен, что осколок там. Собери улики. Можешь запросить финансовую поддержку на покупку зеркала, если его там най-

дѣшь.

— Думаю, он отирается, потому что уверен, что я там скоро появлюсь, — предположила я.

Разговор с Софией был завершён, файлы скачаны, а некоторые вопросы остались без ответа. Я и Шедший как-то связаны или наоборот. И дело не только в том, что он последователь и ученик Хью. У меня есть вариант, что они хотели сделать его наследником трона змиев вместо меня. И София знает об этом, но не говорит, чтобы никто не задался вопросом откуда у неё эта информация. Она также насторожена, потому что понимает, что я могу в любой момент сколотить свою общину и заявить свои права на тот же трон, устраивая престольную неразбериху под руководством обезумевших старцев Патрицы. Устраню всех регентов и восседающих правителей. Устрою переворот. Заключу союз с Тауэром, а потом вкушу власть и поддамся велению всех поработить. Это всего лишь теории и предположения, но интуиция, которая ни разу не подводила меня после миссии на Кайлас, подсказывает, что не беспочвенные.

Какое место в этой истории занимает Рашат? Он либо приманка, либо соперник. А на самом деле ни то и ни другое. Он всего лишь цель, к тому же его история совсем не похожа на мою. Я имела легенду, он появился из неоткуда. Я была живой, он словно манекен. Не создан ли Рашат, чтобы отвлечь меня от подпольных манипуляций. Теория заговора никогда не строится на виду. Но София прописала но-

вый пункт в контракте. Мне нельзя приближаться к Шедшему без введомой на то причины. Как же съедает любопытство, почему. Я не знаю, что происходит, но надеюсь на худшее, потому что любые другие варианты исхода будут не такими непредсказуемыми.

И хоть София мне запрещает, я всё равно пойду на прямой контакт с Рашатом, потому что не боюсь облажаться и хочу лучше изучить его техники. В них чувствуется древнее начало, которому меня обучал отец, даже Хью не обладает такой мощью. Я была единственной. Очень занимательно, если именно Шедший уже сидит на троне и только претворяется приспешником Хью. Это была бы отличная рокировка, я бы аплодировала стоя. Кстати, было бы неплохо осведомиться, кто занял трон в общине и существует ли она до сих пор. София говорила только про вымирание диалекта, но не про поселение в Потерянном лесу. Много же я успела надумать пока ждала, когда кофе немного остынет.

Многократно перечитывала то, что прислала София. Всё кружилось вокруг короля-солнце, самого известного правителя, который изменил Францию, изменил её народ. А теперь он прямо сейчас меняет мою историю. Благодаря ему я вернулась к тому, от чего отказалась. Глупость сделала, когда не стала заключать контракт с Центральным комплексом, где раньше управлял ЛеГод. Думала, что мечтаю о спокойной жизни, но не могу жить без движения. Поэтому все беды и происходили в деревне. Я губила себя бездействием, соби-

рала вокруг себя вихрь негативной энергии и притягивала всё худшее, с чем могла справиться, но не могли те, кто был рядом.

Когда наступило время завтрака, я спустилась в ресторан. Там сидело три человека. Они что-то писали, читали, смотрели. Были обычными постояльцами, но с неведомым образом закрытыми мыслями, что в моём понимании выводило их из состава просто «постояльцев». Вероятно, это — люди, присланные Софией, которые, кроме моего, привлекли также внимание Жасмин. Она сидела за дальним столом и недоверчиво бросала на них взгляды.

Проигнорировав их присутствие, я села за стол и получила свой завтрак от добродушной француженки, которая всегда улыбалась за исключением вечеров, когда испытывала сонливость из-за ранних подъёмов. Мадам Жуа сжала губы в нерешительности, а потом взяла тарелку и чашку с соком, после чего прошла ко мне за стол. Я равнодушно приняла её компанию и продолжила есть.

— Мадмуазель Комарова, кто те люди, которые заехали сегодня ночью и утром? — спросила она, догадываясь, что их присутствие связано с нашим вчерашним разговором.

— Те, кто защищает важных свидетелей. Вы много знаете, мадам Жуа.

— Жасмин, — поправила она.

— Мария, — подняла я на неё глаза, принимая предложение перейти на имена.

Она заглянула мне за спину и опустила глаза, делая вид, что перебирает листья, спрятанные в круассане вместе с ветчиной.

— Что мне теперь делать? — дрожала она внутри, стараясь не показывать это снаружи.

— Жить как прежде. Они всегда будут поблизости. Но если вам потребуется что-то неординарное, например, уединиться с любовником, предупредите, чтобы не мешались под ногами.

Моё «например» её смутило, заставляя прятать глаза, потому что она ни с кем не встречалась уже очень долго.

— Они опасные? — исподлобья оглядела парней девушка и снова уставилась на тарелку.

— Для врагов да, но *вы* за ними как за каменной стеной. Главное не бежать и не скрываться от их слежки. Это может навредить в первую очередь вам.

— После общения с вами, Мария, мне удобнее спрятаться за стенами своего пансиона. Если добро такое пугающее, боюсь представить, какое зло во всей этой загадочной истории.

Я хмыкнула, но быстро подавила улыбку, отвечая:

— Оно очень мягкое, ненавязчивое и вызывающее доверие. Меня уже пытались околдовать, возможно, пытались околдовать и вас, Жасмин.

Она подняла на меня удивлённые глаза, в которых застыла просьба закончить мысль.

— Но сейчас это сделать труднее, потому что у тех пар-

ней приказ ликвидировать подозрительную активность около гражданских. У меня такого приказа нет. Вам повезло, что у меня чрезмерно благосклонное начальство, но не повезло вашим врагам, кем бы они ни были.

Я говорила очень тихо, донося слова только до неё. Они успокоили мадам Жуа, это было понятно по её расслабившемуся лицу, а также мыслям, которые вспоминали последние события и мешали информации в единый винегрет.

— Кто вы? — спросила она наконец.

Этот вопрос она если и имела ввиду ранее, то не в том ракурсе, в котором задавала сейчас. Конечно же, я не буду сообщать ей шокирующую новость, но утолить её любопытство захотелось. Не знаю, почему так к ней прониклась. Будто она однажды может стать для меня важным человеком.

— Охотница за знаниями, которые могут многое изменить и пресечь активность тех, кто перестал чувствовать землю под ногами.

— Организация?

— Компания исследователей, — уклонилась я от ответа и увидела кивки, но не услышала безмолвных рассуждений, как и не почувствовала печатей у неё на мыслях.

Я начала лезть в её сознание, но сразу же получила тройной отпор от охраны. Не думала, что навыки агентов комплекса настолько возросли. Жасмин поморщилась, испытывая головную боль. Я бросила короткий взгляд на читающего агента, который выглядел так, будто совершенно не напряга-

ется, взаимодействуя с мыслями чужого человека.

Мадам Жуа увидела моё странное поведение и поняла, что стала объектом чьего-то влияния, но ничего не сказала. После завтрака молча ушла, скрывая беспомощность перед невиданной силой. Я же из ресторана пошла прямой наводкой на барахолку, располагающуюся в другом конце города. Сегодня был будний день, встретить Шедшего не представлялось возможным, если он не стал преследовать меня и постоянно ходить по тем местам, которые должны были привлечь моё внимание его активностью.

Я зашла на странный рынок, где пахло кожей, старым деревом, пыльными книгами. Людей было немного, потому что интерес к рынку был в основном в свободные от работы дни. Мне же лучше — нет лишнего шума.

От редких и антикварных предметов, в основном ритуальных, спиритических, магических исходило невероятное свечение. Я сделала несколько незаметных снимков, на которых увидела то же самое. Для меня было удивительно, что я стала так отчётливо видеть энергетические отпечатки, словно видение открылось полностью, работая до этого с перебоями. Довольная собой, я сначала не заметила скрытых от любопытных глаз меток, оставленных специально для меня.

«Вот же она, — думал он, рассматривая её спину. — Не

видит меня, как и всегда. Ходит вокруг и около, не страшась быть раскрытой. Её риск привлекает, копается во мне и заставляет вожделеть нашей встречи. Когда же ты первая скажешь мне слово? Назовёшь меня по имени? Ты владеешь мной, а сейчас идёшь по моим следам. Я тебе интересен. Я очень тебе интересен, моя милая змейка. Покажи мне свою чешую, чтобы я знал, что ты та самая истинная царица, древний дракон, которого я повстречал давным-давно. Вспомни меня, узнай меня, и назови меня по имени».

Рашат от поместья до барахолки следовал за Рией, которая его не замечала. Она сейчас ходила по рядам и интересовалась различными безделушками, не чувствуя, как за её спиной невидимой тенью скользит змей искуситель. Шипит душой и телом, именем и языком. Появился внезапно, внезапно исчез, когда Рия обернулась, чтобы посмотреть, чей взгляд на себе ощущала. «Я снова позади, следуй за моими метками. Видишь их, вижу, что их видишь, — шипел он про себя. — Ты почти попала в мою обитель, где я ждал тебя, царица. Ты достойная замена отца, покажи всем хладнокровным, что я прав. Покажи отбросам, которые говорят за тобой и моей спинами гадости! Мы вместе найдём власть в мире, разделим её поровну. Я — это продолжение тебя, потому что есть во мне твоя частица. Но и я оставил свою метку, поэтому ты видишь всё, чего я касался. Мои следы, а не аура предметов. Моя метка при тебе, я чувствую тебя. Твой запах опоясывает меня, твой след тянется, будто ты чертишь его

хвостом. Манишь меня. Манишь меня!»

Рия снова огляделась, чувствуя тревожное предостережение окружающего пространства. Удостоверившись, она повернула голову на дверь, около которой была светящимися частицами, видимыми только ей, начертана знакомая фигура. Рия достала фотоаппарат, вызывая у Рашата недоумение. Он боялся читать её мысли. В прошлый раз едва не пустил в свою голову. Второй раз так легко выдавать себя не хотел. Но Рия сделала снимок двери на необычный для землян фотоаппарат и пошла дальше. «Нет! Куда же ты?» — подумал Рашат и едва не сорвался с места, чтобы вернуть её к двери в своё убежище, где она бы нашла много информации, прониклась его целями, увидела в нём нечто большее, чем видят все вокруг. Но он сжал столб, не смог перенести нахлынувшего разочарования и сорвался с места, оставляя на древесине глубокие царапины от выступивших когтей.

Рашат забежал в укрытие, от которого Рия успела отойти на некоторое расстояние. Он прошёл по извилистой лестнице. Нажал на нужные кирпичи в стене, где были видимые ему и ей метки, после чего прошёл в тёмную комнату со спертым древесным запахом, отдающим гниющей трухой. Так обычно пахло от него, когда он не мог контролировать своё эмоциональное состояние, подвергаясь влиянию образа, который от всех прячет. Рашат схватил три осколка зеркала, закинул их в рюкзак, откуда вытряхнул все вещи, которые, надеялся, привлекут Рию. Она дотронется до них, а он соберёт и наде-

нет, зная, что её рука касалась ткани. Даже мысль об этом вызывала волнение. Но она не зашла! Должна была зайти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.